РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1952 ГОДА

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

3

МАЙ–ИЮНЬ

"НАУКА"

МОСКВА – 2003

СОДЕРЖАНИЕ

В А Виноградов, А И Новиков, Е И Ярославцева (Москва) База данных "Языки мира" как инструмент лингвистического исследования 3
В Л Цымбурский (Москва) Этно- и лингвогенез Трои как преломление индоевропейской проблемы (К 75-летию со дня рождения Л А Гиндина) 15
М И Шапир (Москва) Три реформы русского стихотворного синтаксиса (Ломоносов – Пушкин – Иосиф Бродский) 31
Э М Береговская (Смоленск) Система синтаксических фигур к проблеме градации 79
Т С Сорокина (Москва) Функциональные основы теории грамматической синонимии 92
А Н Соболев (Санкт-Петербург) Новгородская псалтырь XI века и ее антиграф 113

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Рецензии

Л В Куркина (Москва) *M L Greenberg* A Historical phonology of the Slovene language 143
А И Илиади (Киев) *Ю Л Мосенкис* Мова трипільської культури Джерела Методи Результати реконструкції 149

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Хроникальные заметки 154

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Ю Д Апресян И М Богуславский А В Бондарко В А Виноградов (зам главного редактора) *В Г Гак В З Демьянков В А Дыбо В М Живов А Ф Журавлев Е А Земская Вяч Вс Иванов Н Н Казанский Ю Н Караулов А Е Кибрик* (зам главного редактора) *М М Маковский* (отв секретарь) *А М Молдован Т М Николаева* (главный редактор) *В А Плунгян Е В Рахилина*

Зав отделами *М М Маковский Г В Строкова М М Коробова*
Зав редакцией *Н В Ганнус*

Адрес редакции 119019, Москва, Г 19 ул Волхонка 18/2,
Институт русского языка им В В Виноградова
Редакция журнала 'Вопросы языкознания'
Тел 201-25-16

© Российская академия наук 2003

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 3 2003

© 2003 г. В. А. ВИНОГРАДОВ, А. И. НОВИКОВ, Е. И. ЯРОСЛАВЦЕВА

БАЗА ДАННЫХ "ЯЗЫКИ МИРА" КАК ИНСТРУМЕНТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В Институте языкознания РАН давно ведется разработка базы данных (БД), включающей в себя свернутые, формализованные и определенным образом структурированные описания языков мира. БД "Языки мира" в настоящее время находится в такой стадии разработки, когда она вполне может уже использоваться как инструмент лингвистического исследования, в чем и состоит ее основное назначение. В связи с этим главной целью данной статьи является краткое описание устройства этой БД и тех, полезных для лингвистики функций, которые она способна выполнять на данном этапе ее создания.

У истоков создания БД "Языки мира" стояла член-корреспондент РАН В.Н.Ярцева – автор и руководитель проекта «Энциклопедия "Языки мира"». Ей принадлежала идея создания с помощью компьютера справочного аппарата к этой энциклопедии в виде системы указателей. Затем идея трансформировалась в проект по разработке базы данных, создаваемой на основе энциклопедии, но позволяющей в дальнейшем извлекать сведения лингво-типологического характера без непосредственного обращения к самому энциклопедическому изданию.

1. КРАТКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Первоначально разработка базы данных осуществлялась в Институте языкознания РАН специально созданной для этой цели проблемной группой, куда входили сотрудники как отдела прикладного языкознания (А.К. Валентей, А.И. Новиков – руководитель группы, Н.К. Рябцева, Е.И. Ярославцева), так и сотрудники группы "Языки мира" (М.А. Журинская, В.П. Калыгин, А.А. Кибрик, Н. Рогова, Я. Тестелец). Большую помощь группе оказывали редакторы и авторы энциклопедии: М.Е. Алексеев, В.А. Виноградов, Г.А. Климов и др. В этот период был осуществлен теоретический анализ проблемы, подготовлен исходный материал и проведены экспериментальные исследования. Полученные результаты нашли отражение в ряде публикаций, в том числе, в монографии [Журинская, Новиков, Ярославцева 1986], представляющей собой своего рода эскизный проект создаваемой базы данных

В начале 90-х годов работы по наполнению базы данных информацией из-за плохого финансирования велись недостаточными силами Несмотря на это, старшим научным сотрудником отдела прикладного языкознания Ю.П. Скоканом был разработан комплекс программ, позволяющий осуществлять ввод, редактирование и корректировку информации. С помощью данного программного продукта было введено и отредактировано около 200 описаний языков как на русском, так и на английском языках усилиями главным образом старшего научного сотрудника Е.И.Ярославцевой.

В 2000 году к данному проекту присоединился Московский государственный лингвистический университет, где была создана Лаборатория типологических исследований (зав. лабораторией – А.И. Новиков). В соответствии с договором данная тема в настоящее время разрабатывается как совместная.

2 УСТРОЙСТВО БАЗЫ ДАННЫХ

Что представляет собой БД "Языки мира" в структурном отношении? Как и всякая другая БД, это – таблица, состоящая из строк и столбцов В каждой строке такой таблицы записан один определенный языковой факт, а столбцам поставлены в соответствие названия языков, по отношению к которым эти факты являются релевантными Наличие такой взаимной релевантности фиксируется в виде определенной пометки на пересечении соответствующих столбцов и строк Множество языковых фактов, относящихся к некоторому конкретному языку, составляет формализованный реферат описания данного языка Он может быть вычленен из общей структуры БД и представлен отдельно без пометок в виде перечня составляющих его языковых фактов

Содержимое всех строк, взятых без пометок, отдельно, как перечень языковых явлений и категорий, составляет так называемую модель реферата (МР) В отличие от рефератов, которые создаются в процессе функционирования БД, модель реферата, вернее, ее базовый компонент, создается предварительно на одном из первых этапов ее построения

Базовый компонент – это тот минимум языковых фактов, который является необходимым и достаточным для описания нескольких первых языков, попавших в экспериментальный массив, на котором отрабатывались основные принципы построения БД В дальнейшем МР постоянно расширяется в процессе эксплуатации БД за счет включения в нее тех языковых фактов, которые встречаются в описании очередного языка, но не содержатся в ней

В структурном отношении МР представляет собой классификационную схему в виде иерархического дерева Первому уровню такой иерархии соответствуют наименования классов языковых явлений Они практически идентичны тем классам, которые содержатся в схеме статьи, используемой в энциклопедии "Языки мира

Внутри классов выделяются возможные аспекты рассмотрения данного класса языковых явлений Совокупность аспектов – это дальнейшая градация содержания, осуществляемая на уровне каждого раздела.

Классы и аспекты – это универсалии, априорно задаваемые в модели как наименования явлений, общих либо для большинства описываемых языков, либо для некоторой группы языков Они соответствуют подтемам и субподтемам описания некоторого языка Элементы, находящиеся на более низких уровнях иерархии, – подаспекты и характеристики – соответствуют более конкретным языковым явлениям, специфичным для одного или нескольких описываемых языков Различие между подаспектами и характеристиками носит скорее формальный, чем содержательный характер подаспект определяется как обобщенное название какой-либо однородной группы характеристик, являющееся в модели подчиненным некоторому аспекту Характеристика – это запись такого языкового факта, который не дробится на более мелкие факты и не имеет в модели подчиненных себе элементов Группа однородных характеристик, подчиненных одному подаспекту, называется массивом характеристик Количество подаспектов внутри некоторого аспекта может варьироваться в достаточно широких пределах аспекту могут быть непосредственно подчинены характеристики (т е подаспекты отсутствуют), и внутри аспекта может содержаться до пяти (в принципе неограниченное число) уровней иерархии, последний из которых (самый низкий) представлен характеристиками, а все промежуточные являются по определению подаспектами На одном и том же уровне иерархии могут находиться элементы, имеющие статус подаспекта и статус характеристики первые подчиняют себе некоторые другие элементы, вторые не характеризуются подчиненными элементами

Например, внутри аспекта "тон" (класс 2 1 2 "Просодические явления") выделяются подаспект "число тонов" (подчиняет характеристики "два", "три", 'более трех), подаспект регистровые признаки" (подчиняет характеристики "высокий/невысокий , высокий/средний/низкий" и т д), подаспект "контурные признаки" (подчиняет ха-

рактеристики 'восходящий/нисходящий" и пр), характеристика фонологически значимый тон", подаспект "носитель тона" (подчиняет характеристики "слог", 'группа слогов", "слово" и т д.)

Для отражения иерархии элементов, составляющих модель, используется специальная формализованная запись. Каждый следующий уровень иерархии записывается со сдвигом вправо Каждый сдвиг обозначается точкой В результате каждый последующий уровень иерархии имеет на одну "ведущую точку" больше, чем предшествующий Такая форма записи достаточно наглядна и легко позволяет автоматически определять уровень иерархии

По своей роли в модели рассмотренные выше структурные элементы делятся на два основных типа классифицирующие и фактографические К первому типу относятся наименования классов, аспектов и подаспектов, т е все те элементы, которые являются подчиняющими Среди классифицирующих элементов можно выделить постоянные элементы, т е такие, которые задаются в модели обязательно и с необходимой полнотой

Ко второму типу структурных элементов (фактографическому) относятся характеристики Характеристики, в отличие от классифицирующих элементов, не могут быть заданы с исчерпывающей полнотой и точностью Они соответствуют микротемам описания языков мира и должны задавать способ языкового выражения этих микротем Поэтому характеристики, включенные в модель, следует рассматривать как примеры возможного раскрытия подаспектов, языковое оформление которых служит своего рода образцом для записи характеристик конкретных языков

В модели обычно приводятся наиболее типичные, часто встречающиеся характеристики Если они совпадают с теми языковыми явлениями, которые описаны в статье некоторого языка, то их можно механически переносить в реферат В противном случае необходимо формулировать микротему таким образом, чтобы получилась новая характеристика, аналогичная по своим лексико-синтаксическим параметрам тем характеристикам, которые приведены в модели

По отношению к характеристикам, отражающим конкретные языковые данные по соответствующим языкам, классифицирующие элементы играют вспомогательную роль Они служат своего рода координатами, задающими место той или иной характеристики в модели и в конкретных ("реальных") рефератах

Для иллюстрации соотношения структурных элементов в модели приведем в качестве примера фрагмент класса 2 1 2 "Просодические явления"

2 1 2 Просодические явления	*– класс*
Ударение	*– аспект*
тип ударения	*– подаспект*
нефонологическое	*– характеристики*
фонологическое	
вид ударения	*– подаспект*
музыкальное	*– характеристики*
динамическое	
количественное	
смешанное	
Тон	*– аспект*
число тонов	*– подаспект*
два	*– характеристики*
три	
более трех	
и т д	

Реферат имеет идентичную структуру, поскольку является результатом включения в него из модели тех языковых фактов (строк), которые присущи данному конкретному языку Поэтому реферат не может состоять из чего-то другого, отличного

от того, что содержится в модели. Можно считать, что если реферат является основной единицей ввода, хранения и обработки в БД, то модель реферата – это инструмент формирования реферата, обеспечения его стандартности, унифицированности и тем самым формализованности. Поэтому она может рассматриваться как язык внутреннего представления информации в БД.

В настоящее время в БД содержится около 300 рефератов, что соответствует количеству статей, содержащихся во всех вышедших из печати к настоящему времени томах энциклопедии "Языки мира". Модель реферата, пополненная лингвистическими терминами в процессе ввода этих рефератов, включает в себя в настоящее время около 4 тысяч единиц, образующих своего рода "грамматикон", описание которого содержится в [Ярославцева 2002].

3. ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ, РЕШАЕМЫЕ С ПОМОЩЬЮ БД

3.1. Формирование и ведение базы данных. Основные функциональные возможности данной системы реализованы в ее программном обеспечении. Как уже отмечалось, комплекс программ для данной БД был разработан Ю.П. Скоканом. Они были написаны на языке Clipper и позволяли осуществлять ввод, хранение, инспекцию, редактирование и преобразования рефератов, а также ввод новых строк в модель реферата. Кроме того, с помощью этого программного продукта можно осуществлять автоматизированный перевод рефератов на английский язык. Программная реализация этих функций позволяет рассматривать процесс формирования БД как процесс ее постоянного расширения как по горизонтали (ввод новых языков), так и по вертикали (ввод новых строк в модель реферата).

В настоящее время данное программное обеспечение было перепрограммировано на языке Delphi и адаптировано под Windows[1]. Во второй версии программного обеспечения полностью сохранена идеология первой версии. Дополнительно были реализованы функции БД, связанные с информационным поиском.

3.2. Формальное сопоставление языков для установления степени близости между ними. Принятая форма представления информации в БД дает возможность проводить построчное сопоставление рефератов между собой и вычислять количественные показатели, характеризующие степень близости языков на структурном (грамматическом) уровне. В принципе специально разработанная для этой цели программа[2] позволяет осуществлять сопоставление каждого языка с каждым и получить 90 тысяч результатов такого попарного сопоставления. Но очевидно, что такой тотальный сопоставительный анализ не требуется, поскольку во многих случаях и без этого соотношение языков является очевидным. Поэтому наиболее целесообразным является такой режим эксплуатации данной программы, когда пользователь системы сам выбирает в качестве исходных и сравниваемых языков то множество языков, которые он считает наиболее интересным с точки зрения решаемых с помощью данной системы задач.

Результатом каждого попарного сравнения является некоторый количественный показатель в интервале от 1 до 0. Он характеризует степень близости сравниваемых языков в целом. Кроме того, количественные показатели близости определяются и на уровне каждого класса внутри сравниваемых языков. Все это фиксируется в виде протокола, который записывается в отдельный файл, и к нему впоследствии можно обращаться для анализа полученных данных. При необходимости он может быть скопирован, напечатан и т.д.

---

[1] Модернизация программного обеспечения осуществлена В.Н. Поляковым и В.В. Логуновым.

[2] Алгоритм и программа составлены А.И. Новиковым.

В верхних строках протокола фиксируется название сравниваемых языков, а также интегральная характеристика близости этих языков. Затем фиксируется наименование очередного класса и содержимое тех строк, которые совпали в результате сравнения данных рефератов. В каждой такой строке справа приводится "вес", который присваивается ей автоматически в процессе сравнения. Запись данных, относящихся к отдельному классу, завершается строкой, где записывается показатель близости сравниваемых языков на уровне этих классов. В конце протокола приводится список индексов классов и количественных показателей близости, упорядоченный по убыванию их величины. Ниже приводятся фрагменты такого протокола в качестве примера.

Исх. =.ИСПАНСКИЙ
.галисийский
S = .7374066987752987
2.1.1.ФОНЕМНЫЙ СОСТАВ
гласные 1
подъем 2
верхний/средний/нижний 3
ряд 2
передний/средний/задний 3
открытые/закрытые 2
общая схема монофтонгов 2
различия по ряду 3
в нижнем подъеме 4
отсутствуют 5
в верхнем подъеме 4
передний/задний 5
число монофтонгов 2
.....
вибранты 5
переднеязычные 6
глайды 5
губные/среднеязычные 6
дополнительные признаки 4
ретрофлексные/неретрофлексные 5
вибранты 6
Skl= .8155563472271702

2.1.2.ПРОСОДИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ
ударение 1
вид 2
динамическое 3
носитель ударения 2
слог 3
фиксированность 2
связанное 3
Skl= .6555183946488294
.....
2.5.4.СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ
особенности подчиненного компонента 1
оформление сказуемого 2
нефинитные формы 3
тип построения 1
сочинение/подчинение 2
тип связи 1
союзная/бессоюзная 2
союзы 2
самостоятельные служебные элементы 3
Skl= .8795454545454545

2 3 1 = 1
2 3 7 = 1
2 5 4 = 8795454545454545
2 5 2 = 8376623376623377
2 3 4 = 8232998885172798
2 1 1 = .8155563472271702
2 3 6 = 7682539682539682
2 4 0 = 762987012987013
2 3 3 = 7617021276595746
2 1 4 = 7222222222222222
2 1 3 = 7086681974741675
2 5 1 = 6862745098039216
2 1 2 = 6555183946488294
2 2 3 = 6529411764705882
2 3 5 = 6286518435125246
2 5 3 = .6076555023923444
2 3 2 = 589247311827957
2 3 0 = 3434022257551669
2 2 1 = 3333333333333334
2 2 2 = 2916666666666666

После сопоставления всех отобранных пользователем языков также производится упорядочение интегральных показателей их близости. Список таких упорядоченных показателей вместе с наименованиями соответствующих языков фиксируется в специальном файле, что позволяет хранить результаты сопоставления для последующего обращения к ним. Приведем в качестве примера такой упорядоченный спи сок для группы романских и некоторых других языков

Исходный = ИСПАНСКИЙ
еврейско-испанский 7864494160209003
галисийский 7374066987752987
итальянский 7142775508188599
старофранцузский 6977204222698277
португальский 6928346624175639
английский 690846066048237
провансальский 6872384720814565
ретороманский 6766647294743898
румынский 6681295708664254
латинский (м) 658930540489609
французский 6539475905969674
арагонский 6439591580251719
гасконский 6255930668137184
франкопровансальский 5963383739859804

Эти протоколы сами по себе могут представлять интерес в качестве материала для анализа при решении тех или иных вопросов теоретического или практического характера Но преимущественно интерес они могут представлять как большой целостный массив информации, к которому могут быть применены определенные автоматизированные средства обработки.

Получаемые в процессе описанной выше процедуры количественные данные имеют не абсолютную, а относительную значимость, что предполагает их определенную интерпретацию Для этого необходимо знать те принципы, которые были положены в основу данного метода, и те конкретные операции, которые используются в данной процедуре И ниже приводятся основные положения, на которых базируется данный метод

1) Структура реферата позволяет отразить описание того или иного языка, хотя и свернуто, но с той степенью полноты и точностью, с которой оно представлено в энциклопедии

2) Стандартность, унифицированность, формализованность процедуры составления рефератов делает их в структурном отношении подобными друг другу, а, следовательно, и сопоставимыми между собой.

3) Если это так, то возникает возможность прямого (построчного) сопоставления рефератов между собой

4) При этом можно считать, что чем большее количество строк сравниваемых рефератов совпало, тем ближе между собой эти рефераты, а следовательно, и языки, описываемые ими.

5) Такой чисто количественный подход является слишком упрощенным, в связи с тем, что в структурном и содержательном плане сравниваемые строки рефератов не являются равнозначными по отношению друг к другу. Поэтому здесь необходимо учитывать также и качественный аспект такого сопоставления.

6) Качественный аспект в данной процедуре может быть задействован, например, через приписывание строкам реферата "весов", отражающих их значимость в описании данного языка. При этом желательно, чтобы "весомость" строк определялась на основании формальных критериев.

7) В качестве такого критерия может служить степень конкретности и фактуальности содержимого строк реферата. Как уже отмечалось, наибольшей конкретностью обладают те языковые явления, которые в реферате выступают в роли характеристик и выражают фактографическую информацию, в отличие от других, выполняющих классифицирующую роль. Например, если при сравнении двух рефератов совпали такие категории, как "гласные", "подъем" и "ряд", но не совпали строки, в которых содержится информация о самих этих гласных (верхний/средний/нижний, передний/средний/задний и др.), то значимость такого совпадения является очень низкой Но здесь существует и обратная зависимость: если совпали конкретные характеристики, то должны совпасть одновременно и все вышестоящие подчиняющие подаспекты и аспекты. Таким образом, в сопоставлении участвует по сути не отдельная строка, а вся ветвь иерархического дерева, образующая иерархический контекст данной характеристики. При этом наибольшую значимость имеет именно характеристика, занимающая конечную позицию в этой цепи, а вышестоящие звенья этой цепи имеют значимость тем меньшую, чем более высокую ступень они занимают в этой иерархии.

8) В связи с этим в качестве формального критерия приписывания "весов" можно использовать количество сдвигов в каждой строке. На этом основании был реализован принцип, в соответствии с которым "вес" каждой строки равен количеству сдвигов, с которым записано ее содержимое: чем больше сдвигов, тем большим будет вес, приписывемый данной строке.

9) Этот критерий является формальным, а потому "веса" приписываются автоматически

10) Степень близости сравниваемых языков определяется по следующей формуле:

$$S = \frac{\sum_{i=1}^{m} Skl(i)}{m}, \qquad (1)$$

где M – количество классов, а $Skl(i)$ – результат сравнения по классу, полученный следующим образом:

$Skl(i) = (F + P)/2$, где·

$$F = \frac{\frac{Ws1}{Ws} + \frac{Ws1}{Ws2}}{2}, \qquad (2)$$

$$P = \frac{\frac{Kl1}{Kl} + \frac{Kl1}{Kl2}}{2}, \qquad (3)$$

где:
Ws = вес всех строк очередного класса исходного реферата;
*Ws*1 = вес всех совпавших строк сравниваемых классов;
*Ws*2 = вес всех строк очередного класса сравниваемого реферата;
Kl = количество всех строк очередного класса исходного реферата;
*Kl*1 = количество совпавших строк сравниваемых классов;
*Kl*2 = количество строк очередного класса сравнивамого реферата;

Возможны альтернативные варианты присвоения "весов". Например, для этой цели можно использовать знания экспертов, которые присваивают "веса" определенным строкам модели реферата на основе своих знаний о их типологической значимости. Затем эти веса могут присваиваться соответствующим строкам реферата уже в автоматическом режиме. Но здесь имеются свои недостатки. Во-первых, в этом случае неизбежна определенная субъективность в оценке значимости строк. Во-вторых, используя знания экспертов, можно получить в результате то, что уже известно (по принципу: "что ввели, то и получили"). В случае же, когда при использовании полностью автоматизированной процедуры приписывания весов будут получены уже известные данные, значимость этого факта не будет тривиальной, поскольку получены они другим методом. Если же будут иметь место расхождения с общеизвестными данными, то можно предполагать, что мы имеем дело возможно с новым знанием. Но такое расхождение может быть также и следствием погрешностей в работе системы. Они вполне возможны как по объективным, так и по субъективным причинам. К объективным причинам относится разная степень полноты и точности описания языков вследствие недостаточной их изученности или отсутствия сведений вообще по какому-либо классу того или иного языка, что фиксируется в реферате знаком ". О ". Такие лакуны имеются, например, в описании гасконского и франко-провансальского языков, вследствие чего они занимают нижние позиции в приведенной выше таблице. В связи с этим одной из функций БД может служить поиск лакун в описании языков, что, однако, связано с другой задачей – задачей информационного поиска.

3.3. Поиск информации. Основной функцией БД, как и всякой информационной системы, является автоматизированный поиск информации, необходимой для ответа на запросы, поступающие в систему, а также обработка этой информации для формирования ответа в зависимости от типа запроса и его цели.

Как показывает анализ запросов, которые могут поступить в БД, они являются простыми, распространенными и сложными. Приведем примеры.

Простые запросы:
1. В каких языках имеется категория "род"?
2. В каких языках отсутствует "залог"?
3. Какие языки распространены в Италии?
Распространенные запросы:
4 Какие признаки гласных имеются в романских языках?
5.Сколько существует кавказских языков?
6. Чем отличаются тюркские языки от монгольских?
Сложные запросы:
7. К каким семьям принадлежат языки, в которых есть "изафет"?
8. Где распространены языки с иероглифической письменностью?
9. К каким семьям принадлежат языки Ближнего Востока?
и др.

Как видно из приведенных примеров, все эти запросы имеют различную структуру, предполагают различные поисковые процедуры, а также различную форму выдачи ответа.

Простые запросы характеризуются тем, что здесь в качестве ответа должен выдаваться перечень языков, в которых содержится то или иное языковое явление, ин-

тересующее абонента системы. Кроме того, их особенностью является то, что они сформулированы в терминах, совпадающих с терминами представления информации в БД. Поиск информации здесь совершается как бы за один "проход" при непосредственном обращении к рефератам, а потому является одноступенчатым.

Распространенные и сложные запросы требуют проведения многоступенчатого поиска. Например, в ответ на 4-й запрос необходимо сначала определить, какие языки входят в понятие "Романские языки", а затем составить полный перечень характеристик, входящих в класс "2.1.1.Фонетические явления", для данной семьи языков. Кроме того, они могут формулироваться в терминах, не содержащихся в БД в качестве ее основных единиц, что предполагает процедуру перевода запроса с "естественного лингвистического языка" на язык представления информации в БД. Формой выдачи здесь не обязательно является перечень языков. Это может быть и перечень языковых явлений, присущих той или иной группе языков, и некоторые количественные данные и др.

В настоящее время в базе данных "Языки мира" реализован автоматический информационный поиск только для простых запросов. Он может осуществляться в двух основных режимах: поиск по отдельным языковым явлениям и по их комбинациям, где реализованы такие логические операции, как конъюнкция, дизъюнкция и отрицание.

Поиск по отдельным языковым фактам представляет собой фактически поиск выбранной строки во всем множестве рефератов. Этот выбор может осуществляться двумя способами. Если пользователь БД хорошо знаком со структурой модели реферата и легко ориентируется в ней, то для выбора строки ему предоставляется непосредственно сама модель, см. рис. 1.

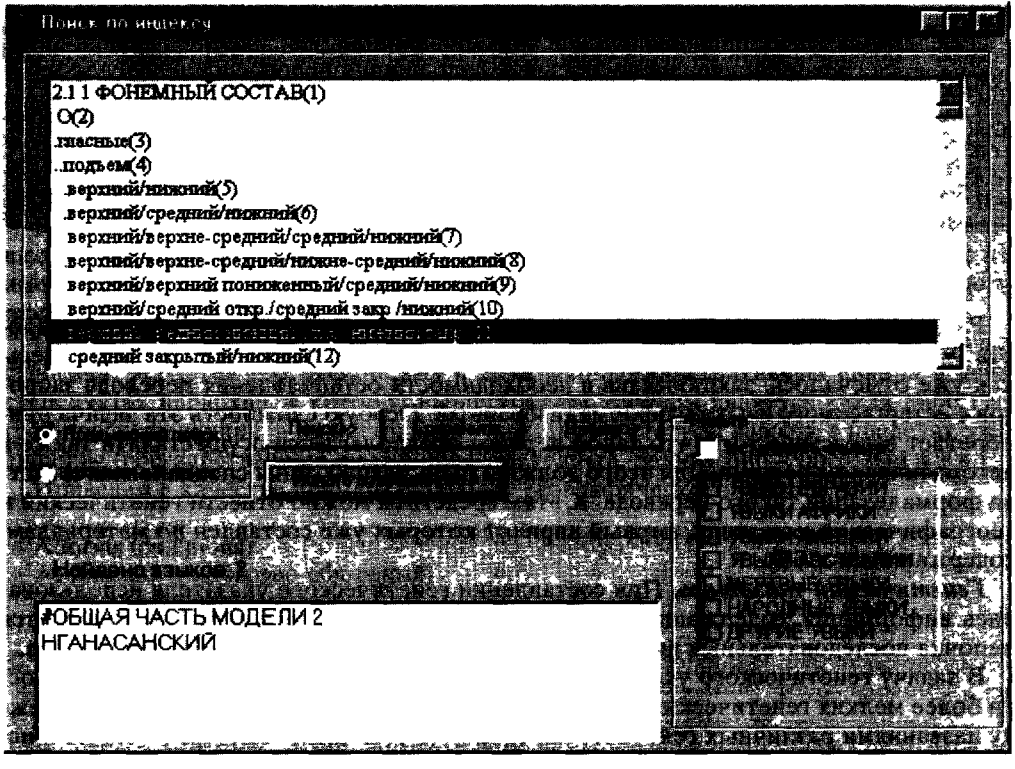

Рис. 1. Поиск информации по строке из МР

В том случае, если пользователь не знаком с внутренней структурой БД, ему предоставляется перечень наименований языковых явлений, идентичных тем, что содержатся в модели реферата, но расположенных по алфавиту. Кроме того, эти языковые явления представлены здесь в иерархическом контексте, т.е. в виде цепочек иерархического дерева, что устраняет возможность неоднозначного их восприятия компьютером, см. рис. 2.

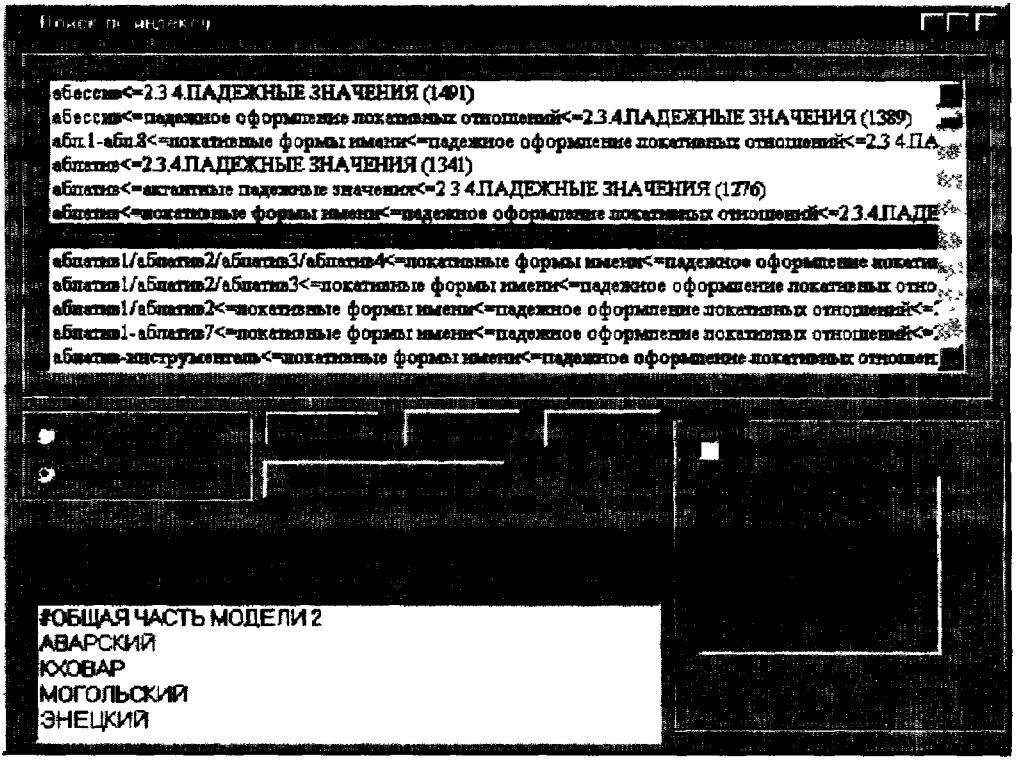

Рис. 2 Поиск информации по строке из алфавитно-предметного указателя

Разработка процедуры автоматического поиска по более сложным видам запросов – это задача, которая решается в настоящее время. Основная проблема здесь, как уже отмечалось, заключается в необходимости осуществления перевода запросов с естественного языка на формализованный. Особую сложность эта задача приобретает вследствие того, что такой перевод предполагается осуществлять также в автоматическом режиме. Для этого должны быть разработаны специальные средства формализации такого перевода. К этим средствам можно отнести генетический и географический указатели, первый вариант которых уже составлен по материалам, содержащимся в БД.

Генетический указатель. При составлении генетического указателя использовалась информация, содержащаяся в классе 1.1.2. каждого реферата, где приводится цепочка последовательных включений языка в подгруппу, группу и семью языков.

В задачу генетического указателя входит отражение информации о включенности более мелких генетических единиц в более крупные и задание соотношения между названиями различных генетических единиц (в том числе синонимическими и историческими названиями) и заглавиями статей энциклопедии.

Входом в генетический указатель служит название любой единицы диалектной системы, название языка, подгруппы, группы и семьи языков, варианты перечислен-

ных названий, в том числе и исторические. Отсылкой для указанных входов служит либо название более крупной генетической единицы (для говора – диалект, для диалекта – язык, для языка – подгруппа языков, для подгруппы – группа языков, для группы – семья языков), либо синонимичное название, употребляющееся в статьях энциклопедии (для вариантов названий и исторических названий языков и диалектов). Для названия семьи языков, выступающего в качестве входа, отсылка не указывается, поскольку это наиболее крупная генетическая единица. Возможна отсылка вида "язык-изолят". Особым образом выделены названия языков, подгрупп, групп и семей языков, для которых в энциклопедии имеются самостоятельные статьи, независимо от того, в каком качестве – входа или отсылки – употреблено выделяемое название. Вход и отсылка связываются знаком "<" при наличии отношения включения и знаком "=" при наличии синонимического отношения.

Все названия в генетическом указателе даны в полном (несокращенном) виде и расположены в алфавитном порядке входов. Приведем в качестве примера фрагмент генетического указателя.

абага-сунутский гов. < халхаский диал.
абадзехский диал. < адыгейский
абазинский < абхазо-адыгские
абазский (ист.) = абазинский
абаканских татар (ист.) = хакасский
абаканских тюрок (ист.) = хакасский
абдуллинский гов < средний диал. татарского яз.
абжуйский диал. < абхазский
абхазо-адыгские < иберийско-кавказские
абхазский < абхазо-адыгские
абхазо-адыгские < кавказские
.. ..

Географический указатель. Цель географического указателя – дать возможность узнать, какие языки распространены в той или иной стране или регионе.

Входом в указатель служит название некоторой географической единицы (топонима), отсылкой – перечень языков, распространенных в пределах этой географической единицы.

Входы в указатель имеют следующий вид: наименование географической единицы и со сдвигом – перечень распространенных в ее пределах языков, а в скобках после наименования каждого языка – наименование тех функций (статусов), в которых выступают описанные в энциклопедии языки в пределах этой географической единицы.

При таком способе организации информации появляются два иерархических построения: иерархия географических и политико-административных единиц и двухступенчатая иерархия, в которой вышестоящим уровнем является какая-либо географическая единица, а нижестоящим – названия и статусы языков в пределах этой единицы (государственный, разговорно-обиходный, религиозно-культовый и т.д.).

Приведем в качестве примера фрагмент географического указателя:

Абхазия (см.Грузия)
.абазинский (разговорно-обиходный)
.абхазский (официальный)
.грузинский (официальный)
.лазский (разговорно-обиходный)
.русский (разговорно-обиходный)
сванский (разговорно-обиходный)
Австрия
венгерский (разговорно-обиходный)
немецкий (государственный)
... ...

Данные указатели имеют и самостоятельную значимость как особые поисковые устройства, раскрывающие содержимое БД в генетическом и географических аспектах.

Другим, как предполагается, достаточно эффективным средством автоматизации процесса перевода запросов на формализованный язык будет служить тезаурус, в котором, кроме терминологии, содержащейся в модели реферата, будет содержаться синонимичная лексика, а также необходимые парадигматические связи и отношения между используемой в БД лингвистической терминологией. Работа над таким тезаурусом в настоящее время ведется.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Журинская, Новиков, Ярославцева 1986 – *М.А. Журинская, А.И. Новиков, Е.И. Ярославцева.* Энциклопедическое описание языков. М., 1986.

ПОЯМ 1985 – Принципы описания языков мира. М., 1985.

Ярославцева 2002 – *Е И. Ярославцева.* Грамматикон и база данных "Языки мира" // Проблемы прикладной лингвистики 2001. М., 2002.

Novikov, Yaroslavtseva 1986 – *A. Novikov, E.Yaroslavtseva.* Linguotypological Data Bank // Social Sciences. USSR Academy of Sciences. V. XVII. № 3. 1986.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 3 2003

© 2003 г. В. Л. ЦЫМБУРСКИЙ

ЭТНО- И ЛИНГВОГЕНЕЗ ТРОИ КАК ПРЕЛОМЛЕНИЕ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ПРОБЛЕМЫ

(К 75-летию со дня рождения Л.А. Гиндина)

На протяжении всего научного пути Л.А. Гиндина (25.07.1928–23.04.1994) этноязыковые судьбы Троады – региона на стыке Анатолии и Балкан, Эгеиды и Причерноморья – оставались предметом его неслабеющего интереса. Он был уверен, что история страны, воспетой Гомером (тут явно сказывалось образование филолога-классика), способна дать ответ на многие вопросы, связанные с индоевропейской прародиной, диалектным членением индоевропейской общности и миграциями ее народов. Приближающийся юбилей ученого – достойный повод обсудить его достижения в этой области. Тем более, что для этого есть и более частный стимул – вышедшая посмертно в Инсбруке монография Л.А. Гиндина "Троя, Фракия и народы древней Малой Азии" [Gindin 1999], которая знакомит немецкоязычного читателя с содержанием двух книг автора, опубликованных по-русски в 1981 и 1993 гг. – соответственно, в Софии и в Москве [Гиндин 1981; 1993]. Законченная весной 1992 г., эта монография была призвана подвести итог многолетним исследованиям ученого по этно- и лингвогенезу Троады и соседних с нею территорий по обе стороны проливов – каким этот итог тогда ему виделся. Из-за многих причин, освещенных в послесловии В. Майдом [Gindin 1999: 320–324], редактирование перевода и выпуск труда затянулись на семь лет. Сегодня этот итог исканий Гиндина предстает несколько иначе в свете наших с ним совместных статей о прагреческом присутствии в Троаде с конца III тыс. до н. э., написанных в последние месяцы перед внезапной кончиной Леонида Александровича [Гиндин–Цымбурский 1994; 1995]. Впрочем, значения книги "Троя, Фракия и народы древней Малой Азии" это обстоятельство не умаляет: надо учесть, что на Западе нет сравнимых по охвату материала работ, где бы лингвистическая история Трои воссоздавалась в столь большом контексте индоевропеизации Анатолии, Эгеиды и Балкан бронзового века.

Мое участие с 1980-х гг. в троянских разысканиях Гиндина в качестве собеседника и, временами, соавтора определило установку предлагаемого обзора. Я хотел бы показать читателю логику исследовательского процесса, предварительно подытоженного иннсбрукской монографией, но ею не исчерпанного. В нем можно выделить три фазы, из которых рецензируемая книга вполне освещает первые две. Каждая из этих фаз знаменовалась разработкой особого этноязыкового образа древней Троады. Впрочем, как бы ни разнились от фазы к фазе эти тщательно прописываемые образы, характерно для Гиндина было то, что при каждом новом повороте мысли старые тезисы почти никогда не отбрасывались – но вводились в новую картину на правах аспектов уточняемой истины или диахронных звеньев реконструкции, в целом увязывающей факты в исторический гештальт каждый раз существенно иначе, с иными акцентами, чем это делала предыдущая версия. Показать, как осуществлялись эти межфазовые переходы в осмыслении исследователем истории города Трои, как они взаимодействовали со все более детализируемой трактовкой процессов ин-

доевропеизации в регионах, стыкующихся через Троаду – в этом основная цель моего обзора.

В 1970-х позиция Гиндина среди его старших современников и просто современников, высказывавшихся по троянской проблематике, была однозначна до жесткости: вразрез со сторонниками идеи "греческой Трои" (К. Блеген и на рубеже 50–60-х гг. – Дж. Меллаарт) или "Трои хетто-лувийской" (В. Георгиев, Л. Палмер, с 1962 г. – Дж. Меллаарт, а в СССР тех лет – В.В. Шеворошкин и в какой-то мере Вяч.Вс. Иванов) он отстаивал ви́дение гомеровской Трои как города, примыкающего к миру ранних фракийцев.

При этом он ссылался на такие неоспоримые языковые соответствия, как: 1) Σκαιαὶ πύλαι 'Скейские ворота' в гомеровском Илионе (Il. III, 145, 263 и др.) ~ во Фракии гидроним Σκαιὸς ποταμός, кастель Σκαιὸν τεῖχος, племя Σκαιοί, вар. Σκαι–βόαι < фрак. **Skai-wa-* с возможным значением 'светлый'; 2) топонимы в Троаде Κεβρήν, Κεβρηνία, этноним Κεβρηνοί, также имя одного из сыновей Приама Κεβρι–όνης (Il. VIII, 318 и др.) ~ племя Κεβρήνιοι в Эгейской Фракии, далее название реки Κέβρος в бассейне Дуная; 3) троянск. Περκώτη, город с гаванью на побережье, обращенном к Фракии ~ старинное наименование Фракии Πέρκη (St. Byz. s.v. Θράκη) < < и.-е. **perk^{w}ā* 'лесистая страна'; 4) Ζέλεια, местность на северо-востоке Троады ~ фракийские глоссы: ζελᾶς, ζήλας, ζίλαι со значением 'вино' < и.-е. **g'hel(H)-yo-*/**g'hl(H)-yo-*, ср. др.-инд. *hāla* 'вино', греч. χάλις 'молодое вино', слав. **zelje*. Древнейший уровень в истории фрако-троянской общности должны были, по Гиндину, отражать сами названия Трои (гом. Τροία, ион. Τροίη, дор. Τρωῖα) и троянцев (Τρῶες) с этимологической основой **Trous-*. Он доказывал, что это – та самая основа, служившая исконным обозначением прафракийских этносов, которая с балкано-фракийским переходом *-ou-* > *-au-* и общегреческим дописьменным развитием *-s-* > > *-h-*, дала в греческом собирательный термин Θράκες, Θρᾴκες < **Traus-ik-* 'фракийцы', а во Фракии сохранилась как название большого племени Τραυσοί, *Thrausi*. На этой, первой ступени своих троянских штудий Гиндин создает образ Трои как страны, некогда самим своим именем включавшейся в "Пра-Фракию". Обратим внимание на то, что наименование фракийцев и троянцев в греческом характеризуются устранением этимологического интервокального *-s-*, домикенским явлением, которое должно быть отнесено, самое позднее, к первой половине II тыс. до н. э. При этом этноним Τρῶες несет более древний вокализм по сравнению с Θρᾴκες. Выходит, ко времени знакомства с ранними греками племена на противоположных сторонах проливов уже звались по-разному, генетически тождественные имена разошлись в своем звучании. Эти обстоятельства склоняют к тому, чтобы условно датировать предполагаемую фрако-троянскую общность в ее древнейшей форме – III тыс. до н. э., эпохой ранней бронзы [Гиндин–Цымбурский 1996: 214].

Подкрепляющими археологическими доводами в пользу фракийской идентичности троянского региона Гиндину служили как облик последней догреческой Трои VIIb2 (середина XII – начало XI в. до н. э., по К. Блегену) с ее культурой "фракийского гальштатта" [Čičikova 1971; Dimitrov 1971], так и результаты раскопок Н.Я. Мерперта и его болгарских коллег, открывших во Фракии раннебронзовые поселения Эзеро и Юнацite [Георгиев–Мерперт 1979; Мерперт 1988; Гиндин 1993: 135–140]. Ведь эти раскопки, во-первых, показали родство Трои I–II, а также соседних с нею эгеоостровных культур III тыс. до н. э. на Лесбосе и Лемносе (Терми, Полиохни) – континентальным восточнобалканским культурам (те же Эзеро и Юнацite, Караново VII, Михалич), возникшим несколько раньше во второй половине IV тыс. до н. э. и относимых М. Гимбутас к так называемой "Курганной волне III" [Gimbutas 1974]. А во-вторых, для Юнацite археологи показали культурную непрерывность от начала бронзового века до прихода века железного. Когда Л.А. Гиндин, вслед за Блегеном отождествляя "Трою Лаомедонта и Приама" с археологическими Троей VI–VIIa (XVIII–XIII вв. до н. э.), призывал трактовать эти слои как эволюционное связующее звено между раннебронзовым "прафракийским" городом и слоем "фракийского

гальштатта" [Гиндин 1981: 188], – он, по сути, экстраполировал на этот край характерную для некоторых районов Фракии хронологическую континуальность населения и культуры. При этом в пренебрежении пока оказывались те археологические показания, которые для Трои ставят подобную преемственность под вопрос или прямо ее оспаривают. Они попадут в фокус интересов Гиндина позже, в увязке с языковыми данными, также не вполне укладывающимися в идеальный образ "фракийской Трои".

Впрочем, повторяю, от своего "фракийского тезиса" ученый никогда не отказывался, от книги к книге обогащая первоначальную картину все новыми деталями. В своих работах 90-х годов он то и дело обращается к гомеровской "генеалогии Энея" (Il. XX, 215–240), сплошь состоящей из легендарных имен, либо запечатленных в восточнобалканских топонимах, либо восходящих к ним [Gindin 1999: 136; Гиндин 1993: 37–38]. В нашей книге "Гомер и история Восточного Средиземноморья" [Гиндин–Цымбурский 1996: 197–198] специально обсуждался важнейший контекст Il. II, 835–837, где во владения вассального Приаму троянца Асия Гиртакида наряду с собственно троянскими городами включается г. Сест (Σηστός) на противолежащем европейском берегу Геллеспонта: Троя Гомера как бы перешагивает через пролив в Эгейскую Фракию и обе его стороны оказываются под троянским контролем – это при том, что море, омывающее троянское побережье, зовется в Il. XXIII, 230 "Фракийским морем"[1].

Но важнее то, что с середины 80-х гг. Л.А. Гиндин шаг за шагом расширяет свой "фракийский тезис", распространяя его и на вклад в троянскую историю, внесенный такими балканскими племенами, которые едва ли могут быть причисляемы к фракийцам в собственном смысле. В поздних работах он много внимания уделяет дарданцам (Δάρδανοι, Δαρδάνιοι) – центральнобалканскому этносу неясного лингвистического статуса, когда-то, в книге 1981 г., вынесенному им за рамки обсуждения в силу часто предполагаемого для дарданцев "иллиризма" [Гиндин 1981: 123–124]. Между тем, в античное время наглухо отрезанные от Эгеиды пеонийцами и македонцами дарданцы в какую-то более раннюю эпоху оставили заметный след на троянской земле – в местных названиях Δάρδανος, Δαρδανία, в мифическом образе Дардана – якобы предка троянских царей. Традиционно данный этноним, как и родственное название двух кастелей Δαρδά-παρα в балканской Дардании и в Верхней Мезии сближаются с алб. *dardhë* 'груша', широко представленным в албанской топонимике [Tomaschek 1980 I: 25; Meyer 1891: 61; Çabej 1977], а *dardhë* как возможное продолжение **g'horda* многие этимологи роднят с греч. ἄχερδος, вар. ἀχράς, -άδος 'дикая груша' [Mayer 1959: 33; Frisk 1960–1970, I: 109, 203; Pokorny 1959: 446]. Занимаясь дарданцами [Гиндин 1993: 18; Gindin 1999: 81–83], Гиндин принял мое доосмысление данной этимологии, связующее и греч. ἄχερδος/ἀχράς < и.-е. **sm̥-g'herdo-*/**sm̥-g'hr̥d-*, и алб. *dardhë* < и.-е. **g'hordā*, как названия для колючего насаждения (см. Od. XIV, 10, где ἄχερδος фигурирует в виде изгороди, окружающей дом свинопаса Эвмея) с основой, представленной в литовск. *žárdas* 'загон', 'сушильня для льна, зерна, гороха', *žařdis* 'стойло', 'огражденный выгон', др.-прусск. *sardis* 'изгородь', лтш. *zards* 'сушильня', русск. диал. *зорóд*, *озорóд*, может быть в записях фригийского топонима *Mane-zardum*, *Mane-zordum*, если они на самом деле отражают некий сатемный эквивалент к фригийской форме *Mane-gordum* 'Город Манеса' [Pokorny 1959: 444; Kretschmer 1896: 231–232]. Такая реконструкция [Цымбурский 1987: 6–7; 1996: 285–286] позволяла по-новому объяснить приводимую Г. Мейером [Meyer 1891: 61] албанскую диалектную форму *dardhán* 'крестьянин', курьезно понимаемую

---

[1] Фрак. Σηστὸς относится к длинному списку фрако-(славяно-)балтийских изоглосс, ср. др.-прусск. *Sestin*, *Seestin* [Топоров 1977: 96], далее такие образования, как литовск. *pasẽstas* 'сидение', слав. **nasěstъ*, **prisěstъ*.

им в смысле 'Birnbaumzuchter' на самом деле в *dardhan* можно бы видеть древнее обозначение для 'жителя огражденного места'/ хуторянина', работника, трудящегося внутри ограды' (литовск *žarđininkas*) Это понимание не только давало бы неплохой смысл для др -балк Δαρδανοι, Δαρδανιοι, но перекликалось бы и с гомеровским рассказом о Дардане – строителе некой Дардании как первого троянского поселения, якобы существовавшего еще до основания Илиона (Il XX, 216–217)[2] Однако включая материал, относящийся к дарданцам в иннсбрукской книге, как и в предыдущей московской [Гиндин 1993], в раздел "Троянско-фракийских изоглосс (что в 1981 г он полагал невозможным), Гиндин исподволь модифицирует понятие фракизма ' как культурно-лингвистическую характеристику Троады Этот "фракизм", по сути, становится просто синонимом вовлеченности региона в судьбы Северо-Восточных и Центральных Балкан – с вытекающими отсюда этнокультурными и лингвистическими следствиями

Еще нагляднее другой случай Если в 1981 г , разбирая гомеровский эпизод битвы Ахилла с явившимся на помощь Илиону пеонийским войском (Il XXI, 124–384), Гиндин делал упор на гипотезу Д Дечева о пеонийцах как "иллиризированных фракийцах' [Гиндин 1981 120–121], то позднее его мнение о пеонийцах резко меняется Исходя из их соседства на Балканах с областью бригов – остатков перебравшихся в Анатолию фригийцев – и из доказанности теснейшего армяно-греческого и фригийско-греческого языкового родства [Solta 1960, Neumann 1988 Гиндин–Цымбурский 1995], он не только вслед за В Георгиевым и О Н Трубачевым [Георгиев 1958 171 Трубачев 1991 225] сближает пеонийские этниконы Παι-ονες, Παι-οπλαι с армянским самоназванием *hay-k'*, но прямо пишет о пеонийских племенах как о возможном балканском реликте праармян [Gindin 1999 233–236, ср Гиндин 1993 82–85] Как ни относиться к этой гипотезе (см впечатляющую изоглоссу греч ερεβος мрак' ~ арм *erek* 'сумерки, вечер' ~ пеонийский гидроним 'Εριγων, совр серб *Црна река* 'Черная река' < и -е **ereg*ʷ*o*- на фоне индоевропейских отражений той же основы без протезы в гот *riqis* 'мрак', др -инд *rajas* 'мгла'), несомненно одно новый взгляд на пеонийцев вписывался в реформирование исходного "фракийского тезиса' Теперь ученым допускалось, что глубокое воздействие на традицию Троады могли оказать народы, в разные эпохи присутствовавшие на Северо-Восточных ("фракийских") Балканах – пусть даже миновавшие этот ареал на пути к своим историческим местам обитания

Именно такое переосмысление идеи "фракийской Трои" позволило Л А Гиндину открыть вторую фазу своих троянских изысканий, отмеченную нетривиальным истолкованием темы 'лувийцев в Троаде" Эта тема стала для него по настоящему приемлема тогда, когда его представление о ' фракийской Трое ' уже настолько модифицировалось, что "Троя лувийцев" ему могла увидеться естественным эпизодом в истории этой земли как части 'Пра-Фракии ' В 80-х гг наше научное сотрудничество уже было весьма тесным, и я надеюсь избежать упреков в нескромности, если укажу, что в известной мере поводом этому повороту мысли Гиндина послужили три наблюдения, которые я сделал в кандидатской диссертации, написанной под его руководством[3]

---

[2] Нельзя упускать из вида, что имя троянских дарданцев (*D rdny, Dr dny*) засвидетельство вано в кадешских надписях Рамсеса II, перечисляющих вспомогательные отряды хеттской армии Муваттализа II [Gardiner 1960 57] Приходится задумываться над вероятностью того что уже во II тыс до н э какие-то из балканских диалектов могли подобно позднейшему албанскому отражать этимологический **g h* как зубной смычный или акустически близкии к нему межзубныи спирант (типа алб *dh*)

[3] В те же годы гипотезу лувийской Трои на более скудной фактической базе пытался возродить К Уоткинс, ссылаясь на мотив прихода из высокой Вилусы (хетто лувийское обозначение Илиона) в лувиискои ритуале жертвоприношения богу Сувасуна [Watkins 1986]

Первоначальный гиндинский образ "фракийской Трои' не предполагал древних контактов фракийцев с хетто-лувийскими племенами на этой земле Самое большее – не исключался вторичный миграционный инфильтрат из исторических хеттских и лувийских областией Анатолии в Троаде, возможно, ответственный за такие известные переклички, как троян Πριαμος, имя-титул царя Илиона ~ лувийский ономастический элемент *Priyama*, 'Первый, Лучший' или Περγαμα, название троянского акрополя ~ хет *parkus* 'высокий' Такое мнение было пересмотрено, когда открылось, что имя гомеровского персонажа, пришельца из Фракии в Трою и грозного камнеметателя Πειρος < **Perwos* (Il II, 544–545, IV, 517–544), товарища вождя Акаманта, в чьем облике у Гомера выступает "фракийский" Арес (Il V, 461 и сл), генетически идентично хет -лув ^{d}*Pirwa*, имени конного бога, почитавшегося хеттами и лувийцами на скалах и возвышениях (< хет *pirwa*, *peruna* 'скала, камень') [Цымбурский 1987 9–11, Гиндин–Цымбурский 1996 252–260] Патроним же Пейроса 'Ιμβρασιδης (как Гиндин, вслед за А Гетце, отметил еще раньше, не вдаваясь в этимологию имени героя) соотносится не только с названием близкого к Троаде острова Имброса и эпиклезой его покровителя Гермеса Имбраса, но и с лувийскими наименованиями божеств сельской местности (лув *immara* ~ хет *kimmara*) DINGIR MEŠ *Imrašši*, ^{d}*Immaršiya* [Гиндин 1981 106–110] В свете же родства имени Пирвы с именами индоевропейских божеств грозы – славянского Перуна и т д – особую значимость приобретает параллелизм имен гомеровско-фракийского Пейроса Имбрасида и одного из лувийских грозовых божеств – Полевого Бога Грозы **Tarḫunts Imrassis* (KUB XXXV 54, II, 35 / 37 *imrašša* ^{d}IM-*unti*) Дело в том, что за именованием Пейроса Имбрасида проступал раннелувийский прототип вроде **Pirwas Imrassis*, который мог быть древнейшим прообразом имени Полевого Тархунта В данной формуле старый индоевропейский теоним оказался замещенным анатолийским новообразованием со значением 'Бог-Герой, Победитель' Открытие пережитка образа Пирвы на Геллеспонте, да еще в характерно (пра)лувийском формульном воплощении стало свидетельством пребывания здесь пралувийцев и их древнего адстратного вклада в традицию ранне-фракийских обитателей этого края

Кроме того, на проблему "лувийской Трои" прямиком выводила история одного легендарного троянского этноса, согласно Гомеру, обитавшего некогда на северо-востоке Троады в районе Зелеи Эта область зовется в "Илиаде" Λυκιη (V, 105, 173), а у схолиастов Гомера фигурирует как Λυκια Μικρα, Λυκια Τρωικη, 'Малая Ликия, Троянская Ликия' (подробный обзор источников см в [Гиндин 1993 48–53, Гиндин–Цымбурский 1996 234–236, Гиндин 1990, Gindin 1999 203–207]) Хотя уроженцы этой местности у Гомера никогда не смешиваются с южными ликийцами, но подчеркнуто именуются Τρῶες (Il, II, 847, V, 200), однако эпическая ономастика этой области насыщена ликийскими мотивами там правит царь Λυκαων (< лув **Luka wana* 'уроженец страны Luka'), там почитается Аполлон Λυκη-γενης 'рожденный в области Λυκη' (Il IV, 101, 119) Еще в 1984 г [Цымбурский 1984] я соотнес эти показания эпоса с известным фактом – появлением в середине I тыс до н э в южной Ликии, наряду с обычными надписями на так называемом ликийском языке А (его обитатели сами себя звали *trm̃mili*, греч Τερμιλοι, Τρεμιλοι), также текстов на особом архаическом наречии той же лувийской семьи – ликийском В, который в самих этих текстах характеризуется выражением *trujeli* 'по-труйски, на языке области Труя' За именем термилов скрывается древний этноним **Atrim-ileš* от названия области *Atrim(m)a*, одного из территориальных образований, размещавшихся в хеттскую эпоху на землях будущей Ликии [Carruba 1964 287] Тем самым термилы с их языком имплицитно укоренены в истории Юго-Западной Анатолии Для носителей же "труйского" языка мы не имеем таких указаний, а попытки присвоить ему имя "милийского" и связать его со старым названием части Ликии – Милиада – совершенно произвольны Я высказал догадку о том, что "труйцы" могли исторически представлять собою выходцев из Троянской Ликии, зелейских Τρῶες – племя, оставившее по себе прочную память вблизи Геллеспонта, а в эпоху больших миграций

конца II – начала I тыс. до н. э. перебравшееся в южную Ликию, поближе к этническим сородичам. Правдоподобно, что именно "труйцы" перенесли на крупнейшую ликийскую реку *Arnña* (~ хет. *arinna* 'источник') со стоящим на ней одноименным городом – столицей региона – название Ξάνθος, известное как второе имя главной троянской реки Скамандра. Вследствие этого переноса топономастика южной Ликии обрела ощутимый троянский колорит [Цымбурский 1984; 1987а: 15–16; Гиндин–Цымбурский 1996: 240–245].

В том же 1984 г. на нас с Гиндиным произвела большое впечатление статья Л.С. Баюн [Баюн 1984], показавшей, что глагольная редупликация в ликийском В противопоставляет настоящее время прошедшему. Эта особенность, выделяя ликийский В среди иных хетто-лувийских языков, явственно сближает его с языками "аугментной" общности – индоиранскими, греческим, что могло бы говорить о длительном пребывании его носителей на дальней окраине хетто-лувийского ареала в контакте с народами, говорившими на "аугментных" языках. Позднейшие наши статьи о прагреках в Троаде подтвердили мысль о том, что подобный контакт с конца III и на протяжении II тыс. до н. э. вполне мог осуществляться именно в троянском регионе.

Третье наблюдение касалось гомеровских воспоминаний о киликийских городах на юге Троады и об их разрушении ахейцами в ходе Троянской войны (Il. I, 366–368, VI, 415–428). В этнониме киликийцев, греч. Κίλικες, благодаря его ассирийским фиксациям с IX в. до н. э. в виде *Hilaka*, *Hilaku* (ср. также арам. *hlkyn*) может быть вычленена та же основа *Hil(a)-*, что представлена в хет. *ḫila* 'двор, в том числе храмовый', *ḫilamar* 'привратная постройка', лик. А *qla* 'храм, святилище', в древнеанатолийских личных именах Ḫilya, Ḫilani и т. д. Теоретическая возможность истолковать имя киликийцев в смысле 'племя, обитающее возле храма, священного двора', 'племя храмовников' разительно актуализируется в условиях Троады, где, по преданию, киликийские города размещались вблизи Киллы (Κίλλα), крупнейшего троянского святилища Аполлона, чтимого здесь под эпиклезой "Киллей" (Κιλλαῖος – Strabo XIII, 1, 61–63). Отождествимость троян. Κίλλα как названия культового центра с хет. *ḫila*, лик. *qla* прочно соотносит внутреннюю форму имени центрально- и южноанатолийских киликийцев (*Hilaku*) как 'храмовников' с реалиями Троады [Цымбурский 1987: 16–17; Гиндин–Цымбурский 1996: 264–268].

В основном приняв мои соображения, Л.А. Гиндин ввел сведения о лувийских этносах на троянской земле в долгосрочную ретроспективу анатолийской истории и археологии. При этом дополнительной эвристикой ему послужила некогда выдвинутая П. Мериджи, а затем одобренная Э. Ларошем, О. Каррубой и Г. Нойманном мысль о том, что собирательное обозначение лувийских племен и областей в хеттскую эпоху – *Lu(wi)ya* – представляет преобразование более старой формы *Lukka*, выступавшей во II тыс. до н. э. названием группы стран на малоазийском юге, а позднее сохраненной в античных обозначениях Ликии и Ликаонии. Ссылаясь на факты спирантизации и выпадения *-k-* в лувийском, вроде хет. *lukka-* 'свет' : лув. *luha-*, хет. *šakuwa* 'глаз' : лув. *dauwa*, Гиндин расценивает *Luk(k)a* как племенное имя пралувийцев. И след этого праэтнонима он усматривает в зелейских формах Λυκάων, Λυκηγενής у Гомера, отражающих именно звучание *Luka-*, а не греческое Λυκία [Gindin 1999: 196–223] (ранее [Гиндин 1990; 1993: 45–65]).

Эти языковые факты ученый сопоставляет с археологически документированной мощной миграцией со стороны Троады (примерно 2400–2100 гг. до н. э.) в места будущего расселения лувийцев – в Киликию с Тарсом, в долины Коньи, где пришельцы насаждают вариант культуры Троя II [Mellaart 1958: 28–30; Маккуин 1983: 23–25; Mallory 1989: 28–29]. По мысли Гиндина, разделяемой и мною, у себя за спиной переселяющиеся (пра)лувийцы оставили в Троаде отколовшиеся контингенты соплеменников, в том числе и группу *лукка*, осевшую в предгорьях Иды и усвоившую себе имя "троянцев". Это и могли быть те самые зелейские Τρῶες, которые позднее принесли "труйский" язык на юг в долину Аринны-Ксанфа (см. этот сюжет в: [Gindin

1999: 201–211, 303], ранее в нашей общей книге [Гиндин–Цымбурский 1996: 229–240, 270]).

Эту реконструкцию подкрепили архаичные лувийские топонимы в районе Зелеи. Таково, прежде всего, название взгорья Πειρωσσός, где в VII–VI вв. до н. э. справлялись традиционные охоты лидийских царей (Strabo III, 1, 17) < **Perwossos* 'местность, посвященная Пейросу-Пирве' ~ лув. *Pirwaššaḷi* 'принадлежащее Пирве'. Таким образом, тема "Пирвы на Геллеспонте" оказалась прочно увязана с темой продвижения племен ***лукка*** (пралувийцев) в Троаду. Тем более, что в устье Гебра вблизи г. Эноса, мифической родины гомеровского Пейроса Имбрасида (Il. IV, 520) лувийский след обнаруживается в названии двух мысов: Σαρπη-δών – лув. *šarpaḷi* 'поверх', лид. *śrfas-tid* 'верхнее', хет. HUR SAG *Šarpa* 'гора Высокая'[4] – и рядом Σέρρειον, *Serrium* ~ лув. *šarri* 'сверху', хеттское имя *Šarriya* 'Высокий' [Цымбурский 1987б: 64; Гиндин–Цымбурский 1996: 261] . Можно вспомнить также и прозвище зелейцев Τρῶες ἀφνειοί (Il, II, 825) или просто 'Αφνειοί (Strabo XIII, 1, 9), образованное от хет.-лув. *ḫappina* 'богатство' > греч. ἄφενος то же [Гиндин–Цымбурский 1996: 238].

Все эти результаты Л.А. Гиндин в начале 90-х попытался применить при реконструкции расселения индоевропейских племен в Северном Причерноморье в начале III тыс. до н. э. и великих передвижений, совершившихся за последующую тысячу лет. Надо вспомнить, что он, начиная с ранней статьи [Гиндин 1972], практически всегда поддерживал концепцию Р. Гусмани насчет тесных лексических связей хеттов с индоариями (но не с греками) [Gusmani 1968], из книги в книгу возражая оппонентам Гусмани (М. Майрхоферу и др.), которые пытались обесценить выявленные итальянским хеттологом многочисленные изоглоссы как якобы сохраненные в обеих группах индо-европейские архаизмы [Гиндин 1981: 24–28; Гиндин 1993: 159–160; Gindin 1999: 295–296][5]. Теперь же, утвердившись в версии прихода пралувийцев на юг Анатолии через "протофракийскую" Троаду и в рамках общей ревизии своего "фракийского тезиса", Гиндин заявляет, что для начала III тыс. до н. э. "протофра-

---

[4] Замечательно совпадение этого фракийского топонима с именем героя Сарпедона, считавшегося древним вождем ликийцев-термилов (Hdt. I, 173) и превращенного троянским эпосом греков в одного из участников битвы за Трою. Поскольку одноименный герой почитался и во Фракии как персонификация указанного мыса (Apd., II, 5, 9), а при этом топонимический элемент -δών- представляет сугубо северобалканское, "фракийское" в ареальном аспекте (ср. Μακεδονία, Μυγδονία и т.п.) отражение и.-е. **g'hdhom* 'земля' (= хет. *tekan*, лув. клин. *tijami*, лув. иерогл. *takami*), напрашивается гипотеза, что скорее всего, образ Сарпедона сложился еще в эпоху пребывания пралувийцев на юге Эгейской Фракии, в тех местах, где мысу было присвоено это гибридное фрако-хетто-лувийское обозначение, и отсюда предки термилов перенесли этого героя на юг Малой Азии [Гиндин-Цымбурский 1996: 260–264].

[5] Вслед за Гусмани [Gusmani 1968: 56–58], Гиндин придавал особое значение хетто-индоарийским соответствиям из области терминологии транспорта: др.-инд. *dhūr-* 'упряжь' ~ хет. *turiya-* 'запрягать', др.-инд. *īšā* 'дышло' ~ хет. *ḫišša* то же (при отличающихся формально и семантически авест. *aeša* 'плуг', греч. οἴαξ, οἰήϊον 'руль корабля', οἴηκες 'какое-то приспособление на ярме' в Il. XXIV, 269 и при близком к хеттской и индоарийской лексемам по значению, но различающемся с ними огласовкой слав. **oje*, *-se* 'дышло' [Frisk 1960-1970, II: 386; Pokorny 1959: 288]); см. подробное обсуждение хетто-индоарийской изоглоссы как эксклюзивной новации с нулевой ступенью огласовки и значением только 'дышло повозки' в книге Гиндина 1981 г. [Гиндин 1981: 28]. Одних этих параллелей было бы достаточно для недоверия к новой гипотезе К. Ренфрю, полагающего, что предки хеттов, якобы анатолийские автохтоны, отделились от прочих индоевропейцев, перебравшихся в Европу в VII тыс. до н. э., где праиндоиранцы обитали до 3000 г. до н. э. в единении с прагреками – в пределах так называемой "протоиндоевропейской балканской зоны", а затем двинулись в причерноморские степи [Ренфрю 2002: 23–28]. Неужели же хетто-индоарийские термины для 'дышла повозки' и 'упряжи' надо отнести к VII тыс. до н. э.? Осознает ли археолог Ренфрю, какие странные следствия для истории материальной культуры вытекают из его гипотезы?

кийские" культурные древности Северо-Восточных Балкан должны рассматриваться в равной мере как достояние примыкавших к тому же ареалу пралувийцев; более того, для Трои той эпохи нет археологической "возможности дифференцировать протофракийское и лувийское" [Гиндин 1993: 144].

Прафракийцы рядом с пралувийцами, прахетты рядом с предками индоариев, но на некотором расстоянии от прагреков (и от праиранцев) – на этих посылках основывается впервые предложенная в книге [Гиндин 1993] и воспроизведенная в иннсбрукской монографии карта-схема Причерноморья в IV – начале III тыс. до н. э. Согласно этой карте, в ту пору прахетты и севернее их пратохары должны были обитать примерно в бассейне Южного Буга, на верхнем течении этой реки, будучи отрезаны от Черного моря находившимися между нею и Днепром индо-иранцами. Восточнее в Приазовье, между Днепром и Доном, прагреки группировались с близкородственными им прафригийцами и праармянами (думаю, что напрасно в том же ряду упоминаются македонцы, скорее всего, выделившиеся из прагреческого сообщества уже по ходу освоения вплотную Балканского полуострова). Пралувийцы же обитали у моря рядом с индо-иранцами на юго-восток от хеттов. Они занимали область между Южным Бугом и Дунаем, примыкая к начинающемуся южнее Дуная прафракийскому пространству и разделяя с ним многие культурные характеристики[6]. Не вдаваясь в детальное обсуждение этой карты, замечу лишь, что из нее можно извлечь интересные импликации относительно размещения некоторых иных, непосредственно ею не охваченных праиндоевропейских групп. Так, показанное Г. Зольтой [Solta 1960] обилие армяно-германских изолекс дает основание локализовать прагерманцев до их передвижения на запад где-то к северу от греко-фригийско-армянского очага примерно на Среднем Дону. А это обстоятельство, в увязке с хетто-германо-италийскими соответствиями, значимо для ранней дистрибуции прадиалектов так называемой древнеевропейской общности.

Трансформация воссоздаваемого Гиндиным причерноморского племенного расклада IV – начала III тыс. до н. э., по его мнению, начинается с того, что пралувийцы-лукка начинают тянуться на юг и, двигаясь вдоль побережья(?), появляются в Эгейской Фракии, а затем, через проливы перемещаются в Троаду. Между тем, бросается в глаза следующее обстоятельство: названия племен на карте-схеме Гиндина размещены так, что собственно побережье Черного моря между Южным Бугом и Днепром, хотя и мыслится под индо-иранским владычеством, но картографически предстает как бы ничейной землей, открытой для смещения прагреков "со товарищи" к западу. Таким образом исход пралувийцев в первой половине III тыс. до н. э. в направлении Пропонтиды, по мысли составителя карт, стимулирует прагреков с праармянами и прафригийцами двинуться вслед "отдрейфовавшим" соседям и в свою очередь, покинув Приазовье, открыть прахеттам, пратохарам и индо-иранцам восточные пути, в частности, путь в Переднюю Азию через ущелья Кавказа (см. об этом: [Gindin 1999: 304–305] с почти дословным воспроизведением прежде изложенного в [Гиндин 1993: 166–167]). Таким способом автор пытается объяснить приводимые Т.В. Гамкрелидзе и Вяч.Вс. Ивановым хетто-лувийские формы из архивов Эблы, разрушенной примерно в 2300–2250 гг. до н. э., особенно название города *Hasuwan* или *Hazuwan*, позднее, в хеттскую эпоху *Haššuwa* (в верховьях Евфрата) < хет. *ḫaššu* 'царь' [Гамкрелидзе–Иванов 1989: 37–38]. (Нельзя не упомянуть, что Гиндин всегда избегал прямого спора с "ближневосточной" версией индоевропейской прародины, предпочитая утверждать, что воссоздаваемая Т.В. Гамкрелидзе и Вяч.Вс. Ивановым древнейшая стадия истории этой языковой семьи, даже в случае своей реаль-

[6] Л.С. Баюн принадлежит список фрако-лувийских, особенно фрако-ликийских параллелей, частично остающийся на уровне требующих осторожности созвучий, но, вместе с тем, содержащий до 6–7 убедительных изоглосс, говорящих в пользу реконструкции Гиндина ([Баюн 1987], ср.: [Калужская–Цымбурский 1990: 226]).

ности, должна быть перемещена на глубину VII–V тыс. до н. э., до начала "курганных волн" М. Гимбутас, и лежит за хронологическими пределами его собственных научных интересов. Все прочерчиваемые на его картах миграционные стрелки для эпохи ранней бронзы неизменно исходят из Северного Причерноморья. Он уклоняется от апелляций к "ближневосточной прародине" даже тогда, когда она, казалось бы, подкупает самым простым решением, как в случаях с появлением хеттов на Верхнем Евфрате или с предположительно раннеармянской Хайасой в Восточной Анатолии XIV–XIII вв. до н. э.)

Итак, "лувийская Троя" для Л.А. Гиндина стала мыслима, когда он усмотрел в пралувийцах допустимую часть племен прафракийского (восточнобалканского) пространства. Но, сходным образом, предположение вероятного соседства пралувийцев-*лукка* и прагреков в Причерноморских степях с последующим поэтапным движением сперва первых, затем вторых на восток Балкан и к проливам открыла для него принципиальную возможность говорить не только о "Трое лувийской", но также и о "греческой Трое" [Гиндин 1993: 168–169], той , о которой когда-то писали К. Блеген и – до 1962 г. – Дж. Меллаарт [Blegen 1963; Mellaart 1958]. Так возникла третья, для Гиндина уже заключительная стадия его троянских разработок – стадия, как я говорил выше, воплощенная в наших двух статьях и практически вовсе не отраженная в иннсбрукском издании. О результатах, достигнутых в это время, я хочу сейчас поговорить подробнее, ибо без их учета ссылки на Гиндина как апологета "фракийской" или "лувийской" Трои выглядят произвольными, не считающимися с конечной и вершинной точкой зрения ученого на гомеровскую Трою. Впервые в фокусе нашего совместного интереса оказался в те месяцы не слой "фракийского гальштатта", предшествующий на Гиссарлыкском холме (с существенным временным разрывом, когда город лежал в запустении) греко-эолийской Трое VIII, и не раннебронзовое поселение III тыс. до н. э. – дальняя предыстория того "священного города", который ахейцы могли осаждать на исходе микенской эпохи. Нас интересовал непосредственно "Лаомедонтов город", Троя VI, с ее могучими стенами, с самого начала своего существования множеством примет культурного стиля и пристрастиями в сфере импорта ориентированная на Балканскую Грецию. Главный вопрос состоял в том, как связать этот культурный поворот в Трое (примерно с XVIII в. до н.э., по Блегену) и более ранний мощный накат на Северные Балканы во второй половине III тыс. до н. э. той миграционный волны, которую М. Гимбутас определяла как зародившуюся между Днепром и предгорьями Северного Кавказа "курганную волну IV" [Gimbutas 1974]. Вслед за М. Гимбутас, Н. Хаммонд в 1970-х годах усматривал продолжение этой волны в движении прагреческих племен на юг Балканского полуострова и распространении здесь различающихся по племенным группам форм захоронения в погребальных холмах-тумулусах [Hammond 1974].

На этом фоне мы пытались по-новому оценить феномен так называемой "серо-минийской" керамики в Трое VI и в Греции среднеэлладского периода. В 1960-х эта посуда широко использовалась К. Блегеном, Дж. Меллаартом и Л. Палмером как доказательство этнокультурного единения двух пространств, мыслилось ли их население при этом греческим или лувийским, как в малоправдоподобной интерпретации Л. Палмера, недолгое время принятой и Меллаартом [Blegen 1963; Mellaart 1958; Palmer 1962; Mellaart 1971]. Реакция на муссирование этого аргумента не заставила себя ждать: особенно резко она выразилась в утверждениях Д. Френча и его сторонников, утверждавших, что якобы для Греции и Северо-Западной Анатолии речь должна идти о разных, лишь отчасти сходных видах посуды, развившихся в каждом ареале из особых местных прообразов [French 1974], ср. [Howell 1974]. Тем важнее то, что даже Д. Френч не исключал возможности выработки этих стилей в результате творческих связей между керамистами, работавшими по разные стороны Эгеиды, и отмечал появление в Трое VI предметов среднеэлладского импорта [French 1974]. В любом случае, писали мы, «"серо-минийская" посуда значима как выражение культурно-стилевой конвергенции Трои с Грецией в первой половине II тыс. до н. э.»

и "если бы тождество троянской и греческой керамики ... было заблуждением археологов, показательно уже то, что ни одна страна, кроме Трои и соседних с нею территорий не могла бы ввести в подобное заблуждение" [Гиндин–Цымбурский 1994: 28]. Продолжение свое эта среднеэлладская культурная конвергенция обретает в том, как с начала возвышения Микен (XVII в. до н. э.), еще за 200 лет до начала собственно ахейской колонизации в Малой Азии, троянцы принимаются ввозить микенские изделия. При этом вышедшая в Греции из моды "серо-минийская" керамика остается среди троянской верхушки чертой национального культурного стиля, вдохновляя троянцев на попытки имитировать микенские керамические формы в "серо-минийской" технике обжига [Blegen 1963: 141; Blegen 1956: 16; 48].

Понятно, что при этом для нас особый интерес должны были представлять примерно 500 "темных лет" в истории Трои, соответствующих ее периодам III–V (по Блегену, XXIII–XIX вв. до н. э.) и разделяющих эпохи Трои II и Трои VI – два акматических пика в судьбе города. Нет прямых данных в пользу того, что Трою II сокрушили вторгшиеся прагреки, как допускал Дж. Меллаарт в 1958 г. К. Блеген видел в обитателях Трои III группу троянцев, продолжавших в более скудном и примитивном варианте культуру великого города, возможно, погибшего из-за внутренней смуты. В то же время многозначительно, что "темные века" Трои синхронизируются с "курганной волной IV" на Северных Балканах, разрушением раннебронзовых поселений (Эзеро, Чернавода и др.). А поскольку строительству Трои VI и большим культурным новациям в троянской столице (включая культивирование здесь коневодства) не предшествовали сколько-нибудь значительные разрушения в предыдущем слое Трои V, похоже, что именно за "темные века" в этническом составе обитателей края произошли перемены, подготовившие утверждение в городе правящего слоя с новыми культурными ориентациями и предпочтениями.

С позиции лингвистов мы смогли показать, что троянская топономастика и мифолегендарная традиция содержат весьма архаичные греческие формы. Если иметь в виду характеристики древнемакедонского – ближайшего к греческому языка, но сохранившего этимологический интервокальный *-s-* (др.-макед. τελεσίας 'военный танец' < и.-е. **k^{w}eles-iya-*, ср. греч. τέλος, -εος 'цель, поворотная мета', слав. **kolo, -ese*; "Εδεσσα < **Wedes-yH$_2$* 'Водная Местность') и передающего в ряде случаев индоевропейские придыхательные в виде звонких (др.-макед. δάνος = греч. θάνατος 'смерть', др.-макед. αδῆ 'небо' = греч. αἰθήρ и др.) – некоторые троянские грецизмы могут быть отнесены ко времени до распада греко-македонской общности, т. е., условно, к концу III тыс. до н. э. Иные же из них несут явную печать тех (пра)греко-индо-иранских контактов, которые должны были предшествовать началу движения племен "курганной волны IV" в сторону Эгеиды. Рассмотрим эти случаи.

1. Троян. Ἀλέξανδρος 'Защитник мужей', второе имя Париса, сюда же *Alakšanduš* – хеттская передача имени царя, правившего в Вилусе (Илионе) на рубеже XIV–XIII вв. до н. э. Практически неизвестное как антропоним в архаической и классической Греции до эпохи македонской гегемонии, оно зафиксировано в микенских табличках (MY V 659 *a-re-ka-sa-da-ra* = *Aleksandrā*), в легендах относящихся к микенским Персеидам и упоминающих некоего Александра как сына Эврисфея (Apd. II, 8, 1), а кроме того как популярное царское и аристократическое имя в Македонии. Бытование этого композита в постмикенской Греции в качестве прозвания героини Александры – 'Защитницы мужей' в Лаконике и эпиклезы Геры Ἀλέξανδρος в Сикионе (Apd. III, 19, 6; Schol. Pind. Nem. IX, 30) дополнительно подтверждает его статус глубокого раннегреческого архаизма, в частности, охватившего Троаду II тыс. до н. э. [Гиндин–Цымбурский 1994: 29–30].

2. Троян. Κασσάνδρα, вар. Κασάνδρα – имя мифической илионской пророчицы ~ македонское аристократическое имя Κάσσανδρος, популярное в Греции с конца IV в. до н. э., когда ею правил Кассандр, сын Антипатра. А. Хойбек показал, что троян. Κασσάνδρα < **k'ŋsti-ənrā* (с тем же первым элементом, что сохранен у греков, например, в гом. Ναυσι-κάα < **Nausi-k'ŋsā* 'Славная кораблями') представляет точ-

ное соответствие ведийской формулы *narā̀m çáṃsaḥ* 'слава (от) мужей' и, далее, др.-инд. *Narāçáṃsaḥ*, эпитета Агни и Пушана, посредников между людьми и богами, а также авест. *Nairyo-saṇha*, имени Бога-Вестника [Heubeck 1957: 276]. Надо сказать, что вариант Κασάνδρα может быть возведен к и.-е. **k'ṇs-ənrā* как сохраненная троянским преданием прагреко-македонская форма с интервокальным *-s-*, а сам образ троянской Кассандры, ве́щей, но проклятой Аполлоном и непонятной современникам пророчицы, способен выражать кризис мифологического мотива, истоками уходящего в пору греко-индо-иранской общности [Гиндин–Цымбурский 1995: 30].

3. Названия двух рек в Мисии к югу от Троады Κάϊκος, тур. *Bakir-çay* 'Медная река', т. е. 'Река с рыжей водой', и Κάϋστρος, тур. *Ak-su* 'Белая вода', т. е. 'пенящаяся, кипящая', прозрачно объясняются через греч. καίω 'пылаю' < и.-е. **kH$_2$eu-yo-*, а во втором случае прямо через сближение с греч. καυστήρ 'прижигатель', καύστειρα 'горячая, кипящая (о битве)' [Гиндин–Цымбурский 1995: 33–34].

4. Троян. Ἴλιος, *-ov*, ср. идентичные топонимы в Македонии и Фессалии (St. Byz.) – очаге расселения греков по Балканскому полуострову, и далее на Пелопоннесе Ἰλίου ὄρος, гора со святилищем в Лаконике (Paus. III, 24, 6–8). Учитывая восстанавливаемый зрительный образ Трои VI как города на высоком холме, обвитом цепями террас, в его названии позволительно усмотреть тот же корень, что в литовск. *vielóti* 'крутить', русск. *вилять*, белорусск. *вилиць* 'отклоняться от прямого пути', потенциально и в греч. ἴλλω 'кручу' < и.-е. **wīl-yo*. Если такая этимология греч. ἴλλω правильна, то за хетто-лувийской передачей названия Илиона в виде *Wiluša*, вар. *Wilušiya* вскрывается прагреческая форма перфектного причастия женского рода **wīlusyə* (*polis*) 'крутая, закрученная (крепость)' – образование, аналогичное греч. ἰδυῖα 'ведающая' < **widusyə*, др.-инд. *vidúṣī* [Гиндин–Цымбурский 1995: 32].

5. Названия рек: в Троаде Ἀπιδανός, в Фессалии Ἠπιδανός или Ἀπιδανός, на Пелопоннесе Ἀπιδών сюда же прозвище аркадян Ἀπιδανῆες (St. Byz. s.v. Ἀπία; Hdt. VII, 129; Strabo VIII, 3, 32, IX, 5, 6), все восходят к композиту **Hepi-dānu* 'водный поток' (ср. др.-инд. *dānu* 'поток, жидкость', авест. *dānu* 'река', осет. *дон* то же) с формульными соответствиями в ведийском (RV V, 31, 6 *apo ... dānucitrāḥ* 'воды ... блещущие потоками' и т. д.). Эта устойчивая гидронимическая формула в Греции и Троаде представляет такой же рудимент контактов прагреков с индо-иранцами, как и эпическое обозначение ахейских героев Δαναοί 'данайцы', идентичное – с метрической метатезой долготы – авест. *Dānava*, названию неких приречных кочевников, вед. *Dānavā* как имени группы демонов. Перед нами явный след прагреческого передвижения на Балканы из Северного Причерноморья, изобилующего гидронимикой от данной основы, причем этот след захватывает Троаду [Гиндин–Цымбурский 1995: 23–34].

К этим фактам, разобранным нами с Л.А. Гиндиным незадолго до его смерти, я мог бы сейчас добавить еще два.

6. Троянский гидроним Γρήνικος, вар. Γράνικος, давно сравниваемый с греч. κρήνη, дор. κράνᾱ 'источник' < **k'r̥snā*, ср. вар. κρουνός < **k'rosnos* с тем же значением, др.-исл. *hrǫnn* 'волна' < **hrazno* [Frisk 1960–1970, 2: 16]; далее др.-инд. *çrāpayati* 'варить, кипятить' [Елоева 1984], на деле может представлять вовсе не "фракийское" соответствие к κρήνη, как раньше думали мы с Гиндиным, вслед за В. Георгиевым [Гиндин–Цымбурский 1996: 198], а просто раннегреческое образование от этой же основы (по модели, которую имеем и в Κάϊκος) с анлаутным колебанием *kr-/gr-*, довольно типичным для восточнобалканского ареала: ср. во Фракии этноним Κρηστῶνες ~ Γραστῶνες, в Дакии название реки Κρισός ~ *Grisia* и т. д.

7. Название г. Ἄβυδος на севере Троады (Il. II, 836, XVI, 584) и родственное ему Ἀβυδών в Македонии (Strabo VII, фр. 20) объясняются благодаря глоссе ἀβυδὸν βαθύ 'глубокое' (Hes.), побуждающей связать их с греч. ἄβυθος, ἄβυσσος 'бездонный' от основы βυθός, -έος 'глубь, дно моря', βυσσός < *βυθσός то же. Надо сказать, что βυθός – один из трудных случаев греческой этимологии. В нем обычно либо усматривают метатезу и.-е. **dheub-* (лит. *dubùs* 'глубокий', *duburỹs* 'лощина', гот.

diups 'глубокий', латышск. *dubens* 'дно', слав. **dъbno* то же [Pokorny 1959: 267]), либо допускают связь с γυθίσσων· διορύσσων 'роющий, углубляющий' (Hes.), авест. guδa 'глубокий' < **gudh-* [Pokorny 1959: 465; Frisk 1960–1970: 276]. В последнем случае незакономерную мену анлаутного γ- на β- пытаются мотивировать влиянием форм вроде βαθύς 'глубокий', βῆσσα 'лощина', дор. βᾶσσα < и.-е. **g*^{w}*ə̄dh-* (упрощением этой основы, представленной также в др.-инд. *gā́ha* 'глубина', *gáhana* 'глубокий', др.-ирл. *baidim* 'погружаюсь', собственно, и считается прагреко-иранское **gudh-*). Однако с неменьшим правом можно было бы предположить в βυθός < **budh-* некую вариантность по отношению к и.-е. **bhudh-* 'дно': др.-инд. *budhná*, греч. πυθμήν как случай очень раннего (праязыкового) проявления закона Грассмана. При любом решении эта основа выглядит генетически "неправильной", может быть, из-за множественности влияний, участвовавших в ее порождении, но в самой своей "неправильности" предстает отличительной, если не сказать диагностической приметой греко-македонской (ср. др.-макед. 'Αβυδών) группы. Важно, что, судя по названию Абидоса, этот диалектизм затронул и Троаду, причем передача этимологического придыхательного как звонкого побуждает видеть в троян. "Αβυδος либо прямой македонизм (что маловероятно), либо форму восходящую к состоянию греко-македонской общности (и др.-макед. 'Αβυδών с этим вполне согласуется)[7].

Эти дополнительные факты подтверждают главный вывод, к которому мы с Л.А. Гиндиным пришли в 1994 г. – о том, что прагреки появились в Трое еще до размежевания с прамакедонцами, а значит – до начала широкого освоения Греции, скорее всего, еще в конце III тыс. до н. э. Опираясь на этот вывод, мы сделали следующий шаг – попробовали, вслед О. Каррубой, пересмотреть отношение между греческим этнонимом 'Αχαιοί и его хеттским соответствием *Aḫḫiya*, вар. *Aḫḫiyawa*, *Aḫḫiyuwa*. Обычно сторонники тождества Аххиявы с Ахейской Грецией видят в хеттских вариантах просто попытки передачи греческого слова – и это несмотря на то, что из греческого имя 'Αχαιοί никак не объяснимо, а варьирование *Aḫḫiya* : *Aḫḫiyawa* типично для малоазийской топономастики с такими дублетами, как *Haššu* : *Haššuwa*, *Zalpa* : *Zalpuwa* и т. д. Уже 40 лет назад О. Карруба, объявив *Aḫḫiyawa* названием чисто анатолийским, вместо чтения 'Αχαιοί предложил сопоставлять его с именем греков-эолийцев Αἰολεῖς, возводя последний этникон к **Aiawales* и далее к **Aḫḫiyawales* 'жители страны *Aḫḫiyawa*' с раннелидийским выпадением ларингала по тому же типу, что в лид. λαῖλας: τύραννος ὑπὸ Λυδῶν 'тиран по-лидийски' (Hes.) < хет. *laḫḫiyalaš* 'воитель'. О. Карруба думал, что область будущей греческой Эолиды на анатолийском северо-западе, охватывавшей Троаду и значительную часть Мисии и Лидии, носила название "Аххиявы/Аявы" еще до того, как здесь появились выходцы из Греции, принявшие имя эолийцев [Carruba 1964]. Обсуждая построение Каррубы, мы с Гиндиным отмечали, что он неоправданно игнорировал факты присутствия греков-эолийцев под этим именем также и на Балканах – в Фессалии (Hdt. VI, 176) и Этолии (Strabo X, 3, 4), а, кроме того, не задумывался над подмеченной еще А. Фиком соотносимостью их этнонима со старинным названием Фессалии Αἶα (St. Byz. s.v.) < **Aiwia*. И тем не менее в предположениях итальянского ученого обнаружилось разительное "зерно истины". В 1920-х гг. Э. Форрер, анализируя известный хеттский документ начала XIII в. до н. э. "Письмо о Тавакалавасе", обратил внимание на контекст (кол. 1, ст. 12, публикацию см.: [Sommer 1932: 2 и сл.]), где к брату царя Аххиявы прилагается выражение ANA LUGAL *aiawalaš*. Э. Форрер истолковал этот оборот в смысле "царю над народом *aiawala*", т. е. над эолийцами [Forrer 1924:

---

[7] Отражение названия македонского Абидона у Гомера как 'Αμυδών (Il., II, 849; XVI, 288) объясняется субстратной фонетической тенденцией: типичным для фракийского ареала смешением *b*/*m*, известным по таким примерам, как теоним Βενδῖς : Μενδῖς, гидроним Μάργος : Βαργος, местным названиям Βάστειρα : Μάστειρα, Δόβηρος : *Domeros* и др. [Дечев 1982: 23].

10], и ни один оппонент Форрера – даже скрупулезнейший Ф. Зоммер – не смог опровергнуть это понимание. Праформа имени, реконструируемая Каррубой, непосредственно обнаруживается в хеттском источнике в связи с темой Аххиявы.

Но при этом у нас отнюдь не вызывали сочувствия попытки некоторых видных авторов разместить Аххияву времен Хеттской империи (XIV–XIII вв. до н. э.) в приморской Анатолии, в том числе и в области Троады [Carruba 1964: 298; Маккуин 1983: 35; Goetze 1975: карта 1; Howink ten Cate 1974]. В эту эпоху мы не находим места в Анатолии для могущественного царства, которое по силе приближалось бы к империи Хаттусаса и другим сверхдержавам позднебронзового Средиземноморья (Египту, Ассирии, Вавилону), но в то же время, находясь в непосредственной близости к хеттской метрополии, могло бы с нею геополитически "разойтись", не втянувшись в истребительную борьбу [Гиндин–Цымбурский 1996: гл. 2, 3]. Видя в Аххияве хаттусасских документов исключительно Ахейскую Грецию с центром в Микенах, с контролируемыми ею средиземноморскими островами и поселениями-колониями на малоазийской земле, мы, тем не менее, допускали, что в конце III – начале II тыс. до н. э. топоним *Aḫḫiya/Aḫḫiyawa* мог иметь иное применение. Эта "Пра-Аххиява", как ее предложил называть Л.А. Гиндин, могла примерно совпадать с областью распространения "серо-минийской" керамики в Малой Азии, непосредственно охватывая земли будущей Эолиды, с Троадой, Мисией, частично Лидией до Бейджесултана. Мы предположили, что часть прагреков, придя в Эгеиду с "курганной волной IV", заселила области "Пра-Аххиявы" и превратила туземное название этой своей промежуточной прародины в свое собственное имя. Причем это название "Пра-Аххиявы" у греков закрепилось в двух вариантах – воплотившись в этнонимах как ахейцев, усвоивших его себе в древнейшем облике с ларингалом, переданным через χ[8]. так и их сородичей эолийцев, каковые переняли от пралидийцев, по правдоподобной догадке Каррубы, вариант наименования страны с выпавшим ларингалом[9].

Что же касается генезиса Трои VI, к написанному нами тогда я мог бы сейчас добавить один момент, ускользнувший от нас в 1994 г., – греческий миф, по которому в строительстве твердынь Лаомедонтовой Трои богами Посейдоном и Аполлоном, участвовал также герой Эак, Αἰακός (Pind. Ol. VIII) < **Aiwakos*, собственно 'человек страны **Aiwa* (= **Aḫḫiyawa*)'.

Во время работы над статьями о прагреках в Трое Л.А. Гиндина увлекала научная перспектива, связанная с реабилитацией ранней идеи Меллаарта [Mellaart 1958], позднее многократно и несправедливо отвергавшейся самим этим археологом, – о Северо-Западной Анатолии как "промежуточной прародине" для значительной части прагреков, в конце периода ранней бронзы, после исхода из Северно-Причерноморских степей и до начала расселения основного их массива по Греции. Такая версия "промежуточной прародины" правдоподобна для предыстории эолийцев, включая их ахейскую ветвь (но с другой стороны, на севере Троады названия Абидоса и Гра-

---

[8] С принятием исходности анатолийской формы и вторичности греческой, вызывающее много споров соотношение вокализма *Aḫḫiyawa* и 'АχαιFοί может объясняться стремлением греков сохранить звучание имени наиболее близким к привычному, анатолийскому, избежать звуковых деформаций, связанных с превращением -χια- > -χja- и последующей палатализацией заднеязычного (ср. пример такого развития в ταράσσω 'возбуждаю' < **ταράχjω* при ταραχή 'волнение') [Гиндин-Цымбурский 1995: 19].

[9] Наша гипотеза могла бы напомнить версию, в начале 1970-х выдвинутую Ф. Хоувинком тен Кате, насчет сосуществования в XIV–XIII вв. до н. э. "Аххиявы в узком смысле" – якобы города в Анатолии и "Аххиявы в широком смысле" – греко-микенского мира. Однако в отличие от этого автора мы не усматриваем в документах Хеттской империи упоминаний о какой-либо Аххияве, которую нельзя было бы отождествить с ахейским политическим пространством. Поэтому "Пра-Аххияву" и известную хеттам Аххияву мы датируем принципиально разными временами.

ника обнаруживают не эолийское, но типичное для ионийских и дорийских диалектов развитие слоговых сонантов). Первоначальная догадка Меллаарта лучше отвечает наличным фактам, в том числе фактам лингвистическим, чем иные интерпретации – будь то идеи самого этого автора о разных группах лувийцев в Трое VI или даже мысль Блегена о строительстве этого города контингентом греков, явившихся из уже обжитых ими Македонии или Фессалии. Последним образом древней Трои, над которым думал Л.А. Гиндин, был образ этой страны как ядровой части "Пра-Аххиявы" (она же – та самая Αἶα, имя которой мигрирующие эолийцы позднее перенесли на Фессалию). Если учесть, что с анатолийского северо-запада, по легенде, происходила воцарившаяся в Микенах династия Пелопидов-Атридов и что принц из Аххиявы еще в XIII в. до н. э. мог титуловаться "царем над *айавала*", нельзя исключить мысли, будто завоевательные акции правителей позднейшей, микенской Аххиявы в Малой Азии (в частности, упоминаемая в "Письме о Тавакалавасе" борьба царя Аххиявы с хеттами за контроль над Вилусой) в значительной мере вдохновлялась памятью о "Пра-Аххияве" и никогда не обрывавшимися связями греков-ахейцев с этим регионом. В свете такой гипотезы по-новому оценивается культурная конвергенция Трои VI со среднеэлладской Грецией. А позднейшая Троянская война – по преданиям греков, последовавшая за первым "возвращением Гераклидов", наступлением в XIII в. до н. э. северобалканских негреческих племен на ахейские центры [Гиндин–Цымбурский 1996: гл. 4], – неожиданно обретает черты реконкисты, отвоевания заморской прародины [Гиндин–Цымбурский 1995: 35–36].

Монография "Троя, Фракия и народы древней Малой Азии", будучи взята вместе с последними статьями 1994-го года написания, позволяет сполна оценить достижения Л.А. Гиндина в той сфере, где он, без сомнения, сделал больше, чем любой иной автор конца XX в. В принципе каждый из трех образов Трои, в разное время разрабатывавшихся им, мог бы развиваться самостоятельно при игнорировании других. Троя – часть раннебронзовой "Пра-Фракии", археологическая родственница Эзеро, Юнаците, Караново VII, земля, покрытая фракийскими названиями, то обособляющаяся, то вновь интегрируемая часть восточнобалканского пространства. Троя – первый лувийский плацдарм в Анатолии, земля "Малой Ликии" под Идой, охраняемая Пирвой-Пейросом, сохранившая память о киликийцах и о зелейских Τρῶες, возможно, том самом племени, что принесло в южную Ликию "труйский" язык и имя реки Ксанфа. Наконец, Троя – вероятное ядро "Пра-Аххиявы", эгейской "промежуточной прародины" прагреков, сохранившая языковые реликты эпохи греко-македонского единства, культурно породненный с Грецией город времени средней и поздней бронзы. Но для Гиндина в конце его пути ни один из этих образов не отрицал других. Идущие из III тыс. до н. э. лувийские элементы выступали частью прафракийского наследия троянцев, можно сказать, модификациями прафракийской этнолингвистической темы в троянской истории. Так, Пейрос Имбрасид, в реконструкции "Пирва на Геллеспонте", хозяин зелейского Пейросса и покровитель пришлых *лукка*-пралувийцев предстает у Гомера фракийским вождем, напарником того героя Акаманта, в котором воплощается "фракийский Арес". С другой стороны, общая культурная ситуация Трои VI – несомненное усвоение ее жителями имени "троянцев", отсутствие военных потрясений при обновлении стиля, плана и облика города, его погребальный обряд – трупосожжение, сближающий его и с Фракией и с хеттской Анатолией, но резко отличающий его от микенской Греции, бытовые керамические формы, во многом общие для Трои VI и Фракии и резко оттеняющие парадную "серо-минийскую" и микенскую посуду [Hodinott 1981: 58], – все работает на мысль о "слиянии отколовшейся части протофракийцев с обособившейся группой прагреков" в новую, хотя, возможно, внутренне напряженную, конгломератную общность [Гиндин–Цымбурский 1995: 31]. Такой виделась тогда Л.А. Гиндину "гомеровская Троя". Правота этого взгляда, как я полагаю, подтверждается тем, что за важными сюжетными линиями "Илиады" (линии, связанные с героями-дарданцами, "Диомедия") прослеживается

конфликт и борьба между северобалканским (с пралувийской инфильтрацией) и греческим вкладом в историю региона [Цымбурский 1996].

В заключение, следует очень высоко оценить работу немецких переводчиков и редакторов иннсбрукской монографии, сумевших местами облегчить непростой слог русского оригинала. Их труд увеличивает достоинства книги в глазах европейского научного сообщества, перед которым она замечательно представляет уровень российской индоевропеистики и российской филологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Баюн 1984 – *Л С Баюн* Общелувийский глагольный тип (вопросы реконструкции) // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья М., 1984

Баюн 1987 – *Л С Баюн* Фрако-анатолийские языковые связи в сравнительно-исторической перспективе // Античная балканистика. М., 1987.

Гамкрелидзе–Иванов 1989 – *Т В Гамкрелидзе, Вяч Вс Иванов* Первые индоевропейцы в истории предки тохар в древней Передней Азии // Вестник древней истории 1989 № 1

Георгиев 1958 – *В И Георгиев* Исследования по сравнительно-историческому языкознанию М , 1958

Георгиев–Мерперт 1979 – *Г И Георгиев, Н Я Мерперт, Р В Катинчаров, Д Г Димитров* Езеро Раннобронзовото селище. София, 1979

Гиндин 1972 – *Л А Гиндин* Некоторые ареальные характеристики хеттского. I // Этимология 1970 М., 1972

Гиндин 1981 – *Л А Гиндин* Древнейшая ономастика Восточных Балкан. София, 1981.

Гиндин 1990 – *Л А Гиндин* Лувийцы в Трое (Опыт лингвофилологического анализа) // ВЯ 1990 № 1

Гиндин 1993 – *Л А Гиндин* Население гомеровской Трои. М.,1993.

Гиндин–Цымбурский 1994 – *Л А Гиндин, В Л Цымбурский* Прагреки в Трое // Вестник древней истории. 1994. № 4.

Гиндин–Цымбурский 1995 – *Л А Гиндин, В Л Цымбурский.* Троя и "Пра-Аххиява" // Вестник древней истории 1995 № 3.

Гиндин–Цымбурский 1996 – *Л А Гиндин, В Л Цымбурский* Гомер и история Восточного Средиземноморья. М., 1996

Дечев 1982 – *Д Дечев* Характеристика на тракийския език София, 1982

Елоева 1984 – *Ф К Елоева* Этимология др -греч. κρήνη // Античная балканистика Карпато-балканский регион в диахронии Предварительные материалы к международному симпозиуму. М , 1984

Калужская–Цымбурский 1990 – *И А Калужская, В Л Цымбурский* Международный симпозиум 'Античная балканистика VI" (V Международный конгресс по фракологии) // Вестник древней истории 1990 № 4

Маккуин 1983 – *Дж Г Маккуин* Хетты и их современники в Малой Азии. М , 1983.

Мерперт 1988 – *Н Я Мерперт* // Советская археология 1988. № 2 – Рец на кн : Korfmann M Demirchuyuk Bd I. Mainz am Rhein, 1983.

Ренфрю 2002 – *К Ренфрю* Индоевропейская проблема и освоение степей· вопросы хронологии // Вестник древней истории. 2002. № 2.

Топоров 1977 – *В Н Топоров* К фракийско-балтийским языковым параллелям // Балканский лингвистический сборник. М., 1977.

Трубачев 1991 – *О Н Трубачев.* Этногенез славян и индоевропейская проблема // Terra antiqua balcanica VI. София, 1991.

Цымбурский 1984 – *В Л Цымбурский* Троянская Ликия и проблема этногенеза ликийцев // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Тезисы и доклады конференции Ч I М., 1984

Цымбурский 1987а – *В Л Цымбурский.* Гомеровский эпос и этногенез Северо-Западной Анатолии АКД М., 1987.

Цымбурский 1987б – *В Л Цымбурский* – Linguistique balkanique, 1987, XXX, 1 – Рец на кн Л.А. Гиндин. Древнейшая ономастика Восточных Балкан. София, 1981

Цымбурский 1996 – *В Л Цымбурский* Гомеровский эпос и легендарная традиция Анатолии // Азия – диалог цивилизаций. СПб., 1996.

Blegen 1956 – *C W Blegen et al* Troy. V. 3. The Sixth Settlement. Princeton, 1956

Blegen 1963 – *C W Blegen* Troy and the Trojans New York, 1963
Carruba 1964 – *O Carruba* Ahhiyawa e altri nomi di popoli e di paesi dell'Anatolia occidentale // Athenaeum, 1964 42
Čičikova 1971 – *M Čičikova* Sur la chronologie du Halstatten Thrace // L'ethnogenése des peuples balkaniques Sofia, 1971
Çabej 1977 – *E Çabej* Emri i Dardhanise dhe izoglosat shqiptaro-kelte // Çabej E Studime gjuhesore T IV Prishtine, 1977
Dimitrov 1971 – *D Dimitrov* Troja VIIb2 und die thrakischen und mosischen Stamme auf dem Balkan // L'ethnogenèse des peuples balkaniques Sofia, 1971
Forrer 1924 – *E Forrer* Vorhomerische Griechen in den Keilinschriften von Boghazkoi // Mitteilungen der deutschen Orient-Gesellschaft 1924 Bd 63
French 1974 – *D H French* Migration and 'Minyan" pottery in Western Anatolia and the Aegean // Bronze Age migrations in the Aegean Proceedings of the First International colloquium on Aegean prehistory Park Ridge, 1974
Frisk 1960–1970 – *Hj Frisk* Etymologisches Worterbuch der griechischen Sprache Bd 1–2 Heidelberg, 1960–1970
Gardiner 1960 – *A Gardiner* The Kadesh inscriptions of the Ramesses II. Oxford, 1960
Gimbutas 1974 – *M Gimbutas* The destruction of Aegean and East Mediterranean urban civilisation around 2300 B C // Bronze Age migrations in the Aegean Proceedings of the First International colloquium on Aegean prehistory Park Ridge, 1974
Gindin 1999 – *L A Gindin* Troja, Thrakien und die Volker Altkleinasiens Versuch einer historisch-philologischen Untersuchung Innsbruck, 1999
Goetze 1975 – *A Goetze* The struggle for the domination of Syria (1400–1300) // Cambridge ancient history V II Pt 2 Cambridge, 1975.
Gusmani 1968 – *R Gusmani* Il lessico ittito Napoli, 1968
Hammond 1974 – *N G L Hammond* Grave circles in Albania and Macedonia // Bronze Age migrations in the Aegean Proceedings of the First International colloquium on Aegean prehistory. Park Ridge, 1974
Heubeck 1957 – *A Heubeck* Weitere Bemerkungen zu den griechischen Personennamen auf den Linear B Tafeln // Beitrage zur Namenforschung 1957 Jg 8
Hodinott 1981 – *R F Hodinott* The Thracians London, 1981
Houwink ten Cate 1974 – *Ph Houwink ten Cate* Anatolian Evidence for West in the Late Bronze Age // Bronze Age migrations in the Aegean Proceedings of the First International colloquium on Aegean prehistory Park Ridge, 1974
Howell 1974 – *R J Howell* The origins of the Middle Helladic culture // Bronze Age migrations in the Aegean Proceedings of the First International colloquium on Aegean prehistory Park Ridge, 1974
Kretschmer 1896 – *P Kretschmer* Einleitimg in die Geschichte der griechischen Sprache Gottingen, 1896
Mallory 1989 – *J P Mallory* Search of the Indo-Europeans Language, archaeology and myth London, 1989
Mayer 1959 – *A Mayer* Die Sprache der alten Illyrier Bd 2 Wien, 1959
Mellaart 1958 – *J Mellaart* The end of the Early Bronze Age in Anatolia and the Aegean // American Journal of Archaeology 1958 62 1
Mellaart 1971 – *J Mellaart* Anatolia c 4000–2300 B C // Cambridge ancient history V I Pt 2 Cam bridge, 1971
Meyer 1891 – *G Meyer* Etymologisches Worterbuch der albanesischen Sprache Stassburg, 1891
Neumann 1988 – *G Neumann* Phrygisch und Griechisch Wien, 1988
Palmer 1962 – *L R Palmer* Myceneans and the Minoans New York, 1962
Pokorny 1959 – *J Pokorny* Indogermanisches etymologisches Worterbuch Bd. I Bern, Munchen, 1959
Solta 1960 – *G R Solta* Die Stellung des Armenischen im Kreise der indogermanischen Sprachen Wien, 1960
Sommer 1932 – *F Sommer* Die Ahhijava-Urkunden Munchen, 1932
Tomaschek 1980 – *W Tomaschek* Die Alten Thraker Eine ethnologische Untersuchung Wien, 1980
Watkins 1986 – *C Watkins* The language of the Trojans // Troy and the Trojan War Bryn Mawr, 1986

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 3 2003

© 2003 г. М. И. ШАПИР

ТРИ РЕФОРМЫ РУССКОГО СТИХОТВОРНОГО СИНТАКСИСА (Ломоносов — Пушкин — Иосиф Бродский)*

1. Предварительные замечания. В статье описываются три разных типа организации русского стихотворного синтаксиса в их наиболее "крайних", "предельных" исторических воплощениях Поэтому исследование носит прежде всего типологический характер, но полученные результаты, на мой взгляд, также немало говорят об эволюции русского поэтического языка и могут быть востребованы как подготовительные материалы к его исторической грамматике. Речь идет главным образом об иерархии и тесноте межстрочных синтаксических связей, и в то же время существенное внимание уделяется грамматической структуре строки. Материалом преимущественно служит 4-стопный ямб с чередованием мужских и женских окончаний, однако для проверки выводов дополнительно привлекается ямб 5-стопный.

Основной прием, применяемый в работе, — измерение силы грамматических связей. Оно опирается на довольно дробную классификацию. в отличие от своих предшественников (историю вопроса см. [Шапир 1999а: 57; 2000б: 163—164]), я различаю 23 ступени последовательного усиления грамматической связанности. Это отношения. 1) между отдельными предложениями, не связанными союзом; 2) между отдельными предложениями, связанными союзом, 3) между частями бессоюзного сложного предложения; 4) между частями сложносочиненного предложения, связанными союзом; 5) между придаточными предложениями, не связанными союзом, 6) между придаточными предложениями, связанными сочинительным союзом, 7) между главным и придаточным предложением; 8) при обособленных словах и оборотах, 9) между не образующими словосочетания неоднородными членами предложения при отсутствии союза, 10) между не образующими словосочетания неоднородными членами предложения при наличии сочинительного союза; 11) между обобщающим словом и однородными членами; 12) между однородными членами при отсутствии союза, 13) между однородными членами при наличии союза; 14) между подлежащим и сказуемым; 15) между членами словосочетания в случае примыкания неизменяемых слов и форм; 16) между членами словосочетания в случае падежного примыкания или управления в непереходных конструкциях, 17) между членами словосочетания в случае управления в переходных конструкциях; 18) между членами словосочетания в случае их согласования, 19) между компонентами сложных форм глагола, 20) между предлогом, союзом, частицей и словом или предложением, к которому они относятся, 21) между корневыми морфемами неодноударного композита; 22) между частями одноударного слова; 23) между частями морфемы или слога (примеры см. [Шапир 1999а· 57—59; 2000б. 164—166])[1].·

* Работа подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект 01-04-00080а) и Российского фонда фундаментальных исследований (проекты 00-15-98845 и 01-06-80103)

[1] Эта классификация несовершенна, в частности, она страдает из-за недостаточной дифференцированности синтаксических позиций (например, в ней не учитывается разный характер связей при обособлении причастных и деепричастных оборотов, не проводится граница между падежным примыканием и

За числовое выражение грамматической связи принимается ее порядковый номер по вышеозначенной классификации. При явной синтаксической или семантической неполноте отрезка речи, предшествующего межстрочной границе, этот показатель удваивается, потому что такие связи (я их называю "двойными") носят сразу "проспективный" и "ретроспективный" характер (предыдущий стих отчасти предсказывает последующий, а последующий возвращает к предыдущему):

Изображу ль въ картинѣ вѣрной	17 × 2
Уединенный кабинетъ,	7
Гдѣ модъ воспитанникъ примѣрной	14 × 2
Одѣтъ, раздѣтъ и вновь одѣтъ?	1

[Пушкин 1837: 15]

Если через одну клаузулу проходит несколько связей, они учитываются все (такие связи я называю "сложными"):

Съ душою, полной сожалѣній,	10 × 2
И опершися на гранитъ,	(8+16) × 2
Стоялъ задумчиво Евгеній,	7
Какъ описалъ себя Піитъ.	1

[Пушкин 1837: 31]

Разделив сумму показателей на число межстрочных границ N, мы получим средний коэффициент межстрочной грамматической связанности $\bar{S}$.

Надежность предложенного способа измерять тесноту синтаксических связей поставил под сомнение М.Л. Гаспаров. Он заметил, что, придавая номерам 23 степеней статус количественных показателей, я de facto считаю "установленным, что (скажем) связь № 5 ровно настолько же сильнее, чем связь № 6, насколько связь № 6 сильнее, чем связь № 7, а это ведь пока не доказано"[2]. Действительно, насколько одна связь теснее другой, мы достоверно не знаем и, может статься, никогда не узнаем. Но, на мой взгляд, это некритично вследствие многоступенчатой градации: если бы, как в пионерском исследовании Г.О. Винокура (см. [Винокур 1941]), моя классификация различала всего три типа связей, разница в силе между смежными типами при подсчетах была бы решающей, но так как этих типов 23 (причем учтены почти все возможности), то перепады между связями ближайших типов оказываются сравнительно небольшими, а потому и разница в перепадах не может значимо повлиять на результаты.

Другое возражение М.Л. Гаспарова касается удвоения показателей на клаузулах — там, где фраза принудительно требует своего продолжения. Мой оппонент спрашивал, почему связи нужно "удваивать, а не утраивать", и полагал, что «скорее уж дополнительный ретроспективный характер принимают связи на “полузамкнутых” конструкциях», когда предложение кажется завершенным, но его продолжение заставляет оглянуться и осмыслить предыдущую строку как синтаксически неоконченную. На это можно ответить, во-первых, что различие между "замкнутыми" и "полузамкнутыми" конструкциями — весьма зыбкое: любая законченная фраза при желании может быть продолжена, и не так важно, следует ли продолжение через точку, запятую или точку с запятой (иными словами, любая "замкнутая" конструкция внутри текста, по сути, полузамкнута, ибо сказано еще не все). А во-вторых, и "замкнутые", и "полузамкнутые" связи действуют только "ретроспективно": последующий

управлением). С этим приходится мириться: будучи теоретически оправданной, еще бóльшая дробность классификации сделала бы несравнимыми данные в новых и старых моих работах (см. [Шапир 1998: 53—60, 116—124; 1999а; 2000б: 161—186, 372—380, 450—457]).

[2] Здесь и ниже цитируется выступление М.Л. Гаспарова 1 июня 2000 г. на заседании диссертационного совета по русской литературе и фольклористике при Московском государственном университете.

текст мысленно соотносится с предшествующим, но предшествующий (в силу своей подлинной или мнимой языковой завершенности) никак не предсказывает последующего. Напротив, связи в "разомкнутых" конструкциях носят сразу "проспективный" и "ретроспективный" характер: предыдущий стих, как уже было сказано, предвосхищает следующий, который, в свою очередь, отсылает к предыдущему. Подобного рода связи кажутся более сильными, поскольку действуют в обе стороны: вперед и назад, тогда как в "замкнутых" и "мнимозамкнутых" конструкциях — лишь назад. *Такъ думалъ молодой повѣса* ⟨...⟩ — предложение как будто закончено. ⟨...⟩ *Летя въ пыли на почтовыхъ* ⟨...⟩ — между этим стихом и предыдущим "ретроспективно" устанавливается грамматическая связь. Теперь переставим деепричастный оборот в начало фразы: *Летя в пыли на почтовых, // Так думал молодой повеса...* После первой строки мы ждем непременного продолжения, хотя не знаем точно какого: вид связи проясняется вместе со следующей строкой. Поэтому, чтобы отразить двунаправленность грамматических отношений, я и предлагаю соответствующий показатель удваивать.

2. Первая реформа стихотворного синтаксиса (ломоносовская ода). Ломоносов разрабатывал "классическую" модель стихотворного синтаксиса: конец стиха в его одах, как правило, стремится совпасть с самой слабой синтаксической связью — лучше всего с концом предложения. Но такое совпадение не всегда достижимо: иногда предложение бывает длиннее строки. Как часто? Во многом зависит от числа пиррихиев.

Известно, что в ранних произведениях Ломоносова, написанных ямбом, ударность стоп вплотную приближалась к 100%. Это способствовало согласованности стиховых и синтаксических членений — нетрудно понять почему. Среднестатистическое простое предложение проще уложить в четырехударную строку, нежели в трех- или двухударную:

Что се́рдце та́к мое́ пронза́ет?	1
Неде́рск ли то́ Гига́нт шуми́т?	1
Не го́рыль с ме́ст свои́х толка́ет?	1
Холмы́ сорва́вши, в тве́рдь рази́т?	1
Края́ небе́с уже́ трясу́тся,	3
Пути́ обы́чны зве́зд мяту́тся!	1
Ника́к яри́тся А́нтей зло́й!	1
Не Пи́нд ли о́н на О́ссу ста́вит?	2
А Э́тна ве́рьх Кавка́сской да́вит?	1
Не Со́лнце ль хо́чет сня́ть руко́й?	1

[Ломоносов 1959, 8: 37][3]

Каждый из десяти стихов этой строфы насчитывает по четыре ударения, и каждый является простым предложением.

С конца 1741 г. метрические ударения Ломоносов начал систематически пропускать. В течение пяти лет доля полноударных строк неуклонно сокращалась — чуть ли не со 100% до 20% (об эволюции ломоносовской ритмики см. [Шапир 1996; 2000б: 131–160]). Параллельно со стихом менялся синтаксис 4-стопного ямба: если в середине 1741 г. с концом предложения совпадали ⅔ клаузул, то к декабрю 1746 г. этот показатель опустился ниже 40%[4]. Между ритмом и грамматикой установилась

[3] В цитируемом источнике ударения отсутствуют.

[4] О том, что доля совпадений конца стиха с концом предложения была обусловлена количеством фонетических слов в строке, косвенно свидетельствуют два стихотворения раннего Ломоносова, написанные сплошь полноударными 3-стопными ямбами (см. [Ломоносов 1959, 8: 14, 125]). В этих небольших произведениях 45% межстрочных границ (10 из 22) суть в то же время границы простых предложений.

Таблица 1

Межстрочные грамматические связи в одах Ломоносова (по периодам)

	Средняя ударность стопы (%)	Грамматические связи (%)[5]					$\bar{S}$	σ	N
		слабые (1–7)	средние (8–13)	сильные (14–20)	двойные	сложные			
Лето 1741	99,1	60,3	18,9	20,8	35,3	7,1	12,3	4,7	438
Конец ноября 1741 — 1743	91,2	49,3	25,4	25,4	36,9	7,6	14,2	5,7	792
1745 — ноябрь 1746	83,9	40,3	27,7	32,0	44,4	9,8	16,7	7,7	408
Декабрь 1746 — 1751	79,9	39,8	22,1	38,1	53,1	13,9	19,4	8,3	856
1752 — 1763	80,9	42,6	25,4	32,0	48,6	9,8	17,0	7,6	2081

тесная зависимость: чем ниже становилась средняя ударность строки, тем выше был средний показатель межстрочной грамматической связанности. И наоборот, когда у позднего Ломоносова наметился обратный процесс и уровень метрической ударности вновь несколько возрос, связи между строками пропорционально ослабли (см. табл. 1).

Удлинение простого предложения, распространившегося в среднем на два-три стиха, и сопряженное с этим усиление межстрочных синтаксических связей не отменяли общей тенденции к согласованию грамматических и стиховых членений, но изменяли характер согласования: с уровня строки оно переходило на уровень строфы. В итоге сложился период, в котором синтаксис относительно точно соответствовал рифменной структуре строфы. Прежде, в полноударном 4-стопном ямбе, одно и то же синтаксическое содержание в принципе готов был принять на себя любой стих:

Уже врата отверзло лето,	3
Натура ставит общий пир,	3
Земля и сердце в нас нагрето,	3
Колеблет ветьви тих зефир,	12
Объемлет мягкий луг крилами,	3
Крутится чистый ток полями,	3
Брега питает тучный ил,	3
Древа и цвет покрылись медом,	3
Ведет своим довольство следом	(14+15)×2
Поспешно ясный вождь светил.	2

[Ломоносов 1959, 8: 103]

У раннего Ломоносова строки были выравнены как по числу ударений, так и по своей грамматической емкости. Одическое десятистишие с рифмовкой *AbAbCCdEEd* еще не обрело отчетливой логико-грамматической структуры, отражающей его членение: (2+2)+(3+3). В ломоносовских одах конца 1730 — начала 1740-х годов строфический период непроявлен: кривая межстрочных связей сплюснута и, кажется, кое-где готова перейти в прямую (см. рис. 1 и табл. 2–3; а также [Шапир 1999а: 64, 77–78; 2000б: 173, 184–185]). Но после того как разноударность строк стала нормой, они перестали быть грамматически эквивалентными даже в потенции. Ясно обозначились строфические позиции, на которых обычно встречаются сильные связи, и те, на которых по большей части сосредоточены связи слабые. Внутри строфы оформился четкий синтаксический ритм, создаваемый закономерным чередованием связей: сильная — слабая — сильная — слабая — средняя — сильная — слабая — средняя —

[5] Доля сложных связей определяется от общего числа межстрочных границ, доля двойных — от общего числа связей.

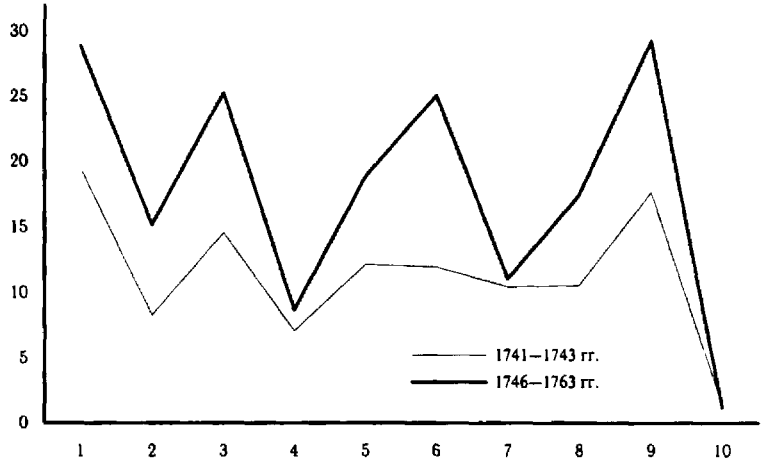

Рис. 1. Синтаксический профиль строфы *AbAbCCdEEd* в одах Ломоносова

сильная — слабая. И хотя эта схема межстрочных связей в чистом виде не реализована ни в одной строфе, основные закономерности в организации строфического периода она передает адекватно. Например:

Тогда от радостной Полтавы	(15+16)×2
Победы Росской звук гремел,	3
Тогда не мог Петровой славы	(14+15+17)×2
Вместить вселенныя предел,	3
Тогда Вандалы низложенны	(14+15)×2
Главы имели преклоненны	16
Еще при пленах твоих;	3
Тогда предъявлено судьбою,	7×2
Что с трепетом перед Тобою	(16+16)×2
Падут полки потомков их.	1

[Ломоносов 1959, 8: 153]

Процесс формирования строфического периода тоже поддается количественной оценке и выражается в увеличении амплитуды колебания синтаксической кривой. Мерой структурированности строфы может служить среднее отклонение от среднего коэффициента грамматической связанности (σ): у Ломоносова оно растет вместе с усилением межстрочной связанности и немного понижается в последний период — тогда же, когда связи между стихами опять становятся чуть слабее (см. табл. 1—3; а также [Шапир 1999а: 71 примеч. 20; 2000б: 181 примеч. 20]).

В рамках избранной системы — ее можно назвать синтаксическим способом организации стиха — тесноту межстрочных связей Ломоносов довел до предела. Приведу ярчайший пример. В "Оде ... 1752 года" поэт вспоминает день восшествия Елисаветы Петровны на престол:

Какому Ты подверглась бедству,	7×2
Монархиня, чтоб нас спасти.	1
Мы час тот ныне представляем;	3
Представив, вне себя бываем.	1
Надежда, радость, страх, любовь	(14+14+14+14)×2
Живит, крепит, печалит, клонит,	3
Противна страсть противну гонит,	3
Густеет и кипит в нас кровь!	2

[Ломоносов 1959, 8: 506]

Таблица 2

Структура грамматических связей у Ломоносова в строфах *AbAbCCdEEd* (1741—1743 гг)

Тип связи	Строки (%)										В среднем
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	
1	9 8	19 4	7 7	57 1	13 9	31 1	34 2	5 7	7 1	84 8	24 9
2	–	5 6	–	–	–	2 6	2 6	5 7	–	12 1	2 7
3	12 2	33 3	23 1	11 4	22 2	15 8	18 4	20 0	11 9	–	16 9
4	–	–	5 1	–	–	5 2	–	–	2 4	–	1 3
5	–	8 3	–	–	2 8	–	–	–	–	–	1 1
6	–	–	2 6	–	–	–	–	–	2 4	–	0 5
7	12 2	2 8	17 9	2 9	8 3	13 2	7 9	17 1	14 3	–	9 9
8	19 5	8 3	5 1	5 7	2 8	2 6	10 5	–	7 1	–	6 4
9	–	–	–	2 9	–	–	–	2 9	–	–	0 5
10	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
11	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
12	4 9	13 9	12 8	5 7	27 8	15 8	7 9	22 9	11 9	–	12 3
13	–	–	5 1	–	5 6	2 6	–	20 0	–	3 0	3 5
14	7 3	5 6	5 1	5 7	2 8	10 5	5 2	5 7	11 9	–	6 2
15	4 9	–	2 6	2 9	2 8	2 6	2 6	–	4 8	–	2 4
16	19 5	2 8	7 7	5 7	11 1	7 9	5 2	–	26 2	–	9 1
17	7 3	–	2 6	–	–	–	2 6	–	–	–	1 3
18	2 4	–	–	–	–	–	2 6	–	–	–	0 5
19	–	–	2 6	–	–	–	–	–	–	–	0 3
20	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
двойные	56 1	30 6	41 0	22 9	30 6	28 9	28 9	22 9	35,7	–	29 8
сложные	20 0	2 9	8 2	–	2 9	8 6	8 6	–	17 1	–	6 9
$\bar{S}$	19 5	8 3	14 6	7 1	12 2	12 0	10 5	10 6	17 7	1 5	11 4
σ	8 1	3 1	3 2	4 3	0 8	0 6	0 9	0 8	6 3	9 9	3 9
N	35	35	35	35	35	35	35	35	35	33	348

Таблица 3

Структура грамматических связей у Ломоносова в строфах *AbAbCCdEEd* (1746—1763 гг)

Тип связи	Строки (%)										Всего
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	
1	2 6	15 4	1 8	46 0	4 0	8 5	29 8	5 7	1 1	90 7	18 6
2	0 3	0 7	–	2 1	–	0 9	4 2	0 3	–	6 2	1 3
3	5 6	16 7	7 4	10 9	8 8	6,5	15 2	11 5	6 9	2 3	9 1
4	0 6	3 7	1 8	2 1	3 0	2 9	2 1	5 1	2 0	–	2 3
5	–	0 7	0 6	3 2	–	0 6	1 7	1 0	–	–	0 7
6	–	0 7	1 2	–	0 7	0 9	0 7	0 3	0 3	–	0 5
7	8 8	12 7	8 9	3 5	11 8	4 4	5 9	8 1	9 1	–	7 5
8	10 0	7 0	14 7	5 6	10 8	8 2	7 3	7 8	9 4	–	8 3
9	3 2	1 3	0 3	1 1	4 4	0 6	1 7	4 4	–	–	1 7
10	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
11	–	–	–	–	–	–	0 7	–	–	–	0 1
12	5 9	8 4	5 2	8 8	12 8	6 8	8 3	16 6	3 7	0 4	7 6
13	5 9	7 4	6 4	2 5	18 9	6 5	2 8	14 9	6 6	0 4	7 3
14	19 4	8 4	12 9	4 6	8 1	10 3	8 0	8 8	11 1	–	9 5
15	7 9	3 7	6 1	2 5	4 7	6 5	1 8	2 4	9 7	–	4 8
16	22 3	10 0	23 9	6 3	10 1	26 8	5 9	11 5	26 9	–	15 2
17	5 3	3 3	6 7	1 1	1 0	7 6	3 5	1 4	10 9	–	4 3
18	2 3	–	1 5	–	1 0	2 1	0 7	0 4	2 3	–	1 1
19	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
20	–	–	0 3	–	–	–	–	–	–	–	0 0
двойные	80 9	46 8	70 2	25 3	58 2	59 7	29 8	51 4	69 1	1 2	51 2
сложные	21 9	7 4	17 0	3 7	9 6	20 4	5 2	8 1	21 5	–	11 5
$\bar{S}$	28 9	15 2	25 3	8 7	18 9	25 1	11 1	17 5	29 2	1 2	18 2
σ	10 7	3 0	7 1	9 5	0 7	6 9	7 1	0 7	11 1	17 0	7 4
N	270	270	270	270	270	270	270	270	270	258	2688

В третьем и четвертом стихах с конца каждое сказуемое стоит непосредственно под своим подлежащим: *Надежда живит, радость крепит, страх печалит, любовь клонит*. При нормальном порядке слов соседние стихи были бы связаны как простые предложения в составе бессоюзного сложного периода — вместо этого у Ломоносова через одну клаузулу проходят четыре предикативных связи[6].

Разумеется, усиление межстрочных связей не было для Ломоносова самоцелью. Он хотел вызвать определенное художественное впечатление, стремясь передать смятение чувств, охватывающих россиян при мысли об опасности, какой подвергала себя Елисавета, ради них отважившаяся на переворот: «⟨...⟩ славные авторы, — поучал Ломоносов в "Риторике", — нередко представляют одного человека, двумя ⟨...⟩ противными страстьми объятого» [Ломоносов 1952, 7: 201 и далее] Чтобы обнажить противоречивость эмоций, поэт отделил подлежащие от сказуемых, растасовав те и другие. Но сама возможность такой фигуры была подготовлена ритмико-синтаксическими сдвигами, которые произошли в поэтическом языке Ломоносова в середине 1740-х годов. Иначе подобное построение оставалось бы для Ломоносова неприемлемым, что по-своему подтверждают его ранние стихи из "Оды на прибытие Ея Величества .. из Москвы в Санктпетербург" (1742)

Мне вдруг ужасный гром блистает,	4
И купно ясный день сияет!	1
То сердце сильна власть страшит,	4 × 2
То кротость разум мой живит!	1
То бодрость страх, то страх ту клонит,	3
Противна мысль противну гонит!	1

[Ломоносов 1952, 7 286]

Как видим, один и тот же лексико-семантический образ совсем по-разному преломляется синтаксически в 1742 г. и десятилетием позже.

Напрячь межстрочные связи сильнее, не приводя в постоянное противоречие стих и грамматику, было уже невозможно. Не удивительно поэтому, что у современников и последователей Ломоносова средний коэффициент межстрочной связанности понижен: в ломоносовских одах он равен 18,2, в сумароковских — 13,9; в державинских — 15,0 (обследовались произведения со строфой *AbAbCCdEEd*[7]). Так был сделан первый шаг к освобождению синтаксиса от ритма: в поэзии Сумарокова и Державина ослабление грамматической связанности строк не сопровождалось повышенной ударностью. При этом синтаксические контуры десятистишия были сохранены младшими поэтами почти в неизменности, и даже разрыв между сильными и слабыми связями сократился не слишком у зрелого Ломоносова $\sigma = 7{,}4$; у Сумарокова — 6,9; у Державина — 5,7 (подробнее см. [Шапир 1998 55—57, 117, 120—121, 2000б: 375—377, 451, 453—454])

3. Вторая реформа стихотворного синтаксиса ("Медный Всадник"). Новые принципы организации поэтической речи открыл автор "Медного Всадника". Однако в большинстве произведений, вышедших из-под его пера, он во многом оставался в рамках синтаксической системы, завещанной Ломоносовым: ее непреложность была окончательно преодолена только в 1830-е годы. Особую роль в этом сыграла последняя поэма Пушкина, в которой грамматическая связанность строк достигла уровня, дотоле неведомого. Раньше среди межстрочных связей всегда преобладали слабые —

[6] Ср аналогичную дистрибуцию прямых дополнений в "Оде 1757 года" Петр Великий *Полки, законы, корабли // Сам строит, правит и предводит* ⟨ ⟩ [Ломоносов 1959, 8 632]

[7] У Сумарокова из-за нехватки материала привлечены также две оды, в которых строфы начинаются не с женского, а с мужского стиха — *aBaBccDeeD* (перечень текстов см [Шапир 1998 101—102 примеч 7, 2000б 434—435 примеч 88])

Таблица 4

Межстрочные грамматические связи в астрофических поэмах Пушкина (общие данные)

	Средняя ударность стопы (%)	Грамматические связи (%)					$\bar{S}$	N
		слабые (1–7)	средние (8–13)	сильные (14–20)	двойные	сложные		
"Кавказский пленник", 1820—1821								
Часть первая	80 0	34 4	29 0	36 6	48 3	11 9	19 0	362
Часть вторая	84 3	51 4	20 2	28 4	36 3	9 3	13 7	300
Всего	82 0	41 9	25 2	33 0	43 0	10 7	16 6	662
"Полтава" 1828—1829								
Песнь первая	79 1	38 5	20 9	40 6	51 6	15 2	20 1	508
Песнь вторая	83 5	48 0	18 4	33 6	43 1	10 0	15 7	490
Песнь третия	82 1	44 4	18 9	36 8	48 8	11 3	17 4	470
Всего	81 5	43 4	19 4	37 1	48 0	12 2	17 8	1468
"Медный Всадник", 1833								
Вступление	80 7	30 8	22 1	47 1	50 0	8 4	19 8	95
Часть первая	82 2	29 0	23 3	47 7	62 7	15 4	23 1	162
Часть вторая	80 4	24 8	23 0	52 6	63 1	17 6	24 3	221
Всего	81 1	27 3	22 9	49 8	60 5	15 1	23 0	478

так было у Ломоносова и у других поэтов XVIII — первой трети XIX в , не исключая самого Пушкина (ср [Брик 1927 № 5, 33—34]) Но в "Медном Всаднике" на всем его протяжении первое место по употребительности держат сильные связи, чья доля в заключительной части поэмы превышает 50% (см табл. 4—7)

Надо подчеркнуть, что это усиление связанности было автономно от акцентного ритма Насколько позволяют судить собранные данные, у раннего Пушкина прослеживается зависимость, уже известная нам по Ломоносову. чем выше ударность, тем слабее межстрочные связи В первой части "Кавказского пленника" стихи связаны гораздо теснее, чем во второй ($\bar{S}_{\text{I}} = 19{,}0$, $\bar{S}_{\text{II}} = 13{,}7$), в то же время доля полноударных строк в первой части поэмы — на 12% меньше (27,8% против 39,9%), а доля строк с двумя пиррихиями — на 5% больше (7,7% против 2,7%) Обратно пропорциональные отношения между ударностью стихов и теснотою их связи сохранялись в пушкинских стихах достаточно долго Так, в первой песни "Полтавы" минимуму ударности сопутствует максимум связанности, наоборот, во второй песни минимум связанности обеспечен максимальной ударностью, третья песнь по обоим показателям занимает промежуточное положение

По-видимому, хотя бы в какой-то степени эта зависимость существовала не только между частями одного произведения, но и между разными произведениями в "Полтаве" метрические ударения реализуются реже, чем в "Кавказском пленнике", а грамматические связи в среднем оказываются сильнее Но на петербургскую повесть Пушкина эта закономерность не простирается Здесь не так много пиррихиев — ощутимо меньше, например, чем в "Евгении Онегине" (ср [Томашевский 1918 156—157, Шенгели 1921 53, Тарановски 1953 таб III, Лотман 1990 47]), — но это не ведет к ослаблению синтаксической связанности строк она тут выше, чем в стихотворном романе или в других пушкинских поэмах[8] В самóм тексте "Медного Всад-

[8] О грамматике межстрочных связей в Евгении Онегине см разд 4

Таблица 5

Межстрочные грамматические связи в поэме Пушкина "Кавказский пленник" (1820—1821)

	Грамматические связи (%)																						$\bar{S}$	N
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	двойные	сложные		
Часть I	139	31	99	45	09	05	17	104	24	–	–	85	78	90	35	186	54	–	–		483	119	190	362
Часть II	221	09	205	66	–	03	09	79	15	–	–	79	30	94	42	124	24	–	–	–	363	93	137	300
Всего	175	21	146	54	05	04	13	93	20	–	–	82	57	91	38	159	41	–	–	–	430	107	166	662

Таблица 6

Межстрочные грамматические связи в поэме Пушкина 'Полтава" (1828—1829)

	Грамматические связи (%)																						$\bar{S}$	N
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	двойные	сложные		
Песнь I	195	26	81	26	24	03	29	57	26	–	02	80	45	104	60	188	45	06	–	02	516	152	201	508
Песнь II	262	35	98	40	18	02	25	69	09	–	05	56	44	100	45	149	29	07	–	02	431	100	157	490
Песнь III	248	61	83	35	02	–	15	79	22	–	02	37	48	104	59	161	41	02	–	02	488	113	174	470
Всего	233	40	87	33	15	02	23	68	19	–	03	59	46	103	56	167	39	05	–	02	480	122	178	1468

Таблица 7

Межстрочные грамматические связи в поэме Пушкина "Медный Всадник" (1833)

	Грамматические связи (%)																						$\bar{S}$	N
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	двойные	сложные		
Вступление	135	–	77	29	–	38	29	58	10	–		96	58	96	77	212	67	10	10	–	500	84	198	95
Часть I	130	21	41	36	21	10	31	73	31	–	–	73	57	109	73	249	26	10	05	05	627	154	231	162
Часть II	109	36	47	40	04	–	11	95	40	–	–	36	58	150	106	212	55	–		04	631	176	243	221
Всего	121	24	51	37	09	10	21	80	31	–	–	59	58	126	89	224	47	05	03	03	605	151	230	478

ника" по плотности ударений лидирует первая часть, при том что коэффициент межстрочной грамматической связанности в ней тоже приближается к максимуму.

Это значит, что связанность строк в "Медном Всаднике" растет не за счет пропуска метрических ударений, а за счет обилия стихотворных переносов (enjambements). Давно замечено, что "поэма изобилует переносами" [Белый 1929: 145] и "глубокими смысловыми паузами на серединах стихов" [Измайлов 1930: 171] (ср. [Пумпянский 1939: 121; Рудаков 1979: 299; Булаховский 1954: 276; Тимофеев 1939: 216; 1941: 231; 1958: 396; 1982: 264; Поспелов 1960: 248; Матяш 2001: 179]). Они участвуют в композиции: по мере приближения к кульминации и развязке их количество и частотность растут. Во вступлении к "Медному Всаднику" посредине строки обрывается 13% периодов (2 предложения из 15), в первой части поэмы такие периоды составляют уже 45% (25 предложений из 55), а во второй части их становится больше половины — 52% (42 предложения из 81). Усиливающаяся напряженность повествования отзывается напряженностью в синтаксических отношениях: во вступлении коэффициент межстрочной связанности — 19,8; в первой части — 23,1; во второй части — 24,3.

Нет сомнения, что переносы в "Медном Всаднике" выполняют экспрессивные и изобразительные функции, обретая порой прямую иконичность — там, где Нева выходит из своих берегов, синтаксис выходит из берегов стиха:

Погода пуще свирепела,	3
Нева вздувалась и ревела,	8
Котлом клокоча и клубясь,	13
И вдруг, как зверь остервенясь,	(8+15)×2
На город кинулась. | Пред нею	16×2
Всё побежало, | всё вокруг	(15+16)×2
Вдруг опустело — | воды вдруг	(14+15)×2
Втекли в подземные подвалы ⟨...⟩	3

[Пушкин 1978: 14][9]

Синтаксический слом усилен морфологически (ср. [Поспелов 1960: 209]): когда река разливается, на смену затяжной серии имперфективных глаголов (*шла*, *затопляла*, *свирепела*, *вздувалась*, *ревела*, *клокоча*, *клубясь*) приходит не менее длинная серия глаголов совершенного вида (*остервенясь*, *кинулась*, *побежало*, *опустело*, *втекли*, *хлынули*, *всплыл*, *погружен*).

Вместе с тем вряд ли был прав Л. И. Тимофеев, пытавшийся приписать переносам характерологическое значение: по его мнению, рассогласованность грамматического и стихового членения отличает "интонационную тему" Евгения от "интонационной темы" Петра (см. [Тимофеев 1939: 216–217; 1941: 230–232; 1958: 397; 1982: 265–266]). На самом деле нетрудно убедиться, что в поэме разные ритмико-синтаксические стили не привязаны к конкретному персонажу или теме — чередование стилей отвечает темпу повествования, эмоциональному настрою либо перемене "декораций":

| Несчастный	14×2
Знакомой улицей бежит	16
В места знакомые. | Глядит,	12
Узнать не может. | Вид ужасный!	1
Всё перед ним завалено;	3
Что сброшено, | что снесено;	3
Скривились домики, | другие	14×2
Совсем обрушились, | иные	14×2
Волнами сдвинуты; | кругом,	9×2
Как будто в поле боевом,	(8+15)×2

[9] Здесь и далее вертикальной чертой я обозначаю границы простых предложений в середине стихотворной строки.

Тела валяются. | Евгений	14 × 2
Стремглав, не помня ничего,	12 × 2
Изнемогая от мучений,	(8+15) × 2
Бежит туда, | где ждет его	(14+16) × 2
Судьба с неведомым известьем,	8
Как с запечатанным письмом.	2
И вот бежит уж он предместьем,	4
И вот залив, | и близок дом...	1
Что ж это?... |	
Он остановился.	1
Пошел назад и воротился.	1
Глядит... идет... еще глядит.	1
Вот место, | где их дом стоит,	3
Вот ива. | Были здесь вороты,	3
Снесло их, видно. | Где же дом?	2
И полон сумрачной заботы,	8 × 2
Все ходит, ходит он кругом,	12
Толкует громко сам с собою —	13
И вдруг, ударя в лоб рукою,	(8+15) × 2
Захохотал. |	

[Пушкин 1978: 18—19]

Фрагмент, отмеченный сильными, двойными и сложными связями, уступает место фрагменту, в котором доминируют связи слабые, одинарные и простые. Первому куску соответствуют удивление, тревога, поспешное движение героя (*бежит, стремглав, бежит*); кругом царит беспорядок, учиненный разбушевавшейся стихией. Фрагмент, идущий следом, описывает недоумение и заторможенность (Евгений *остановился. // Пошел назад и воротился*); вместо картины разрушения — пустота. Затем напряженность возрастает снова, межстрочные связи опять усиливаются, и фраза — а с нею абзац — разрешаются впечатляющим enjambement'ом, которым ознаменованы эмоциональный взрыв и умопомрачение героя.

Пушкин переносит синтаксические конструкции не только из строки в строку, но также из одного строфоида в другой (ср. [Рудаков 1979: 314—315; Томашевский 1958: 116—127])[10]. Когда предложение в языке Ломоносова удлинилось (в том числе, из-за удлинения слов), несовпадение конца стиха с концом строки превратилось из исключения в правило. В целом межстрочные связи усилились, однако самые слабые связи по-прежнему тяготели к клаузулам, которые теперь стали строже дифференцироваться в зависимости от их места в строфе (см. разд. 2). До тех пор пока стихотворный синтаксис Пушкина оставался в ломоносовском русле, сила межстрочных связей коррелировала с длиной предложения: в первой части "Кавказского пленника" ($\bar{S}_{\text{I}} = 19{,}0$) средняя длина простого предложения — 2,12 стиха; во второй части, где связи намного слабее ($\bar{S}_{\text{II}} = 13{,}7$), простое предложение укорачивается в полтора раза — 1,44 стиха. Но в "Медном Всаднике" высокий коэффициент связанности не зависит от размеров простого предложения (1,78 стиха), в среднем примерно такого же, как в "Кавказском пленнике" (1,75 стиха). Слабее всего в последней поэме Пушкина связаны строки вступления, хотя именно тут протяженность предложения наиболее велика — 2,46 стиха (в первой части — 1,66; во второй — 1,67).

Вот почему нет ничего неожиданного в том, что рассогласование синтаксических и метрических членений в "Медном Всаднике" не ограничивается концами строк, но затрагивает и концы строфоидов: усиление связанности в поэзии зрелого Ломоносова — следствие компромисса между языком и стихом, а усиление связанности в поэзии позднего Пушкина — следствие их форсированного конфликта, о глубине ко-

[10] Строфоид — это невыделенная группа строк, образующих замкнутую рифменную цепь.

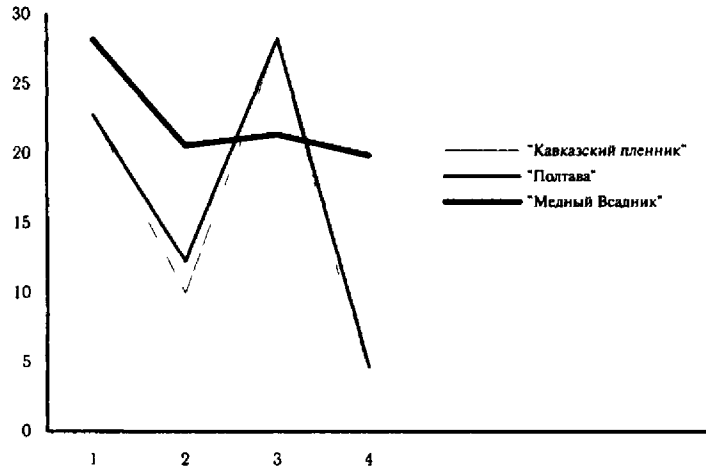

Рис 2 Синтаксический профиль строфоида *AbAb* в астрофических поэмах Пушкина

торого можно судить по синтаксической структуре четверостиший *AbAb* (это самые распространные строфоиды в астрофических поэмах Пушкина). В "Кавказском пленнике" и "Полтаве" четверостишиям такой рифмовки присущ выраженный синтаксический ритм: после 1-й строки — сильная связь, после 2-й — слабая, после 3-й — сильнейшая, после 4-й — слабейшая. В "Медном Всаднике" этот ритм сломан: все связи становятся более или менее сильными, а различие между ними — непринципиальным (см рис. 2 и табл 8). Если у Ломоносова с усилением связанности амплитуда синтаксической кривой увеличивалась, то у Пушкина тот же процесс вызывал обратный эффект: в четверостишиях "Медного Всадника" среднее отклонение от среднего коэффициента связанности даже меньше, чем у раннего Ломоносова, — 2,9 (в "Кавказском пленнике" — 9,5; в "Полтаве" — 8,5). По своей грамматической емкости стро́ки опять почти выравниваются: они безразличны к своему синтаксическому наполнению, независимо от положения в строфоиде [11].

Сто́ит, однако, иметь в виду, что потенциальная синтаксическая эквивалентность стихов в "Медном Всаднике" имеет иную природу, чем в одах начала 1740-х годов. Во-первых, у Ломоносова равноемкость строк означает их синтаксическое подобие, а у Пушкина — синтаксическое разнообразие: в полноударных ломоносовских одах стихи чаще всего представляют собой простое предложение, а в "Медном Всаднике" их строение сильно варьируется [12]. Во-вторых, синтаксическая монотония у Ломоносова производнаот монотонии ритмической· равноемкость стихов порождается их равноударностью. У Пушкина синтаксис куда менее зависим и от ритма ударных и безударных слогов, и от ритма частоударных и редкоударных строк. С. Е. Ляпин показал, что в первой строке строфы́ или строфоида повышенная ударность обусловлена грамматически: по статистике слова́ в начале предложения короче, чем в конце, и ударения располагаются гуще (см. [Ляпин 1995; 2001: 138—142]). Так можно объяснить максимум ударности на первой строке в четверостишиях "Кавказского пленника" или "Полтавы", но не "Медного Всадника", где этот показатель особенно высок (см табл. 8), несмотря на то что с началом периода здесь совпадает начало

[11] Следы прежних строфико-синтаксических навыков остаются в качестве атавизма связи после нечетных строк все же сильнее, чем после четных, но не настолько, чтобы играть структурообразующую роль

[12] Это побудило А Белого при анализе "Медного Всадника" включить синтаксис в число ритмических факторов (см [Белый 1929 148—149 и др , Рудаков 1979 317 и др])

Таблица 8

Ритмико-синтаксическая структура четверостиший *AbAb* в астрофических поэмах Пушкина

Тип связи	"Кавказский пленник"					"Полтава"					'Медный Всадник'				
	Строки (%)				Всего	Строки (%)				Всего	Строки (%)				Всего
	1	2	3	4		1	2	3	4		1	2	3	4	
слабые	20 5	60 5	14 9	86 5	42 8	31 5	54 6	18 2	86 5	51 0	12 6	34 8	25 0	36 4	12 9
средние	29 5	28 9	23 4	13 5	24 1	21 8	21 3	20 5	8 7	18 4	12 6	26 1	33 3	22 7	3 2
сильные	50 0	10 5	61 7	–	33 1	46 8	24 1	61 4	6 7	36 8	75 0	43 5	50 0	45 5	2 2
двойные	61 4	28 9	70 2	2 7	43 4	64 5	33 3	68 2	11 5	46 6	70 8	56 5	54 2	54 5	61 3
сложные	13 2	–	18 4	–	7 9	16 3	3 8	23 1	2 0	11 4	19 0	9 5	19 0	10 0	14 5
$\bar{S}$	22 9	10 0	28 1	3 0	16 1	22 8	12 3	28 3	4 7	17 1	28 2	20 6	21 4	19 9	22 6
σ	6 8	6 1	12 0	13 1	9 5	5 7	4 8	11 2	12 4	8 5	5 6	2 0	1 2	2 7	2 9
N	38	38	38	37	151	104	104	104	102	412	21	21	21	20	83
Ударность строки	3 42	3 34	3 24	3 11	3 28	3 35	3 30	3 32	3 13	3 27	3 57	3 10	3 29	3 29	3 31

всего лишь ⅓ строфоидов с рифмовкой *AbAb* Ритм и синтаксис в них совершенно самостоятельны: первые строки, начинающие собой период, имеют точно такую же ударность, как и те, в которых продолжается период, начатый ранее, предпоследняя строка этих четверостиший по своей ударности не отличается от последней, хотя предложение завершается с концом третьей строки в 10% случаев, а с концом четвертой строки — в 33%.

Поскольку синтаксис межстрочных связей в "Медном Всаднике" перестраивался за счет переносов, это не могло не сказаться и на синтаксисе стихотворной строки (см. табл. 9—12[13]). Пока Пушкин избегал резко обострять противоречия между стиховым и синтаксическим членением, "вертикальные" и "горизонтальные" связи оставались независимыми друг от друга: усиление или ослабление межстрочной связанности было сопряжено с колебанием удельного веса разных ритмических форм, но не предполагало их коренного синтаксического преобразования. Это видно на примере "Кавказского пленника": во второй части поэмы, где межстрочная связанность заметно ослабевает, синтаксические отношения внутри строки либо не претерпевают никаких изменений (см табл 9), либо ослабляются несущественно (см. табл. 11)[14] Грамматической "спаянностью" строк "Медный Всадник" обязан тому, что самая слабая связь легко отрывается от клаузулы и перемещается внутрь стиха — усиление межстрочной связанности автоматически приводит к ослаблению связей в середине строки. В наибольшей степени это касается IV формы во вступлении к поэме $\bar{s}_{IV} = 15{,}8$ при $\bar{S} = 19{,}8$; в первой части $\bar{s}_{IV} = 14{,}4$ при $\bar{S} = 23{,}1$; во второй части $\bar{s}_{IV} = 14{,}1$ при $\bar{S} = 24{,}3$

Перестройка внутристихового синтаксиса была качественной, а не только количественной. В I форме (ее доля 34,3%) Пушкин в основном сохранил синтаксические параметры классического стиха. последняя контактная связь (то есть связь между соседними тактами) — самая сильная, а самая слабая — это связь между вторым и третьим тактом, разделяющая строку надвое (ср. [Гаспаров 1981· 165—167, 2001

[13] Сила межсловных (а точнее межтактовых) связей в строке квалифицируется по той же шкале, что и сила связей межстрочных (см разд 1), но при вычислении среднего коэффициента межсловной связанности ($\bar{s}$) все связи интерпретируются как простые и одинарные

[14] Качественно меняется только встречаемость ритмических форм доля I формы [⏑ ⏑′⏑ ⏑ (⏑)] увеличивается на 12,1%, доля IV формы [⏑′⏑ ⏑⏑⏑′(⏑)] сокращается на 10,7% (в совокупности обе этих формы в "Кавказском пленнике' составляют более 80% строк)

Таблица 9

Внутристрочные грамматические связи в поэме Пушкина "Кавказский пленник" (IV форма)

Тип связи	Часть первая				Часть вторая				В целом			
	Место связи			Всего	Место связи			Всего	Место связи			Всего
	1–2	1–3	2–3		1–2	1–3	2–3		1–2	1–3	2–3	
1	2	–	1	3	1	–	–	1	3	–	1	4
2	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
3	5	–	–	5	4	–	–	4	9	–	–	9
4	2	–	1	3	–	–	–	–	2	–	1	3
5	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
6	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
7	2	–	–	2	2	–	–	2	4	–	–	4
8	5	8	1	14	3	2	1	6	8	10	2	20
9	12	7	8	27	3	6	3	12	15	13	11	39
10	1	–	–	1	–	–	–	–	1	–	–	1
11	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
12	7	–	5	12	4	–	5	9	11	–	10	21
13	1	1	6	8	–	1	6	7	1	2	12	15
14	15	12	7	34	13	18	9	40	28	30	16	74
15	4	3	8	15	4	3	3	10	8	6	11	25
16	30	44	39	113	22	22	31	75	52	66	70	188
17	4	12	8	24	5	3	7	15	9	15	15	39
18	46	5	68	119	22	8	40	70	68	13	108	189
19	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
20	1	3	–	4	3	–	–	3	4	3	–	7
21	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
s	14 4	14 9	16 0	15 1	14 7	14 7	16 0	15 2	14 4	14 8	16 0	15 2
К во связей	136	95	152	384	86	63	105	254	223	158	257	638

Таблица 10

Внутристрочные грамматические связи в поэме Пушкина "Медный Всадник" (IV форма)

Тип связи	Вступление				Часть первая				Часть вторая				В целом			
	Место связи			Всего	Место связи			Всего	Место связи			Всего	Место связи			Всего
	1–2	1–3	2–3		1–2	1–3	2–3		1–2	1–3	2–3		1–2	1–3	2–3	
1	–	–	–	–	–	–	5	5	2	–	13	15	2	–	18	20
2	–	–	–	–	–	–	2	2	–	–	–	–	–	–	2	2
3	–	–	1	1	2	–	1	3	–	–	5	5	2	–	7	9
4	–	–	1	1	–	–	1	1	–	–	2	2	–	–	4	4
5	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
6	–	–	–	–	–	–	1	1	–	–	–	–	–	–	1	1
7	–	–	–	–	–	–	1	1	2	–	1	3	2	–	2	4
8	2	1	–	3	2	–	1	3	2	2	2	6	6	3	3	12
9	1	3	1	5	2	5	–	8	4	9	2	15	7	18	3	28
10	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
11	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
12	2	–	1	3	1	–	1	2	2	1	–	3	5	1	2	8
13	1	–	2	3	1	4	6	11	3	1	3	7	5	5	11	21
14	2	6	3	11	5	4	3	12	8	5	5	18	15	15	11	41
15	3	–	3	6	2	1	3	6	4	8	4	16	9	9	10	28
16	4	9	7	20	12	18	6	36	16	18	17	51	32	45	30	107
17	–	2	–	2	2	–	3	5	4	2	3	9	6	4	6	16
18	8	3	22	33	11	3	25	39	24	3	36	63	43	9	83	135
19	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
20	–	–	–	–	2	2	1	5	3	2	–	5	5	4	1	10
21	–	–	–	–	–	–	–	–	2	–	–	2	2	–	–	2
s	14 9	14 5	15 8	15 3	15 0	14 7	13 9	14 4	15 3	14 3	13 1	14 1	15 1	14 5	13 9	14 4
К во связей	23	14	41	88	42	38	60	140	76	51	93	220	141	113	194	448

Таблица 11

Внутристрочные грамматические связи в поэме Пушкина "Кавказский пленник" (I форма)

Тип связи	Часть первая							Часть вторая							В целом						
	Место связи						Всего	Место связи						Всего	Место связи						Всего
	1–2	1–3	1–4	2–3	2–4	3–4		1–2	1–3	1–4	2–3	2–4	3–4		1–2	1–3	1–4	2–3	2–4	3–4	
1	2	–	–	1	–	–	3	–	–	–	6	–	–	6	2	–	–	7	–	–	9
2	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	1	1	–	–	–	–	–	1
3	3	–	–	3	–	–	6	4	–	–	13	–	–	17	7	–	–	16	–	–	23
4	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	1	1	–	–	–	–	–	1
5	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
6	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
7	–	–	–	–	–	–	–	4	–	–	–	–	–	4	4	–	–	–	–	–	4
8	–	1	–	–	–	1	2	5	3	2	3	1	1	15	5	4	2	3	1	2	17
9	5	–	2	6	3	1	17	4	–	1	4	3	2	14	9	–	3	10	6	3	31
10	–	–	–	–	1	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	1
11	–	1	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	1
12	1	3	–	5	2	4	15	3	2	2	2	2	1	12	4	5	2	7	4	5	27
13	3	2	1	–	–	1	7	–	–	–	2	–	2	4	3	2	1	2	–	3	11
14	11	2	3	10	15	12	53	15	6	3	8	11	17	60	26	8	6	18	26	29	113
15	8	2	2	1	1	3	17	6	2	4	3	–	5	20	14	4	6	4	1	8	37
16	23	7	4	9	8	21	72	18	4	12	7	12	27	80	41	11	16	16	20	48	152
17	3	3	4	3	4	4	21	14	1	4	5	4	11	39	17	4	8	8	8	15	60
18	24	–	–	10	7	43	84	17	–	–	11	5	42	75	41	–	–	21	12	85	159
19	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
20	3	–	–	–	–	1	4	5	–	–	4	–	1	10	8	–	–	4	–	2	14
21	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	1	2	–	–	–	1	–	1	2
s	15 0	14 4	14 7	13 6	14 8	16 4	15 1	14 3	13 5	14 7	11 7	14 8	16 3	14 5	14 7	14 0	14 7	12 5	14 8	16 3	14 8
К во связей	86	21	16	48	41	91	303	97	18	28	69	38	110	360	183	39	44	117	79	201	663

Таблица 12

Внутристрочные грамматические связи в поэме Пушкина "Медный Всадник" (I форма)

Тип связи	Вступление							Часть первая							Часть вторая							В целом						
	Место связи						Всего	Место связи						Всего	Место связи						Всего	Место связи						Всего
	1–2	1–3	1–4	2–3	2–4	3–4		1–2	1–3	1–4	2–3	2–4	3–4		1–2	1–3	1–4	2–3	2–4	3–4		1–2	1–3	1–4	2–3	2–4	3–4	
1	–	–	–	1	–	–	1	3	–	–	6	–	1	10	2	–	–	16	–	1	19	5	–	–	23	–	2	30
2	–	–	–	1	–	–	1	–	–	–	1	–	–	1	–	–	–	1	–	–	1	–	–	–	3	–	–	3
3	–	–	–	1	–	–	1	2	–	–	4	–	1	7	1	–	–	1	–	1	3	3	–	–	6	–	2	11
4	–	–	–	1	–	–	1	–	–	–	2	–	–	2	–	–	–	1	–	–	1	–	–	–	4	–	–	4
5	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
6	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
7	–	–	–	1	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	2	–	–	3	–	–	5	2	–	–	4	–	–	6
8	1	–	2	–	2	–	5	2	2	–	3	5	1	13	2	1	1	2	1	–	7	5	3	3	5	8	1	25
9	2	1	2	1	–	2	8	3	1	–	2	1	6	13	5	2	1	3	1	2	14	10	4	3	6	2	10	35
10	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	1	–	–	–	–	1	–	1
11	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	1
12	–	1	–	2	–	–	3	1	2	1	1	1	4	10	5	1	–	4	2	3	15	6	4	1	7	3	7	28
13	2	–	1	1	–	3	7	1	–	2	1	–	1	5	3	–	–	–	–	–	3	6	–	3	2	–	4	15
14	3	1	1	–	1	1	7	13	3	1	3	4	3	27	9	–	–	5	4	8	26	25	4	2	8	9	12	60
15	3	1	–	1	–	–	5	8	2	5	2	1	12	30	11	1	–	5	2	7	26	22	4	5	8	3	19	61
16	3	2	1	5	2	8	21	7	3	6	3	5	8	32	7	3	4	3	3	6	26	17	8	11	11	10	22	79
17	2	2	1	–	1	2	8	1	–	–	2	2	–	5	4	–	1	–	2	4	11	7	2	2	2	5	6	24
18	8	–	–	10	4	9	31	7	1	1	1	–	10	20	11	–	–	3	4	25	43	26	1	1	14	8	44	94
19	–	–	–	1	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	1
20	–	–	–	1	–	–	1	1	–	–	–	–	8	9	2	–	–	–	–	4	6	3	–	–	1	–	12	16
21	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	1
s	15 2	14 5	11 8	14 0	15 1	15 8	14 7	13 5	13 4	15 1	8 7	12 9	14 9	13 1	13 9	12 6	14 0	8 2	14 6	15 9	13 2	14 0	13 5	14 0	9 8	14 0	15 5	13 5
К-во связей	24	8	8	27	10	25	102	50	14	16	32	19	55	186	64	8	7	47	20	61	207	138	30	31	106	49	141	495

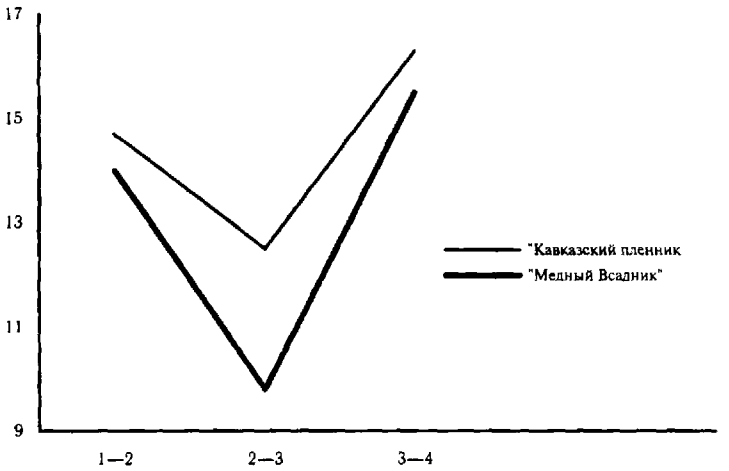

Рис 3 Синтаксический профиль контактных связей
в полноударных 4-стопных ямбах Пушкина

134—136; Гаспаров, Скулачева 1993: 37—38; Скулачева 1996: 19—21; Шапир 1998: 58—60; 2000б: 378—379; и др.]). В "Медном Всаднике" своеобразие полноударных ямбов заключается лишь в том, что по краям строки связи ослаблены намного меньше, нежели в середине (см. рис. 3). Что же касается наиболее частотной IV формы (46,6%), то ее синтаксическая структура неизмеримо специфичнее. В трехударных стихах классического типа последняя связь теснее первой: перед клаузулой концентрируются управление и согласование (ср. [Гаспаров 1981: 164—165; 2001: 132—133; Гаспаров, Скулачева 1993: 38—40; 1999]). Именно так обстоит дело в "Кавказском пленнике". В "Медном Всаднике" тоже есть немало строк с привычной синтаксической структурой (в начале поэмы они господствуют безраздельно):

16 (1–3), **18** (2–3)	⟨.. ⟩ Товар запасливой торговли,	**12** × **2**
16 (1–3), **18** (2–3)	Пожитки бледной нищеты,	**12** × **2**
16 (1–2), **18** (2–3)	Грозой снесенные мосты,	**12** × **2**
16 (1–3), **18** (2–3)	Гроба с размытого кладбища	**14** × **2**
16 (1–2) **1** (2–3)	Плывут по улицам[1]	
	Народ ⟨ . ⟩	**14** × **2**

[Пушкин 1978: 15] [15]

В первых четырех строках самая слабая из представленных связей регулярно приходится на клаузулу, а самая сильная — связывает последнее слово с предпоследним. Но к концу "Медного Всадника" связь между вторым и третьим тактом постепенно ослабевает, а между первым и вторым — усиливается. Все больше становится строк вроде той, что завершает предыдущую цитату: ⟨...⟩*Дворцов и башен; корабли* ⟨...⟩, ⟨...⟩ *Пустынных улиц, и светла* ⟨...⟩ (вступление, стихи 32, 53); ⟨...⟩ *Звать этим именем. Оно* ⟨. ⟩; ⟨...⟩ *Что был он беден, что трудом* ⟨...⟩; ⟨...⟩ *Ума и денег. Что ведь есть* ⟨...⟩, ⟨...⟩ *На город кинулась. Пред нею* ⟨...⟩; ⟨...⟩ *Со славой правил. На балкон* ⟨ .⟩; ⟨. .⟩ *Вливались улицы. Дворец* ⟨...⟩; ⟨...⟩ *Его мечта... Или во сне // Он это видит? иль вся наша* ⟨...⟩ (ч. I, стихи 18, 32, 36, 87, 108, 116, 151—152); ⟨...⟩ *Готов был челн — и наконец // Достиг он берега. Несчастный* ⟨...⟩; ⟨...⟩ *В места знакомые. Глядит* ⟨...⟩; ⟨...⟩ *Скривились домики, другие // Совсем обрушились, иные // Волнами сдвинуты, кругом* ⟨...⟩, ⟨. .⟩ *Тела валяются. Евгений* ⟨...⟩, ⟨...⟩ *Беды вчерашней; багряницей* ⟨...⟩; ⟨...⟩ *На ближнем выместить. С дво-*

[15] В столбце слева от цитаты указывается тип внутристрочной связи и номера тактов, ею связанных

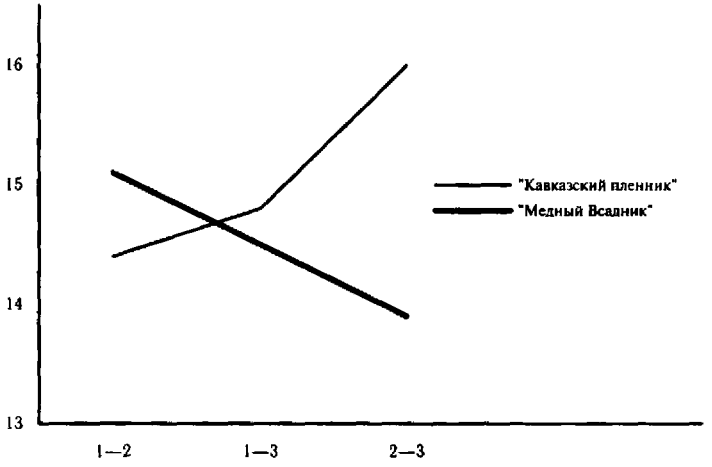

Рис. 4. Синтаксический профиль 4-стопных ямбов Пушкина с пиррихием на третьей стопе

ров ⟨...⟩; ⟨...⟩ *Его стегали, потому* ⟨...⟩; ⟨...⟩ *У Невской пристани. Дни лета // Клонились к осени. Дышал* ⟨...⟩; ⟨...⟩ *Он прошлый ужас; торопливо* ⟨...⟩; ⟨...⟩ *Большого дома. На крыльце* ⟨...⟩; ⟨...⟩ *Бежать пустился. Показалось* ⟨...⟩; ⟨...⟩ *На взморье виден. Иногда* ⟨...⟩; ⟨...⟩ *Пустынный остров. Не взросло* ⟨...⟩; ⟨...⟩ *Домишко ветхий. Над водою* ⟨...⟩; ⟨...⟩ *И весь разрушен. У порога* ⟨...⟩ (ч. II, стихи 36—37, 39, 43—45, 47, 73, 84, 111, 120—121, 132, 138, 180, 206, 212, 215, 219) и др. Из-за нагнетения таких фигур общий синтаксический профиль IV формы в "Медном Всаднике" противоположен классическому (см. рис. 4)[16].

Освоение самых разных синтаксических возможностей привело к тому, что в последней поэме Пушкина нет ни одной ритмической формы, в которой не были бы опробованы все мыслимые типы разбиения строки между двумя предложениями. В I форме, как это следует из сказанного выше, поэт предпочитал синтаксическую паузу в середине стиха: ⟨...⟩ *И вдаль глядел. Пред ним широко // Река неслася; бедный челн* ⟨...⟩; ⟨...⟩ *Кругом шумел. И думал Он* ⟨...⟩; *Прошло сто лет, и юный град* ⟨...⟩; ⟨...⟩ *Свой ветхий невод, ныне там* ⟨...⟩; ⟨...⟩ *Звучит приятно; с ним давно* ⟨...⟩; ⟨...⟩ *Оно забыто. Наш герой* ⟨...⟩; ⟨...⟩ *Ему в ту ночь, и он желал* ⟨...⟩; ⟨...⟩ *Не так сердито... Сонны очи* ⟨...⟩ (вступление, стихи 3—4, 11, 21, 29; ч. I, стихи 14, 22, 64, 67) и т. д. Однако граница между предложениями может быть и после первого такта, и после третьего: ⟨...⟩ *Евгений. Он страшился, бедный* ⟨...⟩; ⟨...⟩ *Обломки... Боже, боже! там* ⟨...⟩; ⟨...⟩ *Вот ива. Были здесь вороты* ⟨...⟩; ⟨...⟩ *Стал чужд. Весь день бродил пешком* ⟨...⟩ (ч. I, стихи 131, 145; ч. II, стихи 59, 104); *О чем же думал он? о том* ⟨...⟩; ⟨...⟩ *Как воры, лезут в окна. Челны* ⟨...⟩; *Прошла неделя, месяц — он* ⟨...⟩ (ч. I, стихи 31, 95; ч. II, стих 97) и др. Для IV формы — мы это видели — характерны слабые связи перед последним тактом (ср. [Рудаков 1979: 317]), но не так мало есть стихов с паузой между первым и вторым фонетическим словом: ⟨...⟩ *Но что ж, он молод и здоров* ⟨...⟩; ⟨...⟩ *Того, чьей волей роковой* ⟨...⟩; ⟨...⟩ *Ему, что грозного царя* ⟨...⟩; ⟨...⟩ *Смятенье. К сердцу своему* ⟨...⟩ (ч. I, стих 51; ч. II, стихи 153, 181, 200) и т. п. II и тем более III ритмическая форма [⏑⏑⏑′⏑′⏑′(⏑) и ⏑′⏑⏑⏑′⏑′(⏑)] встречаются на порядок реже, но тенденция к их синтаксическому дроблению проводится еще настойчивей: строк, поделенных между простыми предложениями, среди стихов IV формы — 18%, среди стихов III формы — 21%, среди стихов II формы — 23%. Строки II и III формы (в отличие

[16] Красноречива динамика связей между вторым и третьим словом: во вступлении $s_{2-3} = 15{,}8$; в первой части $s_{2-3} = 13{,}8$; во второй части $s_{2-3} = 13{,}1$.

от IV) чаще всего разрезаются после первого такта: ⟨...⟩ *Всё побежало, всё вокруг // Вдруг опустело – воды вдруг* ⟨...⟩; ⟨...⟩ *Захохотал. Ночная мгла* ⟨...⟩; ⟨...⟩ *Не устоял. Мятежный шум* ⟨...⟩; ⟨...⟩ *Не приходил. Он скоро свету* ⟨...⟩ (ч. I, стихи 88–89; ч. II, стихи 65, 92, 103); *Царь молвил – из конца в конец* ⟨...⟩; ⟨...⟩ *Открылась, и Евгений мой* ⟨...⟩ (ч. I, стих 118; ч. II, стихи 16). Но бывает, что во II и в III форме граница предложений помещается перед последним тактом: ⟨...⟩ *Он наконец закрыл. И вот* ⟨...⟩ (ч. I, стих 68); ⟨...⟩ "⟨...⟩ *Царям не совладеть". Он сел* ⟨...⟩; (ч. I, стих 111). Несколько раз "синтаксическая цезура" возникает в стихах VI формы [⏑⏑⏑′⏑⏑⏑′(⏑)]: ⟨...⟩ *Не унималась; что река // Всё прибывала; что едва ли* ⟨...⟩; ⟨...⟩ *Не за себя. Он не слыхал* ⟨...⟩; ⟨...⟩ *Не примечал. Он оглушен* ⟨...⟩; ⟨...⟩ *Там ни былинки. Наводненье* ⟨...⟩ (ч. I, стихи 42–43, 133; ч. II, стихи 114, 213). Даже VII ритмическая форма [⏑′⏑⏑⏑⏑⏑′(⏑)], появляющаяся на страницах "Медного Всадника" единожды, синтаксически членится на полустишия: ⟨...⟩ *Что сброшено, что снесено* ⟨...⟩ (ч. II, стих 42)[17].

Переносы стали своего рода "фирменным знаком" поэмы: кажется, не обращалось еще внимания на то, что "Медный Всадник" обрамлен двумя enjambement'ами: первая фраза поэмы содержит rejet (период, начатый выше, окончен посреди стиха), последняя фраза поэмы содержит contre-rejet (период, кончающийся ниже, начат посреди стиха). Синтаксические и стиховые членения то и дело не совпадают, но при том отчетливо соотносятся: предложения сравнительно коротки и соизмеримы с длиной стиха, а их границы смещены от клаузулы на слово, реже – на два. Такую систему организации поэтической речи – педалирующую рассогласованность языковых и стиховых единиц, обыгрывающую их "сдвинутость" относительно друг друга – есть все основания называть антисинтаксической.

4. Подготовка второй реформы стихотворного синтаксиса (онегинская строфа). Хотя синтаксическая реформа Пушкина осуществилась в последней из его поэм, подготавливалась она задолго и в разных произведениях, из которых важнейшее – это "Евгений Онегин" (1823–1830). С. Б. Рудаков был абсолютно прав, утверждая: «Чтобы проследить путь формирования бесстрофического стиха "Медного всадника", надо отправляться от анализа онегинской строфы» [Рудаков 1979: 297].

Ближайший смысл этих слов лежит на поверхности. Первые строки, вводящие в сюжет "Медного Всадника", выросли из начала "Езерского" (1832), который был написан онегинской строфой (см. [Измайлов 1930]):

Над омраченным Петроградом	16 × 2
Осенний ветер тучи гнал,	3
Дышало небо влажным хладом,	3
Нева шумела. Бился вал ‖	16
О пристань набережной стройной,	8
Как челобитчик беспокойный	16
Об дверь судейской; дождь в окно	(14+16) × 2
Стучал печально. Уж темно ‖	(15+15) × 2
Все становилось. В это время	9 × 2
Иван Езерский, мой сосед,	(14+16) × 2
Взошел в свой тесный кабинет.	2
Однако ж род его и племя, ‖	13 × 2
И чин, и службу, и года	17 × 2
Вам знать не худо, господа.	1

[Пушкин 1978: 87][18]

[17] Два стиха в поэме поделены между тремя простыми предложениями каждый: *Осада! приступ! злые волны* ⟨...⟩ (ч. I, стих 94); ⟨...⟩ *Уж никогда; казалось – он* ⟨...⟩ (ч. II, стих 113).

[18] Двумя вертикальными чертами в цитате я обозначаю переносы между строфоидами в составе онегинской строфы: *AbAb ‖ CCdd ‖ EffE ‖ gg*.

Симптоматично, что все границы четверостиший в этой строфе не совпадают с границами предложений [19]. Строфико-синтаксические противоречия усугубляются тем, что один раз рассогласование членений принимает форму contre-rejet (*Бился вал // О пристань набережной стройной* ⟨...⟩), а другой раз — форму double-rejet, стоящего в ряду других переносов:

⟨ . ⟩ Как челобитчик беспокойный
Об дверь судейской; | дождь в окно
Стучал печально. | Уж темно ‖
Все становилось | В это время
Иван Езерский, мой сосед ⟨ ..⟩

Но дело не просто в генезисе нескольких строк из "Медного Всадника", которые берут начало в онегинской строфе "Езерского". Интерес представляют общие принципы языкового членения этой строфической формы. Принято думать, что в целом синтаксические паузы "поддерживают композицию онегинской строфы" [Тарлинская 2000: 327]. Это и верно, и неверно. С одной стороны, структуру строфы Пушкин мыслил по схеме 4+4+4+2: "Strof 4/croisés, 4 de suite 1.2.1. et deux" [Якушкин 1884: 331; Цявловский и др. 1935: 293]; в силу этого пониженный показатель межстрочной связанности после 4-го, 8-го и 12-го стихов можно считать проявлением строфико-синтаксической согласованности (см. рис. 5 и табл. 13 [20]). С другой стороны, все границы между строфоидами внутри строфы равнозначны только метрически, но отнюдь не синтаксически: исследователи сходятся в том, что сильнее всего выделено первое четверостишие, а слабее всего — третье (см. [Винокур 1941], а также [Томашевский 1934: 386; 1956: 158; 1958. 118 и др.; Поспелов 1960: 111 и др., Постоутенко 1990; 1998: 150—151; Тарлинская 2000: 326—329, 345—347]). При этом сила связи между вторым и третьим четверостишием ($\bar{S}_8 = 14{,}5$) приблизительно равна силе связи между половинками первого четверостишия ($\bar{S}_2 = 14{,}7$), хотя с точки зрения стиха эти позиции неравноценны. А синтаксическая граница двух последних строфоидов ($\bar{S}_{12} = 16{,}2$) оказывается даже слабее границы, рассекающей начальный строфоид пополам, — как тут не увидеть расхождения между грамматикой и поэтикой, которое ярко проступает при сравнении онегинской строфы и одической (см. рис. 1)! [21]

В "Евгении Онегине" Пушкин опробовал многие формы организации стихотворной речи, которые потом нашли себе широкое применение в "Медном Всаднике". Время от времени межстрочные переносы идут в "Онегине" целыми сериями, не такими длинными, как в последней поэме Пушкина, но все же подчас вбирающими границы строфоидов и целых строф:

⟨ ⟩ Едва замѣтною струею	16 × 2
Вiется паръ, и теплотой ‖	16 × 2
Каминъ чуть дышетъ. Дымъ изъ трубокъ	14 × 2

[19] Н В Измайлов обнаружил, что, перерабатывая строфу, Пушкин целенаправленно углублял "паузы на полустишиях" [Измайлов 1930 183 примеч 2, Рудаков 1979 305—308]

[20] Пунктир на графике соответствует среднему коэффициенту межстрочной связанности

[21] Синтаксическая схема онегинской строфы сложнее метрической и от нее отличается {2+2}+{4+ +(4+2)} Таким образом, М Л Гофман и Л П Гроссман заблуждались, думая, что "наиболее резко строфа распадается на две части" по схеме (4+4)+(4+2) или же (4+4)+(3+3) [Гофман 1919 12, Гроссман 1924 125—127] Модель С Б Рудакова (4+8+2), которому "вполне устойчивыми" казались "лишь первое (перекрестное — *AbAb*) четверостишие и последнее (*gg*) двустишие" [Рудаков 1979 297], тоже лишь частично подтверждается статистическими данными она безоговорочно справедлива только для начальных строф "Езерского" (см табл 14), но не для "Евгения Онегина" Впрочем, невозможно не согласиться с тем, что "средние 8 стихов (онегинской строфы — *М Ш*), как дающие по самой своей строфической природе наибольшие возможности для изменений ⟨ ⟩ несут весьма неопределенные, подвижные, непостоянные синтаксические образования" [Рудаков 1979 297—298]

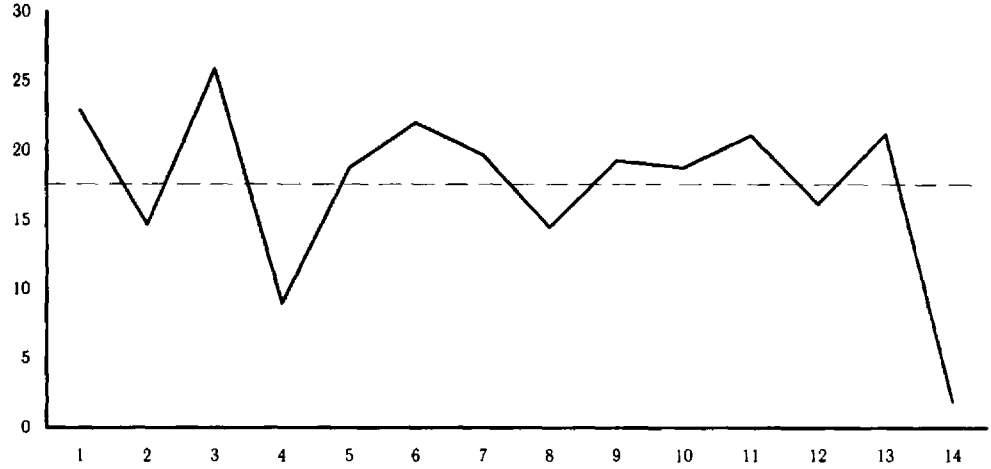

Рис 5 Синтаксический профиль строфы в "Евгении Онегине" (гл 1—8)

Въ трубу уходитъ Свѣтлый кубокъ	14 × 2
Еще шипитъ среди стола.	1
⟨. .⟩ И вмѣстѣ нѣсколько минутъ	(14+16) × 2
Они сидятъ. Слова нейдутъ ‖	16
Изъ устъ Онѣгина. Угрюмой,	12 × 2
Неловкій, онъ едва, едва	(14+15) × 2
Ей отвѣчаетъ. Голова	(14+18) × 2
Его полна упрямой думой	1
⟨ ..⟩ И Ленскій, жмуря лѣвый глазъ,	(8+14) × 2
Сталъ также цѣлить — но какъ разъ	15 × 2
Онѣгинъ выстрѣлилъ . Пробили ‖	14 × 2
Часы урочные поэтъ	14 × 2
Роняетъ, молча, пистолетъ,	12
XXXI.	
На грудь кладетъ тихонько руку	13
И падаетъ. Туманный взоръ	14 × 2
Изображаетъ смерть, не муку	1

[Пушкин 1837. 134, 256—257, 191]

В кульминационных местах романа — например, в только что процитированной сцене дуэли или в эпизоде гадания и сна Татьяны (см. [Шапир 2000а: 353—354]) — переносы наделяются тем же экспрессивно-семантическим ореолом, какой позднее они будут иметь в "Медном Всаднике":

Споръ громче, громче вдругъ Евгеній	(14+15) × 2
Хватаетъ длинный ножъ, и вмигъ	15 × 2
Повергенъ Ленскій; страшно тѣни	(14+15) × 2
Сгустились, нестерпимый крикъ ‖	14 × 2
Раздался. хижина шатнулась .	2

[Пушкин 1837: 153]

Наиболее эффектное использование междустрофного переноса в качестве ритмико-синтаксического курсива заключает в себе 3-я глава. В момент наивысшего напряжения пушкинский ритм достигает глубокой метафоричности, создавая иллюзию

Таблица 13

Структура грамматических связей в строфе "Евгения Онегина" (главы 1—8)

Тип связи	Строки (%)														Всего
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	
1	8 8	16 9	6 4	40 0	11 8	8 1	13 9	27 5	10 3	10 8	8 2	13 9	7 3	76 0	17,6
2	0 7	2 0	0 4	3 9	2 2	0 5	1 8	4 5	0 7	0 5	1 9	2 5	0 5	19 1	2 7
3	12 9	17 9	6 4	17 1	12 8	10 9	13 0	11 9	11 0	13 5	9 1	14 4	11 3	0 9	11 7
4	2 8	4 5	3 3	5 5	2 4	7 2	3 2	2 5	4 4	5 5	6 1	5 7	4 2	—	4 1
5	0 2	1 7	0 9	1 8	0 5	1 4	1 1	2 0	1 0	1 2	0 5	1 0	0 7	–	1 0
6	–	0 5	0 4	0 5	0 5	0 5	0 2	–	0 5	0 2	0 9	0 5	–	–	0 3
7	3 7	4 0	3 1	2 6	2 4	3 2	1 8	2 7	4 7	3 9	2 8	2 2	4 2	0 3	3 0
8	9 4	10 0	7 3	3 1	9 2	5 8	9 5	5 7	9 3	8 7	7 3	5 9	9 9	0 6	7 3
9	3 0	2 7	2 0	1 6	5 8	3 0	2 5	0 7	3 9	4 1	0 9	2 2	0 5	–	2 4
10	0 5	–	–	–	–	–	–	–	–	0 2	–	–	–	–	0 1
11	0 2	0 5	–	0 8	0 7	0 2	0 9	0 2	–	0 7	0 5	1 2	0 2	–	0 4
12	6 7	8 0	6 0	5 5	11 1	7 2	8 4	5 7	10 8	8 0	9 6	8 7	4 7	0 9	7 3
13	3 5	5 2	7 1	1 3	7 2	6 7	5 5	5 7	5 6	6 7	9 4	7 9	12 0	1 2	6 2
14	13 4	7 7	13 3	4 7	9 2	11 5	10 9	6 9	10 3	10 4	11 2	10 1	11 1	–	9 5
15	8 8	4 2	11 1	1 3	4 8	6 0	6 8	6 2	6 4	7 5	6 3	4 7	6 6	0 3	5 9
16	19 4	10 7	25 3	7 3	16 4	19 4	16 8	12 6	13 7	13 7	19 0	15 3	19 1	0 6	15 3
17	6 2	2 7	6 4	3 1	2 7	7 6	3 0	4 7	6 4	3 1	4 9	3 2	7 5	0 3	4 5
18	–	0 2	0 2	–	0 2	0 9	0 7	0 2	0 7	0 7	0 5	0 5	0 5	–	0 4
19	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
20	–	0 5	–	–	–	–	–	0 2	0 2	0 5	0 9	–	0 2	–	0 2
двойные	65 4	42 0	65 1	24 9	54 8	56 6	49 3	37 9	52 7	50 6	50 6	38 4	50 4	1 7	46 7
сложные	15 6	7 4	18 3	4 4	10 4	15 4	12 4	3 8	11 9	10 8	12 5	10 2	13 6	0 6	10 9
$\bar{S}$	22 9	14 7	25 9	9 0	18 8	22 0	19 7	14 5	19 3	18 7	21 1	16 2	21 2	1 9	17 6
σ	5 3	2 9	8 3	8 6	1 2	4 4	2 1	3 1	1 7	1 1	3 5	1 4	3 6	15 7	4 5
N	366	366	366	364	364	364	364	362	361	361	361	362	361	343	5065

Таблица 14

Структура грамматических связей в строфе "Езерского" (стихи 1—210)

Тип связи	Строки (%)														Всего
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	
1	–	6 7	5 6	25 0	11 8	5 6	31 3	22 2	–	5 6	6 3	6 3	–	100 0	15 2
2	–	–	–	12 5	–	–	–	5 6	–	–	6 3	12 5	–	–	2 6
3	–	20 0	5 6	6 3	–	5 6	6 3	–	6 7	16 7	6 3	–	5 9	–	5 6
4	–	–	–	–	–	–	–	5 6	–	–	6 3	12 5	5 9	–	2 2
5	–	13 3	5 6	18 8	5 9	5 6	–	11 1	–	5 6	6 3	–	–	–	5 2
6	–	–	–	6 3	–	–	–	–	–	–	–	6 3	–	–	0 9
7	–	20 0	11 1	–	11 8	5 6	–	5 6	13 3	–	–	6 3	5 9	–	5 6
8	18 8	20 0	–	–	11 8	5 6	12 5	–	20 0	5 6	–	6 3	–	–	6 9
9	–	–	–	–	–	5 6	–	–	13 3	–	6 3	–	5 9	–	2 2
10	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
11	6 3	–	–	–	–	–	–	–	–	–	6 3	–	–	–	0 9
12	12 5	–	–	–	11 8	5 6	12 5	–	6 7	–	12 5	6 3	–	–	4 8
13	6 3	13 3	5 6	6 3	11 8	11 1	–	5 6	6 7	–	6 3	25 0	17 6	–	8 2
14	12 5	–	22 2	–	5 9	11 1	18 8	11 1	13 3	27 7	6 3	–	5 9	–	10 0
15	12 5	–	5 6	6 3	11 8	5 6	–	16 7	–	11 1	–	–	5 9	–	5 6
16	31 3	–	27 7	12 5	17 6	33 3	18 8	11 1	20 0	27 7	31 3	12 5	41 2	–	20 8
17	–	6 7	11 1	6 3	–	–	–	5 6	–	–	–	6 3	11 8	–	3 5
18	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
19	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
20	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
двойные	87 5	60 0	72 2	25 0	58 8	33 3	25 0	44 4	66 7	66 7	43 8	31 3	52 9	–	48 1
сложные	6 7	–	13 3	6 7	13 3	13 3	6 7	20 0	–	20 0	6 7	6 7	6 7	–	8 6
$\bar{S}$	26 3	12 3	27 5	10 9	20 5	19 5	13 1	18 9	18 9	25 5	17 5	14 4	24 7	1 0	18 0
σ	6 3	5 7	9 5	7 1	2 5	1 5	4 9	0 9	0 9	7 5	0 5	3 6	6 7	17 0	5 3
N	15	15	15	15	15	15	15	15	15	15	15	15	15	14	209

одышки; читатель вместе с Татьяной принужден перевести дух после безостановочного продвижения по длинной цепи сказуемых и дополнений, звенья которой нередко разорваны стихоразделами

⟨ ⟩ Летитъ, летитъ, взглянуть назадъ ‖	15 × 2
Не смѣетъ, мигомъ обѣжала	17 × 2
Куртины, мостики, лужокъ,	12
Аллею къ озеру, лѣсокъ,	13
Кусты сирень переломала, ‖	8
По цвѣтникамъ летя къ ручью	13
И задыхаясь, на скамью	(8+16) × 2

XXXIX

Упала	
"Здѣсь онъ! здѣсь Евгеній! ⟨ ⟩"	1

[Пушкин 1837 102]

Сказуемое *упала* от субъекта действия (*Татьяна*) отстоит на 9 строк, помимо переноса, оно выделено обратным порядком слов ⟨ ⟩ *на скамью // Упала*

Серии переносов распределены по тексту "Онегина" неравномерно В начале романа enjambement'ы встречаются редко и не более, чем по два сразу. Первый раз три переноса подряд (rejet + double-rejet + contre-rejet) появляются к концу 3-й главы

⟨ ⟩ Сперва тщеславіе кольнемъ ‖	16 × 2
Надеждой, тамъ недоумѣньемъ	(15+16) × 2
Измучимъ сердце, а потомъ	15 × 2
Ревнивымъ оживимъ огнемъ ⟨ ⟩	4

[Пушкин 1837 88—89]

Далее в той же главе есть еще одна серия переносов (ср [Поспелов 1960 134]). Она длиннее предыдущей на один double-rejet.

Но вотъ ужъ луннаго луча ‖	(15+16) × 2
Сіянье гаснетъ Тамъ долина	(14+15) × 2
Сквозь паръ яснѣетъ Тамъ потокъ	(14+15) × 2
Засеребрился, тамъ рожокъ	(14+15+16) × 2
Пастушій будитъ селянина	4

[Пушкин 1837 97—98]

Знаменательно, что к междустрофным переносам Пушкин тоже прибегает впервые только в 3-й главе, в строфах VII—VIII и XXXVIII—XXXIX (ср. двоеточия на концах строф XVI и XXXI)[22]

Многие ритмико-синтаксические параметры "романа в стихах" предвосхищают стиль "Медного Всадника" Динамика коэффициента межстрочной связанности по разным главам "Онегина" (см табл 15) не зависит от средней ударности строки (ср. [Лотман 1990 47]) Строфический период в большой мере если не разрушен, то "смазан"· по тесноте синтаксических связей между стихами ($\bar{S} = 17{,}6$) роман сравним с ломоносовской одой ($\bar{S} = 18{,}2$), но размах колебания синтаксической кривой в строфе "Онегина" ($\sigma = 4{,}5$) значительно меньше, чем у зрелого Ломоносова ($\sigma = 7{,}4$) или его последователей (см разд 2). При этом за семь лет, пока продолжалась

[22] Думается, что момент проникновения таких конструкций в повествовательную ткань "Онегина" не совсем случаен Когда Пушкин работал над 3-й главой (1824), Баратынский писал свою "Эду", которую за обилие переносов порицал Ф В Булгарин (см [Булгарин 1826 2, Купреянова, Медведева 1936 308 примеч 1, Булаховский 1954 277]) Ср *Вы за углами съ нимъ недаромъ // Всегда встрѣчаетесь Теперь // Ты рада слушать негодяя // Худому выучить Бѣда // Падетъ на дуру Мнѣ тогда // Забота будетъ небольшая* ⟨ ⟩ (Баратынский 1826 17) и т п

Таблица 15

Динамика грамматических связей в строфе "Евгения Онегина" (по главам)

	Главы								Всего
	1 я	2 я	3-я	4 я	5 я	6 я	7-я	8 я	
S	20 6	26 0	18 3	20 6	22 7	27 2	22 7	25 1	22 9
S_2	15 4	17 4	11 5	13 7	18 2	13 1	17 5	11 0	14 7
S_3	24 4	29 5	22 8	24 0	28 3	27 4	27 4	24 1	25 9
S_4	4 8	6 7	5 1	9 0	11 6	12 0	12 1	10 8	9 0
$\bar{S}_5$	15 3	16 2	12 5	16 9	25 5	22 0	20 0	21 8	18 8
$\bar{S}_6$	21 6	26 1	23 9	20 4	23 6	20 4	22 1	19 2	22 0
$\bar{S}_7$	15 8	16 8	16 5	23 8	19 3	28 0	18 1	19 9	19 7
$\bar{S}_8$	16 2	13 8	13 7	11 7	17 2	14 2	11 0	17 2	14 5
S_9	21 7	21 2	15 8	19 2	18 8	19 2	18 1	19 8	19 3
S_{10}	19 9	17 3	16 1	19 5	17 9	16 8	17 0	24 2	18 8
$\bar{S}_{11}$	18 5	28 6	19 7	24 8	14 5	24 9	17 0	23 0	21 1
S_{12}	12 7	9 1	17 2	15 9	18 9	17 5	19 1	19 1	16 2
S_{13}	22 1	25 8	24 8	16 3	19 6	22 3	18 6	21 1	21 2
$\bar{S}_{14}$	1 1	1 3	2 8	1 5	1 6	2 0	1 7	3 5	1 9
двойные	43 2	50 6	40 7	48 4	49 6	50 4	45 9	45 7	46 7
сложные	9 8	10 5	10 2	8 5	13 2	12 0	11 6	11 5	10 9
$\bar{S}$	16 5	18 3	15 8	17 0	18 5	19 2	17 4	18 6	17 6
σ	4 8	6 8	4 7	4 7	4 1	5 5	3 9	4 5	4 5
N	752	545	566	598	585	599	725	695	5065

работа над "Онегиным", межстрочные связи в романе последовательно усиливались, а синтаксическая кривая — сглаживалась (ср. рис 6 и 7[23]). в первых четырех главах $\bar{S}_{I-IV} = 16{,}9$ при $\sigma_{I-IV} = 5{,}2$; в четырех последних главах $\bar{S}_{V-VIII} = 18{,}4$ при $\sigma_{V-VIII} = 4{,}5$ (напомню, что у Ломоносова среднее отклонение σ прямо зависело от величины $\bar{S}$) А это значит, что в "Онегине" рост коэффициента связанности происходил благодаря ослаблению синтаксических "пауз" между строфами и строфоидами связи после 4-го, 8-го, 12-го и 14-го стиха в заключительной главе сильнее, чем в первой (см табл. 15 и рис. 8) Особенно упрочились связи после четверостиший перекрестной (*AbAb*) и опоясывающей (*EffE*) рифмовки, а показатель межстрофной связанности в конце романа ($\bar{S}_{14} = 3{,}5$) уже не слишком уступает показателю связанности между первыми двумя строфоидами в начале романа ($\bar{S}_4 = 4{,}8$)

Представление о том, как менялась синтаксическая система "Онегина", можно получить, сравнив первые его строфы с последними

Такъ думалъ молодой повѣса,	8
Летя въ пыли на почтовыхъ,	8
Всевышней волею Зевеса	16 × 2
Наслѣдникъ всѣхъ своихъ родныхъ —	1
Друзья Людмилы и Руслана!	1 × 2
Съ героемъ моего романа	9 × 2
Безъ предисловій сей же часъ	(16+16+16) × 2
Позвольте познакомить васъ	3

[23] Чтобы сделать эволюционные тенденции более наглядными, на онегинских графиках изображены кривые, выровненные по "цепному методу" (ср [Ярхо 2000 281 примеч *]) они отражают данные по каждым трем смежным главам романа

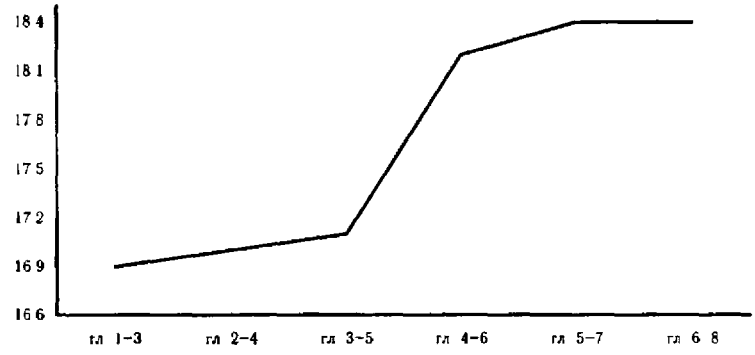

Рис 6 Средний коэффициент межстрочной связанности $\bar{S}$
(по главам Евгения Онегина)

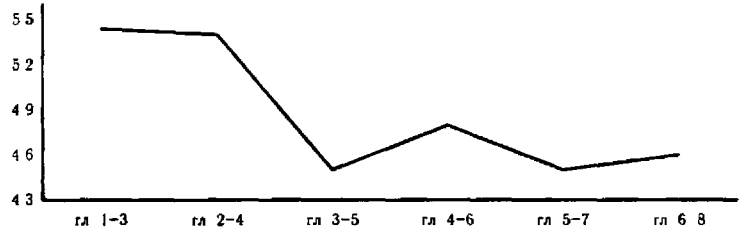

Рис 7 Среднее отклонение от среднего коэффициента межстрочной связанности σ
(по главам "Евгения Онегина')

Онѣгинъ, добрый мой пріятель,	14 × 2
Родился на брегахъ Невы,	7
Гдѣ, можетъ быть, родились вы,	13
Или блистали, мой читатель!	1
Тамъ нѣкогда гулялъ и я	4
Но вреденъ сѣверъ для меня	1

[Пушкин 1837 2]

Тут конец каждого четверостишия совпадает с концом предложения В заключительных строфах романа не так·

Прости жъ и ты, мой спутникъ странный,	13
И ты, мой вѣрный идеалъ,	13
И ты, живой и постоянный,	8 × 2
Хоть малый трудъ Я съ вами зналъ ‖	17 × 2
Все, что̀ завидно для поэта	11
Забвенье жизни въ буряхъ свѣта,	12
Бесѣду сладкую друзей	1
Промчалось много, много дней ‖	16
Съ тѣхъ поръ, какъ юная Татьяна	13 × 2
И съ ней Онѣгинъ въ смутномъ снѣ	(14+16) × 2
Явилися въ первые мнѣ —	4
И даль свободнаго романа ‖	9 × 2
Я сквозь магическій кристалъ	(14+16+17) × 2
Еще не ясно различалъ	2

[Пушкин 1837 279—280]

Все это дает нам право смотреть на онегинскую строфу как на школу синтаксических сдвигов, которая подготовила Пушкина к созданию "Медного Всадника"

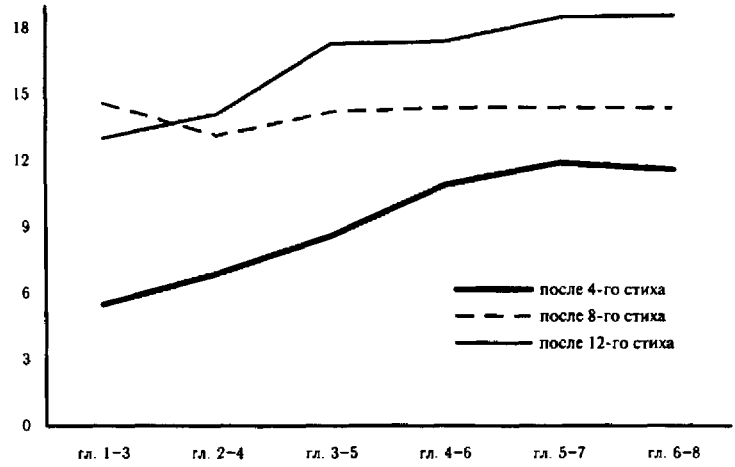

Рис. 8. Динамика связанности строфоидов в составе онегинской строфы

Именно подготовительная ("онегинская") стадия второй реформы стихотворного синтаксиса оказала основное влияние на поэзию XIX в. У всех, кто писал онегинской строфой после Пушкина, иерархия стиховых членений не совпадает с иерархией грамматической: позиции, тождественные в метрическом отношении, не всегда тождественны синтаксически, и наоборот. При этом лишь двое — Лермонтов ("Моряк", 1832; "Тамбовская казначейша", 1838) и М. Стахович ("Былое", 1858) — углубили (хотя и не выравняли) синтаксические границы между строфоидами; у других поэтов четверостишия и заключительное двустишие связаны еще тесней, чем у Пушкина (ср. [Пейсахович 1969; Постоутенко 1998: 149—152]). В качестве иллюстрации приведу 14 строк из пародии Д. Минаева "Евгений Онегин нашего времени" (гл. 3-я, строфа VI):

"(...) Ну, духота! Потъ льется градомъ...(")	1
Потомъ онъ вынулъ свой платокъ,	12
Стеръ потъ съ лица, сѣлъ съ Таней рядомъ	13
И началъ длинный монологъ ‖	16
О томъ, что физикъ Маттеучи	14 × 2
Былъ яркимъ солнцемъ въ темной тучѣ,	5
Что всѣмъ намъ праотецъ — полипъ,	6
И что похожъ на мелкій грибъ ‖	14 × 2
Acetabulum извѣстковый,	5
Что отъ несчастій всѣхъ народъ	(16+17) × 2
Ассоціація спасетъ,	5
Что реалистъ закалки новой — ‖	14 × 2
Иль пьянства мрачнаго поэтъ,	13 × 2
Иль геніальный Архимедъ.	1

[Минаев 1866: 38—39]

Немаловажно, что синтаксическая проницаемость метрических границ в "романе" Минаева возрастает не только на стыке строфоидов, но также на стыке строф: по интенсивности междустрофных переносов пародия превосходит оригинал (в пушкинском "Онегине" $\bar{S}_{14} = 1{,}9$; в четырех главах "Онегина нашего времени" $\bar{S}_{14} = 3{,}4$).

Впрочем, это было лишь расшатыванием старой, "классической" системы стихотворного синтаксиса. Новая система, заявившая о себе в "Медном Всаднике", — Л.А. Булаховский усматривал в ней «одну из примет “романтического” синтаксиса» [Булаховский 1954: 279 и др.] — сколько-нибудь широко была усвоена русской поэ-

зией только в "серебряном веке"[24]. Преемственность зачастую была осознанной, как в "Подражательной вариации" Пастернака (1918; см. [Рудаков 1979: 322]):

На берегу пустынных волн	16 × 2
Стоял он, дум великих полн.	1
Был бешен шквал. | Песком сгущенный,	8 × 2
Кровавился багровый вал.	1
Такой же гнев обуревал	17 × 2
Его, | и, чем-то возмущенный,	8 × 2
Он злобу на себе срывал.	1
⟨...⟩ Еще не выпавший туман	14 × 2
Густые целовал ресницы.	1
Он окунал в него страницы	16
Своей мечты. | Его роман	14 × 2
Вставал из мглы, | которой климат	(14+17) × 2
Не в силах дать, | которой зной	(14+17+18) × 2
Прогнать не может никакой ⟨...⟩	5

[Пастернак 1990: 167—168]

Среди поэтов XX в. нашлись те, кто отважился вслед за Пушкиным сделать переносы из исключения правилом. Одной из первых была Цветаева, в чьих произведениях синтаксическая пауза часто перемещается внутрь стиха. Так, в знаменитом цветаевском стихотворении ("Тоска по родине! Давно...", 1934) самая слабая грамматическая связь в части строк сдвинута "вправо" от клаузулы на слог или на два. Она кажется тем более "рельефной", когда локализована после моносиллаба, образующего неметрическое ударение. Ритм здесь аккомпанирует синтаксису:

Мнѐ совершенно все равно —	7 × 2
Гдѐ совершенно одинокой	(15+16) × 2
Бы̀ть, по каким камням домой	(15+16) × 2
Брести с кошелкою базарной	16
В до̀м, и не знающий, что — мой,	8
Как госпиталь или казарма.	1
Мнѐ все равно, каких среди	(16+18) × 2
Лѝц ощетиниваться пленным	18 × 2
Льво̀м, из какой людской среды	16 × 2
Бы̀ть вытесненной — непременно —	16
В себя, в единоличье чувств.	1

[Цветаева 1994: 315][25]

Чтобы контраст усилить, слабой связи в середине стиха предшествует сильная связь на клаузуле, допустим — согласование: ⟨...⟩ *ощетиниваться пленным // Львом* ⟨...⟩; *Та́к край меня не уберег // Мой, что и самый зоркий хищник* ⟨...⟩ [Цветаева 1994: 315, 316][26].

Наконец, в "серебряном веке" были узаконены такие явления поэтической грамматики, тиражирование которых состоялось на следующем этапе эволюции стихо-

[24] Что "въ *Мѣдномъ Всадникѣ* чудеса Русскаго стиха достигли высшей степени" [Шевырев 1841: 244], стало очевидно уже некоторым современникам Пушкина. Нельзя, однако, умолчать и о той роли, какую в истории переносов сыграла традиция романтического 4-стопного ямба со сплошными мужскими окончаниями (ср. [Матяш 2001: 179—180]): "Шильонский узник" Жуковского (1818), "Мцыри" Лермонтова (1839), "Разговор" Тургенева (1844) и т. д., но главное — "Олимпий Радин" Аполлона Григорьева (1845).

[25] В источнике ударения отсутствуют.

[26] Несмотря на "кричащие" enjambement'ы, средний коэффициент связанности в этом стихотворении — 18,3 (то есть почти равен ломоносовскому).

творного синтаксиса В этой связи заслуживают упоминания внутристрочные переносы в стихах Анненского и раннего Маяковского, у Кузмина и Шершеневича, у той же Цветаевой, в верлибрах Г Оболдуева и т д (см [Шапир 1990 67—68, 1995 9—10, 19, 24—25, 2000б 39, 49, 55, 97—98, 121 примеч 11]) А некоторые пространные периоды, разворачивающиеся словно без оглядки на стих, уже прямо предсказывают очередную кардинальную перестройку поэтического синтаксиса

Не верили, — считали, — бредни,	13
Но узнавали от двоих,	12 × 2
Троих, от всех Равнялись в строку	(14+16) × 2
Остановившегося срока	9 × 2
Дома чиновниц и купчих,	12
Дворы, деревья, и на них	16 × 2
Грачи, в чаду от солнцепека	9 × 2
Разгоряченно на грачих	(15+16+16) × 2
Кричавшие, чтоб дуры впредь не	20 × 2
Совались в грех	
И как намедни	8 × 2
Был день Как час назад Как миг	15 × 2
Назад Соседний двор, соседний	18 × 2
Забор, деревья, шум грачих	1

[Пастернак 1990 352]

5. Третья реформа стихотворного синтаксиса ("Пенье без музыки"). Последние по времени радикальные изменения в русском стихотворном синтаксисе связаны с именем И Бродского Новый синтаксический стиль в его стихах прокладывал себе дорогу около десяти лет На протяжении 1960-х годов Бродский ставил все более смелые эксперименты по удлинению поэтической фразы и осваивал все более резкие межстрочные и межстрофные enjambement'ы он отрывал то предлог от существительного, то отрицательную частицу от глагола, то союз от присоединяемого предложения, а в редких случаях делил слово между стихами или даже строфами ("На смерть Т С Элиота", 1965, "Волосы за висок ", 1967) В 4-стопном ямбе первый опыт нового стиля относится к середине 1960-х в стихотворении "Он знал, что эта боль в плече " (1964 или 1965) из десяти четверостиший *abab* точкой оканчиваются лишь четыре ($\bar{S} = 22{,}6$, $\sigma = 3{,}2$) Но апофеозом этой ритмико-синтаксической манеры, сообщающей стихам Бродского моментальную узнаваемость, стала написанная в 1970 г поэма "Пенье без музыки"[27]

Метафорически отличие Бродского от Пушкина можно сформулировать так в "Медном Всаднике" синтаксис выходит из берегов стиха, в "Пенье без музыки" он кажется безбрежным Конструкции разливаются по тексту, словно не знают никаких версификационных ограничителей (ср [Smith 1999 19]) Перетекая из стиха в стих, из строфы в строфу, первая фраза поэмы заканчивается посередине 20-й строки (а самый длинный период обнимает 23 стиха с половиной)

Когда ты вспомнишь обо мне	16 × 2
в краю чужом — хоть эта фраза	14 × 2
всего лишь вымысел, а не	20 × 2
пророчество, о чем для глаза,	8 × 2
вооруженного слезой,	(16+16) × 2
не может быть и речи даты	9 × 2

[27] Дж Смит убежден, что Пенье без музыки — «одна из лучших поэм о любви в русской литературе XX в достойная стоять рядом с поэмой Маяковского "Про это" и "Поэмой конца" Цветаевой» [Smith 1999 12] Даже не соглашаясь со столь высокой оценкой, необходимо признать этапное место 'Пенья без музыки в истории русского поэтического языка

из омута такой лесой	(16+16+17) × 2
не вытащишь — итак, когда ты	14 × 2
за тридевять земель и за	20 × 2
морями, в форме эпилога	7 × 2
(хоть повторяю, что слеза,	14 × 2
за исключением былого,	8 × 2
все уменьшает) обо мне	(16+16+16) × 2
вспомянешь все-таки в то Лето	(13+18) × 2
Господне и вздохнешь — о не	(8+20) × 2
вздыхай[1] — обозревая это	(17+18) × 2
количество морей, полей,	8 × 2
разбросанных меж нами, ты не	20 × 2
заметишь, что толпу нулей	17 × 2
возглавила сама	
В гордыне ⟨ ⟩	18 × 2

[Бродский 1992, II 232]

В "Пенье без музыки' есть предложения очень длинные и очень короткие, но и последние далеко не всегда согласуются с метрическими границами

Вот место нашей встречи Грот	18 × 2
заоблачный Беседка в тучах	1
Приют гостеприимный Род	16 × 2
угла, притом, один из лучших	16
хотя бы уже тем, что нас	17 × 2
никто там не застигнет Это	14 × 2
лишь наших достоянье глаз,	8
верх собственности для предмета	14 × 2

[Бродский 1992, II 232]

Как мы помним, в "Медном Всаднике" синтаксические членения хотя и не совпадали с версификационными, но целенаправленно с ними соотносились, -- в "Пенье без музыки" грамматика по отношению к стиху демонстративно индифферентна

Первое, что бросается в глаза у Бродского, — новое качественное усиление межстрочных связей, еще более заметное на фоне его "Петербургского романа" (1961), который тоже написан четверостишиями перекрестной рифмовки, с той разницей, что "Пенье без музыки" начинается с мужского стиха (*aBaB*), а "Петербургский роман" — с женского (*AbAb*) В этой ранней поэме Бродского средний коэффициент связанности строк невелик — 15,0, тогда как в "Пенье без музыки" он подскакивает до 31,4 (см табл 16)[28] Сильных межстрочных связей в 1961 г была только треть, а в 1970-м — уже две трети (в "Медном Всаднике" их около половины) Если взять 'Петербургский роман", самая сильная связь там — 18-я (согласование), и встречается она очень редко (ее доля 0,5%) В "Пенье без музыки" стихи согласуются раз в 20 чаще (9,2%), и столь же законной здесь становится связь между предлогом, союзом, частицей и словом или предложением, к которому они относятся (№ 20) Сверх того, на правах раритетов дважды встречаются внутристрочные переносы Один из них делит на части слово, при нейтральном произношении одноударное,

[28] Не похоже, чтобы грамматическая слитность строк была спровоцирована удлинением синтаксических единиц в Пенье без музыки" простое предложение даже короче, чем в ' Медном Всаднике" (в среднем соответственно 2 72 и 2,78 стиха) А расстояние от точки до точки само по себе на коэффициент связанности не влияет средняя длина периода в Пенье без музыки" — 4 9 стиха (при $S = 31\ 4$), а в Петербургском романе — 7 1 стиха (при $S = 15{,}0$)

Таблица 16

Ритмико-синтаксическая структура четверостиший в поэмах Бродского

Тип связи	"Петербургский роман", 1961					"Пенье без музыки", 1970				
	Строки (%)				Всего	Строки (%)				Всего
	1	2	3	4		1	2	3	4	
1	1 8	5 3	0 6	40 2	10 0	3 8	5 4	2 6	17 6	7 2
2	0 6	0 7	0 6	7 4	2 0	–	–	1 3	–	0 3
3	21 5	34 4	11 6	20 5	21 7	2 5	–	2 6	1 4	1 6
4	6 1	7 9	6 9	7 4	7 1	2 5	1 4	7 7	1 4	3 3
5	0 6	2 0	–	1 6	1 0	–	–	–	–	–
6	–	0 7	–	–	0 2	–	–	–	–	–
7	4 3	5 3	1 2	4 1	3 6	7 6	9 5	1 3	1 4	4 9
8	10 4	6 6	8 7	2 5	7 4	7 6	6 8	9 0	5 4	7 2
9	1 2	3 3	0 6	–	1 3	2 5	2 7	–	2 7	2 0
10	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
11	0 6	–	–	–	0 2	–	–	–	1 4	0 3
12	7 4	9 9	5 8	4 1	6 9	5 1	5 4	2 6	4 1	4 3
13	4 9	6 6	8 1	0 8	5 4	2 5	4 1	1 3	1 4	2 3
14	8 0	5 3	6 4	1 6	5 6	6 3	10 8	11 5	13 5	10 5
15	4 3	2 6	8 7	1 6	4 6	12 7	6 8	10 3	4 1	8 9
16	23 9	7 3	35 3	4 9	19 2	21 5	25 7	21 8	24 3	23 3
17	3 1	2 0	5 8	2 5	3 4	8 9	5 4	9 0	5 4	7 2
18	1 2	–	–	0 8	0 5	8 9	8 1	10 3	9 5	9 2
19	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
20	–	–	–	–	–	7 6	8 1	7 7	4 1	6 9
21	–	–	–	–	–	–	–	–	1 4	0 3
22	–	–	–	–	–	–	–	1 3	–	0 3
слабые	36 2	56 3	20 8	81 1	45 5	16 5	16 2	15 4	21 6	17 4
средние	24 5	26 5	23 1	11 5	21 2	17 7	18 9	12 8	14 9	16 1
сильные	40 5	17 2	56 1	11 5	33 3	65 8	64 9	71 8	62 2	66 6
двойные	48 5	26 5	52 6	12 3	36 9	86 1	83 8	79 5	66 2	84 3
сложные	8 7	2 0	12 8	1 7	6 5	23 0	16 4	21 3	20 7	19 9
$\bar{S}$	18 1	10 8	23 0	6 2	15 0	33 7	30 8	33 3	27 7	31 4
σ	3 1	4 2	8 0	8 8	6 0	2 3	0 6	1 9	3 7	2 1
N	149	149	149	120	567	61	61	61	58	241
Ударность строки	3 21	3 17	3 15	3 08	3 15	3 11	3 13	3 21	3 00	3 12

с непривычки Бродский сбивается с метра и оставляет следующий стих без анакрусы (ср [Smith 1999: 25 n 13]):

⟨ ⟩ предательству, возьми перо	**13**
и чистую бумагу — символ	**16 × 2**
пространства — и, представив про-	**22 × 2**
порцию — а нам по силам ⟨ .⟩	**15 × 2**

[Бродский 1992, II 235]

Другой внутристиховый enjambement, входящий в состав сложной связи, разрубает композит, начало и конец которого попадают в разные строфы:

Рассмотрим же фигуру ту,	**7 × 2**
которая в другую пору	**(14+16) × 2**

заставила бы нас в поту	(15+16+18) × 2
холодном пробуждаться, полу-	(12+21) × 2
безумных лезть под кран, дабы	20 × 2
рассудок не спалила злоба ( )	4

[Бродский 1992, II 234]

Разнесение слова по строфам симптоматично В поэме, где на клаузуле оканчивается лишь половина периодов, которые к тому же в среднем длиннее строфы, переносы между четверостишиями становятся нормой· вместе с концом отдельного предложения оканчивается менее четверти строф[29] Поэтому, несмотря на то что фразы завершаются на границах четверостиший чаще, чем в любой другой метрической позиции, строфа Пенья без музыки" синтаксически не структурирована понижение коэффициента связанности после четных строк имеет рудиментарный характер Об этом свидетельствует среднее отклонение от величины $\bar{S}$: в "Петербургском романе" оно составило 6,0, в "Пенье без музыки", где строки сцеплены намного крепче, $\sigma = 2{,}1$ (см. рис. 9) Разброс показателей по разным стихам строфы тут меньше, чем по разным частям поэмы ($\bar{S}_{\text{I}} = 37{,}4$; $\bar{S}_{\text{II}} = 32{,}0$; $\bar{S}_{\text{III}} = 24{,}0$). Амплитуда колебания синтаксической кривой в 'Пенье без музыки" уступает даже "Медному Всаднику" ($\sigma = 2{,}9$): строфы у Бродского грамматически выражены слабее, чем строфоиды у Пушкина (Обхожу вопрос о том, что в "Пенье без музыки" выше связанность строк и, следовательно, диапазон колебания совсем мал по сравнению с величиной $\bar{S}$ — всего 19%, а в 'Медном Всаднике" — 37%.)[30]

Синтаксис в "Пенье без музыки" еще более независим от акцентного ритма, чем в последней поэме Пушкина (см. разд. 3). Слабее всего строки связаны в третьей части ($\bar{S}_{\text{III}} = 24{,}0$), несмотря на то что они обладают здесь пониженной ударностью (3,10), сильнее всего строки связаны в первой части ($\bar{S}_{\text{I}} = 37{,}4$), но и тут их ударность понижена (3,06); с максимальной густотой ударения ложатся во второй части поэмы (3,14), где коэффициент межстрочной связанности принимает значение, близкое к среднему ($\bar{S}_{\text{II}} = 32{,}0$) К ритмической структуре строфы синтаксис Бродского тоже нечувствителен (см. табл 16, ср. [Smith 1999: 15—16]): чаще всего период начинается в первой строке четверостишия, а пик ударности приходится на третью строку.

---

[29] Из подсчетов исключены три строфы, концы которых являются концами трех частей поэмы

[30] Бродский готов распределять единую синтаксическую конструкцию не только между строфами, но и между главами, деление на которые тем самым становится сугубо формальным Написанная шестистишиями *AAABBB*, "Эклога 5-я (летняя)" (1981) разбита на четыре неравные главки длиной от 8 до 14 строф Главки II и III связаны междустрофным переносом

(.) дальше попросту не хватило

означенной голубой кудели
воздуха В одушевленном теле
свет узнает о своем пределе
и преломляется, как в итоге
длинной дороги, о чьем истоке
лучше не думать В конце дороги —

III

бабочки, мальвы, благоуханье сена,
река вроде Оредежи или Сейма,
расположившиеся подле семьи
дачников, розовые наяды,
их рискованные наряды,
плеск, пронзительные рулады

соек тревожат прибрежный тальник ( )

[Бродский 1994, III 37—38]

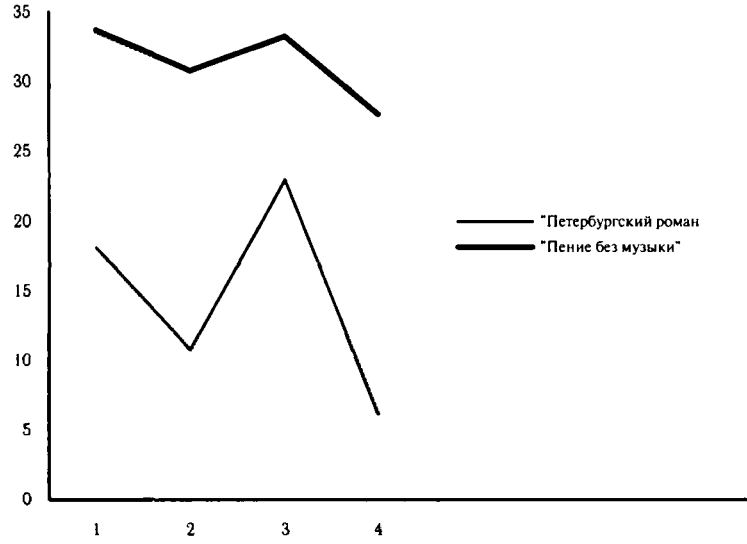

Рис 9 Синтаксический профиль строфы в поэмах Бродского

Пиррихии по обыкновению тяготеют к последнему стиху, но вовсе не потому, что конец строфы — это одновременно конец периода. Средняя ударность финальных строк четверостишия, "по совместительству" заключающих собой фразу, совпадает с ударностью финальных строк, в которых фраза начинается или продолжается.

Ритмика Бродского в целом характеризуется повышенной монотонностью: одинаковые или близкие формы скучиваются в многострочные группы (см. табл. 17; ср. [Беглов 1996; Smith 1999: 15])[31]. В "Пенье без музыки" инерционность ритма усугубляется диспропорцией в ритмическом репертуаре: без малого 70% текста — это стихи III формы (с пропуском метрического ударения на 2-й стопе). Их скопления (до 15 строк подряд) поражают своей монотонностью еще и потому, что в классическом 4-стопном ямбе III форма — относительно редкая: к примеру, в "Кавказском пленнике" ее доля — 7,4%, в "Полтаве" — 4,7%, в "Медном Всаднике" — 2,9%, в "Петербургском романе" Бродского — 2,0% Кроме того, пиррихий на 2-й стопе имеют также стихи V [⏑–⏑–⏑–⏑'⏑'(⏑)] и VII [⏑'–⏑–⏑–⏑'(⏑)] формы. Первая из них у Пушкина отсутствует, а в "Пенье без музыки" появляется дважды (0,8%): ⟨...⟩ *и перпендикуляр стоймя* ⟨. .⟩, ⟨...⟩ *то перпендикуляр, из центра* ⟨...⟩ [Бродский 1992, II: 233, 235] VII форма в поэме Бродского также встречается чаще обычного — 4,9% строк (для сравнения: в "Полтаве" стихов с пиррихиями на 2-й и 3-й стопе нет вообще, в "Кавказском пленнике" их — 0,3%, а в "Медном Всаднике" — 0,2%). В результате пропуск ударения на 4-м слоге метризуется (см. [Шапир 1990: 71—74; 2000б: 103—108]), смена акцентных форм перестает быть ведущим фактором ритма, уступая прежнюю роль синтаксическому варьированию строки[32].

[31] Эту свою ритмическую установку Бродский не раз декларировал «Одно из самых грандиозных суждений, которые я в своей жизни прочел, я нашел у одного мелкого поэта из Александрии Он говорит "Старайся при жизни подражать времени. То есть старайся быть сдержанным, спокойным, избегай крайностей Не будь особенно красноречивым, стремись к монотонности"» [Волков 2000 152]

[32] Из фонетических факторов ритма необычное звучание стиху "Пенья без музыки" придают сверхсхемные ударения, коими отягчен как минимум каждый десятый стих поэмы (22 раза из 24 они падают на 1-й слог) Наиболее банальны внеметрические ударения в VI форме [–⏑'–⏑–⏑'] ⟨ ⟩ (⟨ ⟩ *все уменьшает) обо мне* ⟨ ⟩, ⟨ ⟩ *есть проведение прямой* ⟨ ⟩ [Бродский 1992, II 232, 234] Наименее тривиальны спондеи в начале форм III [''–⏑–⏑'–⏑'(⏑)] и VII [''–⏑–⏑–⏑–⏑'(⏑)] ⟨ ⟩ *дня, месяца, Господня Лета* ⟨ ..⟩, ⟨ ⟩ *слыть точками, итак, разлука* ⟨ ⟩, ⟨ ⟩ *мир все же ограничен властью* ⟨ ⟩, ⟨ ⟩ *мне, катету, незриму,*

Таблица 17

Ритмическая структура 4-стопного ямба в поэме Бродского "Пенье без музыки"

Строка	Средняя ударность стопы (%)				Ритмические формы (%)								К-во стихов
	1	2	3	1–4	I	II	III	IV	V	VI	VII	прочие	
1	93 4	31 1	88 9	77 9	21 3	–	63 9	4 9	1 6	4 9	3 3	–	61
2	98 4	21 3	93 4	78 3	16 4	1 6	75 4	3 3	–	–	3 3	–	61
3	98 4	29 5	93 4	80 3	26 2	–	67 2	1 6	–	1 6	3 3	–	61
4	96 7	15 0	88 4	75 0	13 1	–	71 1	–	1 6	1 6	9 8	1 6	61
Всего	96 7	24 3	90 5	77 9	19 3	0 4	69 7	2 5	0 8	2 0	4 9	0 4	244

Таблица 18

Внутристрочные грамматические связи в III форме 4-стопного ямба

Тип связи	"Кавказский пленник"				"Медный Всадник"				"Петербургский роман"				"Пенье без музыки"			
	Место связи			Всего	Место связи			Всего	Место связи			Всего	Место связи			Всего
	1–2	1–3	2–3		1–2	1–3	2–3		1–2	1–3	2–3		1–2	1–3	2–3	
1	1	–	–	1	–	–	1	1	–	–	–	–	10	–	9	19
2	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	2	3
3	3	–	–	3	1	–	–	1	–	–	2	2	8	–	6	14
4	–	–	–	–	1	–	–	1	–	–	–	–	6	–	4	10
5	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	1
6	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
7	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	10	–	3	13
8	1	–	–	1	–	–	1	1	3	–	–	3	5	–	6	11
9	3	3	1	7	1	2	3	6	1	–	–	1	17	13	21	51
10	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	4	2	3	9
11	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	1
12	2	–	–	2	–	–	–	–	–	–	–	–	2	1	7	10
13	1	–	1	2	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	2	3
14	1	4	2	7	2	–	–	2	1	1	1	3	5	1	6	12
15	1	–	4	5	–	–	–	–	2	–	–	2	13	2	7	22
16	11	8	11	30	3	1	2	6	1	–	2	3	31	15	32	78
17	2	1	4	9	1	1	2	4	1	1	2	4	11	1	9	21
18	7	5	19	31	1	–	5	6	–	1	5	6	13	13	28	54
19	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
20	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	7	–	1	8
$\bar{s}$	13 5	15 1	16 6	15 3	12 7	12 8	13 7	13 2	12 2	16 3	14 7	14 0	12 0	14 3	12 4	12 5
К во связей	33	21	44	98	10	4	14	28	9	3	12	24	145	48	147	340

В "Пенье без музыки" грамматической организации строки и впрямь свойственно исключительное разнообразие – это явствует даже из приведенных цитат. Достигается оно во многом с помощью синтаксического выравнивания стоп. Традиционно в III форме (как и в других стихах с пропуском одного метрического ударения) два первых такта связаны значительно слабее, чем два последних (см. табл. 18).

нему (.), ( ) *жизнь требует найти от нас // то, чем располагаем. угол*, ( ) *скарб мыслей одиноких, хлам* ( ) [Бродский 1992, II 233—236] и др , ( ) *верх собственности для предмета*, ( ) *там где-нибудь, над Скагерраком* ( ) [Бродский 1992, II 236, 238] Изредка сверхсхемные ударения несут на себе также 3-й и 5-й слог *Не в том суть жизни, что в ней есть* ( ), ( ) *любовников — твой взгляд и мой* ( ) [Бродский 1992, II 239, 234]

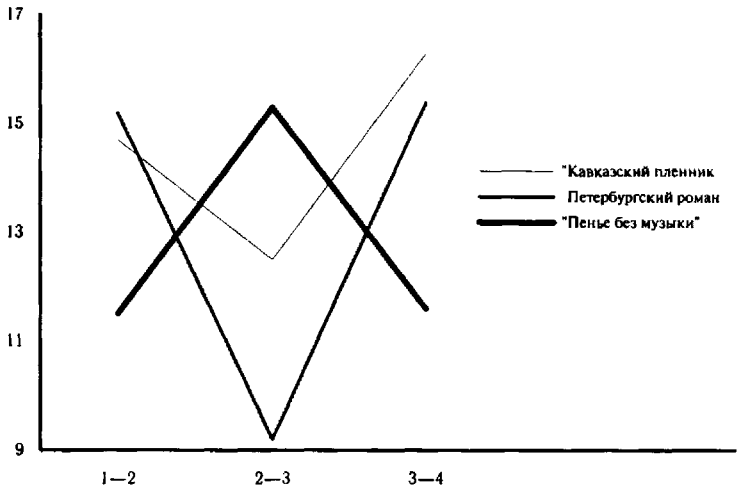

Рис. 10 Синтаксический профиль контактных связей
в полноударных 4-стопных ямбах Пушкина и Бродского

Так было и у Пушкина, и у раннего Бродского: в "Кавказском пленнике" $\bar{s}_{1-2} = 13{,}5$, $\bar{s}_{2-3} = 16{,}6$; в "Медном Всаднике" $\bar{s}_{1-2} = 12{,}7$, $\bar{s}_{2-3} = 13{,}7$; в "Петербургском романе" $\bar{s}_{1-2} = 12{,}2$, $\bar{s}_{2-3} = 14{,}7$. Но в "Пенье без музыки", где строки с пиррихием на 2-й стопе занимают около ¾ поэмы, грамматика мало зависит от положения слова в строке ($\bar{s}_{1-2} = 12{,}0$, $\bar{s}_{2-3} = 12{,}4$). Слабые связи между вторым и третьим тактом в "Кавказском пленнике" не зафиксированы; в "Медном Всаднике" в данной позиции они встречаются в 2 раза реже, чем в начале стиха, а в "Пенье без музыки" — только в 1,4 раза реже. Точка либо аналогичный знак 11 раз отделяет первое слово от второго и столько же — второе от третьего, причем трижды границы периодов приходятся на обе позиции сразу: *Надолго. Навсегда. И даже* ⟨...⟩; *Надолго. Навсегда. До гроба*; *Схоластика. Почти. Бог весть* [Бродский 1992, II: 236—238]. Со своей стороны, сильные контактные связи в стихе классического типа между вторым и третьим словом устанавливаются почти вдвое чаще, чем между первым и вторым: соотношение сильных связей в начале и конце строки в "Кавказском пленнике" — 1 : 1,9; в "Медном Всаднике" — 1 : 1,3; в "Петербургском романе" — 1 : 2; в "Пенье без музыки" — 1 : 1. В частности, управление при переходном глаголе в стихах III формы обычно связывает первое слово со вторым в 2—3 раза чаще, чем второе с третьим; но в "Пенье без музыки" этот вид связи возникает 11 раз в первой половине строки и 9 раз — во второй. Стихи, построенные по схеме "управление при переходном глаголе — слабая связь", в поэме также употребительны, как стихи обратной структуры: "слабая связь — управление при переходном глаголе". Ср.: ⟨...⟩ *не знаем ничего, о коем* ⟨...⟩; ⟨...⟩ *зрачок вооружишь, возьми* ⟨...⟩; ⟨...⟩ *((...) не узрила ты штиль) мозоль* ⟨...⟩ [Бродский 1992, II: 233, 238] — ⟨...⟩ *предательству; возьми перо* ⟨...⟩; ⟨...⟩ *обратную, где, муча глаз* ⟨...⟩; ⟨...⟩ *зимы; и не найти весну* ⟨...⟩ [Бродский 1992: II, 235, 236, 238].

Сходная картина предстает в I форме (в "Пенье без музыки" это около 20% строк). Мы уже знаем, что в полноударных 4-стопных ямбах контактная связь в начале стиха слабее, чем в конце, а самая слабая связь находится между ними (см. разд. 3). Этой закономерности в основном подчиняется синтаксический ритм "Петербургского романа": его своеобразие в том, что, во-первых, разница между крайними связями близка к нулю ($\bar{s}_{1-2} = 15{,}2$, $\bar{s}_{3-4} = 15{,}4$), а во-вторых, резко ослабляется связь в середине строки ($\bar{s}_{2-3} = 9{,}2$; см. рис. 10 и табл. 19). Фактически стих делится на две симметричных половины: ⟨...⟩ *живет герой, и время вертит* ⟨...⟩; ⟨...⟩ *меж ваших тайн,*

Таблица 19

Внутристрочные грамматические связи в I форме 4-стопного ямба у Бродского

Тип связи	"Петербургский роман"							"Пенье без музыки"						
	Место связи						Всего	Место связи						Всего
	1–2	1–3	1–4	2–3	2–4	3–4		1–2	1–3	1–4	2–3	2–4	3–4	
1	1	–	–	4	–	–	5	1	–	–	–	–	1	2
2	–	–	–	1	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–
3	–	–	–	23	–	3	26	2	–	–	–	–	4	6
4	–	–	–	4	–	–	4	–	–	–	2	–	2	4
5	–	–	–	1	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–
6	–	–	–	1	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–
7	3	–	–	3	–	2	8	5	–	–	3	–	4	12
8	3	3	2	4	4	2	18	6	1	–	2	–	3	12
9	1	–	1	1	4	2	9	1	3	1	–	–	3	8
10	–	1	–	–	1	–	2	–	–	–	–	–	–	–
11	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
12	7	7	–	8	4	8	34	–	–	–	–	–	–	–
13	3	1	1	5	2	9	21	2	1	1	–	1	–	5
14	37	2	3	4	3	19	68	3	–	2	1	2	2	10
15	12	3	2	1	2	9	29	3	3	–	3	1	3	13
16	27	7	9	12	14	29	98	6	6	4	7	5	9	37
17	16	1	2	1	1	9	30	1	1	–	1	–	1	4
18	24	–	–	6	1	41	72	3	1	–	8	1	6	19
19	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
20	5	–	–	1	–	4	10	–	–	–	8	1	–	9
21	–	–	–	–	–	1	1	–	–	–	–	–	–	–
$\bar{s}$	15,2	13,3	14,4	9,2	13,4	15,4	13,9	11,5	14,0	14,3	15,3	15,8	11,6	13,3
К-во связей	139	25	20	80	36	138	438	33	16	8	35	11	38	141

меж узких дырок ⟨...⟩; ⟨...⟩ *о только помнить, только помнить* ⟨...⟩; ⟨...⟩ *не стоит сна, не стоит скуки* ⟨...⟩; ⟨...⟩ *пинает снег и видит — листья* ⟨...⟩; ⟨...⟩ *и все быстрей, и все быстрей* ⟨...⟩; ⟨...⟩ *ни пяди нет, ни пяди нет, // ни пяди нет и нету цели* ⟨...⟩; ⟨...⟩ *скрипит асфальт, шумит трава, // каналов блеск и плеск канавок* ⟨...⟩; ⟨...⟩ *пустых домов, мостов горбатых* ⟨...⟩; ⟨...⟩ *такси скользят, глаза скользят* ⟨...⟩; ⟨...⟩ *продли шаги, продли страданья* ⟨...⟩; ⟨...⟩ *трещала печь и свет серел* ⟨...⟩; ⟨...⟩ *в конце любви, в конце дороги* ⟨...⟩; ⟨...⟩ *горит окно, а ты все плачешь* ⟨...⟩; ⟨...⟩ *кого ты судишь, что ты платишь* ⟨...⟩; ⟨...⟩ *не мертвый лыжник — мертвый всадник* ⟨...⟩; *И боль в душе. Вот два столетья. // И улиц свет. И боль в груди* [Бродский 1992: I, 68, 69, 71, 74—80, 82]. В "Пенье без музыки" всё наоборот. Крайние связи здесь выравнены в еще большей степени — различие между ними практически стерто ($\bar{s}_{1-2} = 11{,}5$, $\bar{s}_{3-4} = 11{,}6$), но при этом средняя связь в строке не ослаблена, а усилена ($\bar{s}_{2-3} = 15{,}3$). Видимо, синтаксическую цезуру после 2-й стопы Бродский в 1970 г. расценивал как нежелательную уступку метру, откровенно предпочитая асимметричные построения (с паузами после первого слова или перед последним): ⟨...⟩ *не может быть и речи: даты* ⟨...⟩; ⟨...⟩ *все дело, или в том, что рано* ⟨...⟩; ⟨...⟩ *тебя от худших бед, могу* ⟨...⟩; ⟨...⟩ *оно уже настало — рев* ⟨...⟩; ⟨...⟩ *осин, тебя утешить; и да* ⟨...⟩; ⟨...⟩ *ему свои лопатки — вот* ⟨...⟩; ⟨...⟩ *пределов тех, верней, где места* ⟨...⟩; ⟨...⟩ *верна (она, увы, верна)* ⟨...⟩; ⟨...⟩ *взглянуть; итак, кому ж, как не* ⟨...⟩; *Вот место нашей встречи. Грот* ⟨...⟩; *За годы, ибо негде до* ⟨...⟩; ⟨...⟩ *не застит — ибо сам Эвклид* ⟨...⟩; ⟨...⟩ *что есть она, как не (позволь* ⟨...⟩*)* ⟨...⟩;

⟨...⟩ *звезду, которой, в общем, нет,* ⟨...⟩ *куда. Куда укажет ноготь* [Бродский 1992· II, 232–239][33].

Однажды Бродский пытался объяснить, чем ему "дорог и приятен" Оден. будучи в своем стихосложении традиционалистом, "строфы он как бы и не замечает" [Волков 2000: 140]. В этих словах я усматриваю удачную автохарактеристику: Бродский сам "как бы не замечает" ни строфы, ни стиха вообще. В "Пенье без музыки" на всех уровнях версификации обнаруживаются изоморфные явления: синтаксис становится еще более автономным и от ритмики, и от метрики, и от строфики. Наверное, такую систему организации стиха уместно называть парасинтаксической.

6. Типология и эволюция стихотворного синтаксиса (5-стопный ямб). Мы могли наблюдать, как вследствие планомерного преобразования поэтического языка один за другим выкристаллизовались три способа построения стихотворной речи: "синтаксический", "антисинтаксический" и, наконец, "парасинтаксический" (если принять в расчет стилевые коннотации, то с изрядной долей условности эти три системы можно интерпретировать как "классическую", "романтическую" и "модернистскую"). Тот же процесс, но с точки зрения синтаксиса, представляется его поэтапным освобождением от слогового, строчного и стопного ритма и, сколько возможно, от давления строфы и размера.

В этом не хочется видеть лишь разрозненные языковые факты, лишь особенности чьей-то индивидуальной манеры. Противопоставлению трех ритмико-синтаксических систем я склонен, наряду с типологическим, придавать эволюционное значение. Почему? В том числе, потому, что наметившейся модели развития не противоречит то немногое, что известно об истории русского стихотворного синтаксиса[34]. Но есть и более веские резоны: выявленные закономерности не замыкаются в пространстве 4-стопного ямба. Судя по всему, параллельные тенденции действуют также в других размерах, и чтобы историко-стиховедческие обобщения приобрели искомую достоверность, синтаксис каждого из них должен быть изучен отдельно: ведь каждая стиховая форма имеет собственную грамматику.

Это легко почувствовать, сравнив стихи, отличающиеся размером или рифмовкой. Естественно было бы ожидать, скажем, обратной зависимости между протяженностью строк и силой межстрочных связей· в длинную строку предложение уложить проще, чем в короткую (ср. [Шапир 1999а: 56; 2000б: 163]). Так и есть (по крайней мере, в поэзии "классического" типа): в 4-стопном ямбе "Кавказского пленника" коэффициент синтаксической связанности строк – 16,6; в 5-стопном ямбе "Гавриилиады", написанной в год окончания "Пленника" (1821), строки гораздо более самостоятельны ($\bar{S}$ = 13,6). Существуют и другие зависимости между поэтикой и грамматикой: например, нерифмованные стихи синтаксически связаны теснее рифмованных. Разгадка кроется, я думаю, в том, что рифма – это единственный элемент стихотворной формы, выполняющий, в первую очередь, синтагматические, а не парадигматические функции: стро́ки накрепко прошиты созвучиями (см. [Шапир 2000б: 82–84 др.; 2001а: 19–20]). В белом стихе отсутствие фонетической связанности компенсируется средствами грамматики (ср. [Jarcho 1935: 62 и др.; Ярхо 1984: 167, Акимова, Ляпин 1998: 273–274 примеч. 37]): в сопоставлении с белым 5-стопным ямбом Жуковского или Пушкина их рифмованные строки, тогда же написанные, можно счесть синтаксически изолированными (см. табл. 20).

---

[33] Помимо нейтрализации синтаксических различий между начальным и конечным иктом, общим у стихов I и III формы в "Пенье без музыки" оказывается дальнейшее ослабление внутристрочных связей — не только по сравнению с "Петербургским романом", но также и с "Медным Всадником"

[34] Ср , например "⟨ ⟩ у Ломоносова строки более ⟨ ⟩ замкнуты, а у Пушкина гораздо чаще перебрасываются синтаксическими связями из стиха в стих" [Гаспаров 2001 131, Гаспаров, Скулачева 1999 95]

Таблица 20

Межстрочные грамматические связи в 5-стопном ямбе (XIX—XX вв)

Тип связи	В Жуковский		А Пушкин				Т Кибиров
	"На кончину"	"Тленность"	"Гавриилиада"	"Домик"	"Как счастлив я"	"Вновь я посетил"	"Сортиры"
1	37 6	23 4	23 7	23 5	20 6	6 0	9 4
2	5 9	11 7	3 8	1,9	2 9	–	4 0
3	6 8	8 8	14 7	9 7	5 9	3 0	2 7
4	1 4	3 6	4 8	4 1	2 9	4 5	0 7
5	3 6	–	0 7	0,3	–	–	–
6	1 8	–	0 2	–	–	–	0 1
7	4 1	2 2	2 3	2 4	–	7 5	2 0
8	10 4	4 4	10 1	7 0	8 8	10 4	5 0
9	0 9	–	0 5	1 1	–	1 5	1 3
10	–	–	–	–	–	–	0 1
11	–	–	0 5	0 3	–	–	0 3
12	5 9	0 7	7 3	4 1	5 9	–	1 5
13	1 8	7 3	6 6	6,2	5 9	4 5	4 0
14	2 3	8 0	7 1	10 0	8 8	11 9	14 6
15	2 3	9 5	3 8	5 7	11 8	11 9	11 4
16	13 6	18 2	11 6	21 1	20 6	29 9	27 2
17	1 4	1 5	2 2	2 2	5 9	6 0	6 8
18	0 5	0 7	0 2	0 8	–	1 5	7 8
19	–	–	–	–	–	–	–
20	–	–	–	0 3	–	1 5	1 0
21	–	–	–	–	–	–	0 1
двойные	38 9	47 4	37 7	47,0	38,2	73 1	74 3
сложные	8 5	12 5	8 5	12 9	13 8	20 4	22 1
$\bar{S}$	12 1	16 6	13 6	18 1	18 3	28 0	29 6
Наличие рифмы	+	–	+	+	–	–	+
N	199	120	551	318	29	54	848

Но за вычетом того, что в поэтической грамматике продиктовано особенностями конкретной стихотворной формы, — и в рифмованном, и в нерифмованном 5-стопном ямбе мы сталкиваемся с процессами, которые хорошо знакомы нам по ямбу 4-стопному: эволюция направлена в сторону усиления межстрочных синтаксических связей. На этом пути более длинный стих проходит те же стадии, что и более короткий: в частности, от "синтаксической" системы в "Гавриилиаде" к ее расшатыванию в октавах "Домика в Коломне" (1830). Обе поэмы — это рифмованный 5-стопный ямб, обе продолжают пародийную бурлескную традицию (см. [Шапир 1999б; 2000б· 241—251; 2002]) [35]; но в более поздней поэме связи между стихами прочнее: в 1821 г. $\bar{S} = 13{,}6$; в 1830 г. $\bar{S} = 18{,}3$. Разницу в показателях нельзя списать на специфику строфической формы "Домика в Коломне": в октавах элегии Жуковского "На кончину Ее Величества Королевы Виртембергской" (1819) строки связаны еще слабее, чем в астрофической "Гавриилиаде": у Жуковского $\bar{S} = 12{,}1$.

"Домик в Коломне" отражает "онегинскую" ступень в развитии стихотворного синтаксиса. Так же как в пушкинском романе, здесь возникают целые серии переносов, на что нет и намека в "Гавриилиаде" или в октавах Жуковского. В комической поэме зрелого Пушкина возможны три или даже четыре double-rejet подряд (ср. [Перцов 1994: 291 примеч. 5]):

Скажу, рысакъ! | Парнасскій иноходецъ **14 × 2**
Его не обогналъ бы. | Но Пегасъ **14 × 2**

[35] В тексте "Домика в Коломне" Н В Перцов отметил эротическую реминисценцию из "Гавриилиады" (см [Перцов 1994 293 примеч 14], ср [Шапир 2001б])

Старъ, | зубъ ужъ нѣтъ | Имъ вырытый колоде(цъ)	14 × 2
Изсохъ | Поросъ крапивою Парнассъ ⟨ ⟩	3
Она страдала, хоть была прекрасна	13
И молода, | хоть жизнь ея текла	16 × 2
Въ роскошной нѣгѣ, | хоть была подвластна	(14+16) × 2
Фортуна ей, | хоть мода ей несла	17 × 2
Свой фимiамъ, — | она была несчастна	1

[Пушкин 1833 112, 118—119]

А XXVII октаву переносные конструкции пронизывают насквозь (rejet + три double-rejet + contre-rejet).

⟨ ⟩ Стряпуха, возвратясь изъ бани жаркой,	(8+14) × 2
Слегла | Напрасно чаемъ и виномъ,	13 × 2
И уксусомъ, и мятною припаркой	(15+16) × 2
Ее лечили | Въ ночь предъ Рождествомъ	16 × 2
Она скончалась | Съ бѣдною кухаркой	16 × 2
Онѣ простились | Въ тотъ же день пришли	(13+16) × 2
За ней, и гробъ на Охту отвезли	1

[Пушкин 1833 120]

В поэме есть и три межстрофных переноса, напоминающие многие из онегинских (см. строфы XII—XIII, XVIII—XIX, XXXIV—XXXV)[36]

Синтаксис октав в целом ряде аспектов обличает их структурное родство с "Онегиным" Так же как в романе, в "Домике в Коломне" имеет место несовпадение двух иерархий· строфической и грамматической Формула первой из них — (2+2+2)+2; формула второй — 4+(2+2). Неукоснительно соблюдая правило альтернанса, Пушкин попеременно начинает октавы то с мужского, то женского стиха: *aBaBaBcc* или *AbAbAbCC* Метрически они членятся на шестистишие и двустишие, а синтаксически — распадаются на два четверостишия. в большинстве случаев конец периода попадает на конец 4-й строки. В элегических октавах Жуковского (*AbAbAbCC*) стро-

[36] Автопародийные переклички "Домика" с "Онегиным", в том числе на уровне стиха, уже были предметом пристального филологического разбора (см [Гаспаров, Смирин 1986, Перцов 1994 285]) Но от исследователей ускользнул, вероятно, самый показательный случай "перелицовки" романа в поэме Образно мотивированный "прыжок" через строфу в 3-й главе "Онегина" (⟨ ⟩ *Татьяна прыгъ въ другія сѣни* ⟨ ⟩ *И задыхаясь, на скамью // Упала*) спустя несколько лет отозвался "прыжком через строку' в XXXVI строфе 'Домика в Коломне" (ср. [Измайлов 1971 108—109, Харлап 1980 228, Виленчик 1987]) В этой "октаве вместо положенных восьми строк — семь (пропуск стиха пародирует "пропуск' межстрофной границы)

Предъ зеркальцомъ Параши, чинно сидя,
Кухарка брилась Что съ моей вдовой?
"Ахъ, ахъ!" и шлепнулась Ее увидя,
Та, въ торопяхъ, съ намыленной щекой
Черезъ старуху (вдовью честь обидя),
Прыгнула въ сѣни, прямо на крыльцо,
Да ну **бѣжать**, закрывъ себѣ лицо

[Пушкин 1833 123]

Жирным шрифтом выделены дословные совпадения с "Онегиным" (глава 3, строфа XXXVIII)

⟨ ⟩ и на дворъ
Евгенiй' **"Ахъ!" — и** легче тѣни
Татьяна **прыгъ въ** другія **сѣни**
Съ **крыльца на** дворъ, и **прямо** въ садъ,
Летитъ, летитъ, взглянуть назадъ
Не смѣетъ, мигомъ **обѣжала** ⟨ ⟩

[Пушкин 1837 101—102]

Таблица 21

Структура грамматических связей в октавах элегии Жуковского "На кончину Ее Величества Королевы Виртембергской"

Тип связи	Строки (%)								В среднем
	1	2	3	4	5	6	7	8	
1	25 0	60 0	17 9	29 6	20 0	55 2	34 6	66 7	37 6
2	–	–	7 1	3 7	6 7	–	3 8	29 2	5 9
3	–	12 0	10 7	14 8	3 3	6 9	7 7	–	6 8
4	–	–	–	–	6 7	–	3 8	–	1 4
5	3 1	12 0	–	7 4	3 3	–	3 8	–	3 6
6	3 1	–	3 6	7 4	–	–	–	–	1 8
7	12 5	–	7 1	–	6 7	3 4	–	–	4 1
8	9 4	12 0	10 7	14 8	10 0	6 9	15 4	4 2	10 4
9	–	–	3 6	–	3 3	–	–	–	0 9
10	–	–	–	–	–	–	–	–	–
11	–	–	–	–	–	–	–	–	–
12	3 1	–	7 1	11 1	10 0	3 4	11 5	–	5 9
13	–	–	–	3 7	3 3	–	7 7	–	1 8
14	3 1	4 0	3 6	3 7	3 3	–	–	–	2 3
15	6 3	–	3 6	–	–	6 9	–	–	2 3
16	28 1	–	25 0	3 7	20 0	13 8	11 5	–	13 6
17	3 1	–	–	–	3 3	3 4	–	–	1 4
18	3 1	–	–	–	–	–	–	–	0 5
двойные	68 8	20 0	53 6	40 7	46 7	41 4	23 1	4 2	38 9
сложные	20 0	–	12 0	8 0	12 0	12 0	4 0	–	8 5
S	23 1	4 7	17 3	10 6	17 1	12 2	9 6	1 9	12 1
σ	11 0	7 4	5 2	1 5	5 0	0 1	2 5	10 2	5 4
N	25	25	25	25	25	25	25	24	199

Таблица 22

Структура грамматических связей в октавах "Домика в Коломне" (без строфы XXXVI)

Тип связи	Строки (%)								В среднем
	1	2	3	4	5	6	7	8	
1	11 5	20 9	7 7	31 8	16 3	17 1	11 1	86 8	23 7
2	–	–	–	–	2 3	7 3	2 2	5 3	2 0
3	7 7	4 7	3 8	15 9	20 9	9 8	15 6	2 6	10 1
4	3 8	4 7	3 8	2 3	4 7	9 8	2 2	–	3 9
5	–	2 3	–	–	–	–	–	–	0 3
6	–	–	–	–	–	–	–	–	–
7	3 8	2 3	1 9	–	–	7 3	4 4	–	2 5
8	9 6	7 0	5 8	4 5	9 3	4 9	8 9	–	6 4
9	–	2 3	–	2 3	–	–	–	–	0 6
10	–	–	–	–	–	–	–	–	–
11	–	–	1 9	–	–	–	–	–	0 3
12	3 8	4 7	5 8	6 8	2 3	4 9	2 2	2 6	4 2
13	3 8	14 0	5 8	6 8	4 7	4 9	8 9	2 6	6 4
14	13 5	14 0	13 5	6 8	4 7	14 6	11 1	–	10 1
15	5 8	2 3	11 5	11 4	7 0	2 4	4 4	–	5 9
16	34 6	18 6	28 8	9 1	27 9	14 6	26 7	–	20 9
17	1 9	–	5 8	2 3	–	2 4	4 4	–	2 2
18	–	–	3 8	–	–	–	2 2	–	0 8
19	–	–	–	–	–	–	–	–	–
20	–	2 3	–	–	–	–	–	–	0 3
двойные	63 5	55 8	65 4	29 5	44 2	41 5	53 3	2 6	46 1
сложные	23 1	10 3	25 6	7 7	10 3	5 1	17 9	–	12 5
$\bar{S}$	26 5	18 7	29 1	13 4	16 7	14 6	21 2	1 8	17 8
σ	8 7	0 9	11 3	4 4	1 1	3 2	3 4	16 0	6 1
N	39	39	39	39	39	39	39	38	311

фика лучше согласуется с грамматикой 2+2+2+1+1 — такова синтаксическая схема строфы в стихах 'На кончину Королевы Виртембергской' (см табл 21—22)

Переход к антисинтаксической системе стиха, совершившийся в ряде поздних произведений Пушкина, дает себя знать на материале белого лирического 5-стопного ямба У истоков этой метрико-семантической формы стоял Жуковский с его переводами из И П Гебеля (см [Wachtel 1998 59 и далее]) С самого начала здесь допускалось нагромождение enjambement'ов, непозволительных в рифмованном стихе Ср фрагмент диалога 'Тленность' (1816)

Все въ уголь сожжено, | а наши горы,	(8+14) × 2
Какъ башни старыя, чернѣютъ | вкругъ	15 × 2
Зола, | въ рѣкѣ воды нѣтъ, | только дно	(14+18) × 2
Осталося пустое — мертвый слѣдъ	16 × 2
Давнишняго потока, | и все тихо,	8
Какъ гробъ | Тогда товарищу ты скажешь ⟨ ⟩	3 × 2

[Жуковский 1818 15]

Судя по пародии (Послушай, дедушка, мне каждый раз ', 1818), Пушкина в этом стихе смущали переносы и отсутствие цезуры (ср [Маслов 1917, Модзалевский 1926 444, Булаховский 1954 278]) Но когда в середине 1820-х годов он сам обратился к лирическому белому пятистопнику (поначалу, правда, цезурованному), грамматическая связанность строк у Пушкина сразу оказалась выше, чем у Жуковского в "Тленности" $\bar{S} = 16{,}6$, в стихотворении "Как счастлив я, когда могу покинуть " (1826) $\bar{S} = 18{,}3$

Несмотря на enjambement'ы, у Жуковского 57% строк оканчиваются вместе с концом простого предложения

Я не тужу и ты, какъ я, созрѣешь!	1
Тогда посмотришь, гдѣ я? Нѣтъ меня!	1
Ужь вкругъ моей могилы бродятъ козы!	2
А домикъ между тѣмъ дряхлѣй, дряхлѣй!	2
И дождь его сѣчетъ, и зной палитъ,	4
И тихомолкомъ червь буравитъ стѣны,	4
И въ кровлю течь, и въ щели свищетъ вѣтеръ	2

[Жуковский 1818 5, 7]

В 1826 г таких строк у Пушкина было почти 40% синтаксическая система организации стиха поколебалась, но еще не рухнула А в последнем пушкинском стихотворении этой формы (" Вновь я посетил ', 1835) доля клаузул, совпадающих с границей предложений, опускается до 25% ($\bar{S} = 28{,}0$ — это больше, чем в 'Медном Всаднике) Стихотворение являет собой почти сплошную сеть переносов

⟨ ⟩ Через его неведомые воды	16 × 2
Плывет рыбак и тянет за собой	17 × 2
Убогой невод | По брегам отлогим	16 × 2
Рассеяны деревни — | там за ними	(15+16) × 2
Скривилась мельница, насилу крылья	(8+15+17) × 2
Ворочая при ветре |	
На границе	16 × 2
Владений дедовских, на месте том,	7 × 2
Где в гору подымается дорога,	8 × 2
Изрытая дождями, | три сосны	(14+16) × 2
Стоят — | одна поодаль, | две другие	15 × 2
Друг к дружке близко, — | здесь, | когда их мимо	16 × 2
Я проезжал верхом при свете лунном,	7 × 2
Знакомым шумом шорох их вершин	(14+15+16) × 2

Меня приветствовал | По той дороге	16 × 2
Теперь поехал я и пред собою	16 × 2
Увидел их опять | Они все те же ⟨ ⟩	3

[Пушкин 1948 399—400]

Это стихотворение начинается с переноса и переносом заканчивается *Вновь я посетил // Тот уголок земли, где я провел* ⟨ ⟩, ⟨ ⟩ *Пройдет он мимо вас во мраке ночи // И обо мне вспомянет* [Пушкин 1948 399, 400] (ср [Шапир 1995 23, 40 примеч 20, 2000б 53—54, 72 примеч 24]) Наиболее слабые синтаксические связи en masse здесь передвинуты в середину строки, а отдельные enjambement'ы воспринимаются как автореминисценции ⟨ ⟩ *Через его неведомые воды // Плывет рыбак и тянет за собой // Убогои невод* Ср в "Медном Всаднике" ⟨ . ⟩ *рыболов* ⟨ ⟩ *Бросал в неведомые воды // Свой ветхий невод* ⟨ ⟩ [Пушкин 1978 9—10] Еще пример ⟨ ⟩ *Стоят – одна поодаль, две другие // Друг к дружке близко* ⟨ ⟩ Ср ⟨ ⟩ *Скривились домики, другие // Совсем обрушились* ⟨ ⟩ [Пушкин 1978 18]

Чтобы правильно понять эволюционное содержание этих фактов, не будем упускать из виду, что ' Вновь я посетил " — не единственное лирическое стихотворение позднего Пушкина, которое написано белым 5-стопным ямбом, сотканным чуть не из одних переносов Так же устроен, например, отрывок, посвященный Мицкевичу ("Он между нами жил ", 1834), где межстрочные грамматические связи еще сильнее ($\bar{S} = 31{,}7$)

Он между нами жил	16
Средь племени ему чужого, | злобы	17 × 2
В душе своей к нам не питал, | и мы	14 × 2
Его любили | Мирный, благосклонный,	8 × 2
Он посещал беседы наши | С ним	16 × 2
Делились мы и чистыми мечтами	13 × 2
И песнями | (он вдохновен был свыше	13
И с высока взирал на жизнь) | Нередко ⟨ ⟩	15 × 2

[Пушкин 1948 331]

Не менее любопытно, что такои же вектор, скорее всего, имеет история 6-стопного ямба согласно подсчетам М Л Гаспарова, в этом размере у позднего Пушкина тоже "учащаются анжамбманы" [Gasparov 1995 126] Примечателен комментарий Е Г Эткинда к пушкинскому переводу "Из А Шенье" (1835), где коэффициент связанности очень велик — 29,2

⟨ ⟩ Гнет, ломит древеса, исторженные пни	(12+17) × 2
Высоко громоздит, | его рукой они	(14+17) × 2
В огонь навалены, | он их зажег, | он всходит,	3
Недвижим на костре он в небо взор возводит,	3
Под мышцей палица, | в ногах немейский лев	(14+16) × 2
Разостлан | Дунул ветр, | поднялся свист и рев ⟨ ⟩	3

[Пушкин 1948 382]

По выражению Эткинда, Пушкин "раскачивает" александрийский стих, "пользуясь нечастым для высокого жанра приемом резких переносов ⟨ ⟩ Этого у Шенье нет — его переносы доводят фразу не только до конца полустишия, но и до конца следующего стиха" [Эткинд 1963 295, 1999 497] (ср [Пильщиков 1994а 39]) [37]

[37] Похожим образом в своих переводах Бродскии заострял до гротеска синтаксические узоры Джона Донна [Иванов 1997 196] Порои от передачи техники поэта метафизика, для своего времени порази тельно изобретательнои и новои Бродскии прямо переходит к собственным приемам, позднее им разви тым В ⟨ ⟩ Донновои элегии на смерть леди Маркхэм Бродский ⟨ ⟩ утрирует своиственные ⟨ ⟩ Донну переносы на месте ритмическои границы разрывающеи предложение оказывается предлог выделен

Парасинтаксический 5-стопный ямб зародился чуть позже 4-стопного, но у того же самого поэта. Бродский не раз задавал вопрос, "за что мы все так любим пятистопный ямб", и с охотой отвечал: за "монотонность размера, монотонность звучания" [Волков 2000: 93, ср. 153]. Эту ритмическую "монотонность" в 5-стопных ямбах Бродский, как и в 4-стопных, оттеняет их грамматическим разнообразием синтаксис и тут заявляет о себе как об основном факторе ритма.

В 1960-е годы пятистопники Бродского обычно комбинируют синтаксическую и антисинтаксическую модели стиха:

Трамваи дребезжали в темноту,	3
вагоны громыхали на мосту,	3
постукивали льдины о быки,	3
шуршанье доносилось от реки,	3
на перекрестке пьяница возник,	3
еще плотней я к форточке приник	1

[Бродский 1992, I 165]

"И он ему сказал" | "И он ему	(14+16) × 2
сказал" | "И он сказал". | "И он ответил"	2
"И он сказал " | "И он" | "И он во тьму	(14+16) × 2
воззрился и сказал" | "Слова на ветер"	2
"И он ему сказал" | «Но, так сказать,	8 × 2
сказать "сказал" сказать совсем не то, | что	20 × 2
он сам сказал» | «И он | "к чему влезать	(14+16) × 2
в подробности" | сказал, | все ясно. | Точка»	1

[Бродский 1992, II 112]

Первые признаки нового синтаксического ритма появились на рубеже десятилетий, а самые ранние 5-стопные ямбы, целиком выдерживающие эту стилистику, – "В озерном краю" – датированы 1972-м годом. Стихотворение состоит из графически не выделенных четверостиший *aBBa* и *aBaB*:

В те времена в стране зубных врачей,	7 × 2
чьи дочери выписывают вещи	16 × 2
из Лондона, | чьи стиснутые клещи	14 × 2
вздымают вверх на знамени ничей	(17+18) × 2
Зуб Мудрости, | я, прячущий во рту	17 × 2
развалины почище Парфенона,	8 × 2
шпион, лазутчик, пятая колонна	16 × 2
гнилой цивилизации — в быту	(16+16+16) × 2
профессор красноречия, — я жил	(16+16) × 2
в колледже возле главного из Пресных	18 × 2
Озер, | куда из недорослей местных	(15+16) × 2
был призван для вытягиванья жил	1

[Бродский 1992, II 299]

Средний коэффициент межстрочной синтаксической связанности в этом стихотворении достигает 37,8 ($\bar{S}_1 = 31{,}2$; $\bar{S}_2 = 29{,}0$, $\bar{S}_3 = 38{,}4$; $\bar{S}_4 = 56{,}3$)

У позднего Бродского нет длинных произведений, написанных строфическим 5-стопным ямбом; зато они есть у Тимура Кибирова, который испытал сильное влияние синтаксической системы своего старшего современника. В октавах поэмы

ный ударением и рифмой Результат кажется просто стихами самого Бродского, хотя метр, образы и синтаксическая усложненность Донна переданы точно" [Иванов 1997 196] Вяч Вс Иванов считает, что эти черты синтаксиса у Бродского прежде всего "связаны с продолжением опыта Цветаевой и Боратынского" [Иванов 1997 196]

"Сортиры" (1991) антисинтаксический стих комбинируется с парасинтаксическим Декларативно развивая пародийную поэтику "Домика в Коломне", Кибиров позволяет себе пространные периоды, которых не было у Пушкина и которые были подсказаны строфико-синтаксическими экспериментами Бродского:

64	
И, наконец, сорвав штаны, оставшись	16 × 2
уже в одних носках, уже среди	20 × 2
девичьих ног, уже почти ворвавшись	16 × 2
в промежный мрак, уже на полпути	16 × 2
к мятежным наслаждениям, задравши	(13+17) × 2
ее колени, чуя впереди,	17 × 2
как пишет Цвейг, пурпурную вершину	16 × 2
экстаза, и уже наполовину,	3 × 2
65	
представь себе, читатель! Не суди,	8 × 2
читательница! Я внезапно замер,	8+12
схватив штаны и, прошептав· "Прости,	3 × 2
я скоро!", изумленными глазами	(16+16) × 2
подружки провожаемый, пути	17 × 2
не разбирая, стул с ее трусами	(12+13+17) × 2
и голубым бюстгалтером свалив,	8 × 2
дверь распахнул и выскочил, забыв	15 × 2
66	
закрыть ее, помчался коридором	18
пустым	

[Кибиров 1994: 366]

Кибиров ухитрился дать здесь отсылки сразу к трем поэмам Пушкина: помимо "Домика в Коломне" с его "прыжком через строку", вновь превратившимся в прыжок через строфу (а точней, через две межстрофных границы), автор "Сортиров" перифразирует еще "Графа Нулина" (⟨. .⟩ *накинувъ // Свой пестрый шелковый халатъ // И стулъ въ потемкахъ опрокинувъ* ⟨ ..⟩ [Пушкин 1828: 22]) и, что менее очевидно, петербургскую повесть о бедном Евгении (*Нередко кучерские плети // Его стегали, потому // Что он не разбирал дороги // Уж никогда* ⟨...⟩ [Пушкин 1978: 20])[38].

Цитирование пушкинских переносов из "Онегина" и "Домика в Коломне" проходит ритмико-синтаксическим лейтмотивом через весь текст "Сортиров": ⟨. .⟩ *под рукомойником я выводил // пятно. Меж тем светало. И пробили // часы – не помню сколько. Этот звон* ⟨.. ⟩ [Кибиров 1994: 376] (ср.: *Пробили // Часы урочные: поэтъ // Роняетъ, молча, пистолетъ* ⟨...⟩ [Пушкин 1837: 191])[39]; ⟨...⟩ *но автор удаляется. Ни строчки // уже не выжмешь. И течет река* ⟨...⟩ [Кибиров 1994: 378] (ср.: *Больше ничего // Не выжмешь изъ расказа моего* [Пушкин 1833: 125]); *И, перейдя на ультразвук, она // ворвалась в коридор. В толпе видна* ⟨...⟩ [Кибиров 1994: 360] (ср. в той же позиции заключительного двустишия перед межстрофным переносом: ⟨. .⟩ *Въ ней вкусъ былъ образованный Она // Читала сочиненья Эмина* ⟨...⟩ [Пушкин 1833: 114])[40]. Б В. То-

[38] Не говорю об обороте, который Кибиров заимствовал из стихотворения Пушкина "Нет, я не дорожу мятежным наслажденьм " (1830)

[39] В свою очередь, у Пушкина enjambement остраняет элегическую формулу Баратынского (ср [Пильщиков 1994б 104 примеч 37]) ⟨ ⟩ *Пробьютъ урочные часы* ⟨ ⟩ [Баратынский 1825 103]

[40] В этом Кибиров тоже идет за Бродским *Вот то, что нам с тобой ДАНО // Надолго Навсегда И даже // пускай в неощутимой, но // в материи Почти в пейзаже* [Бродский 1992, II 236, ср 237] Пушкинскую фразу Бродский парцеллирует, но в "Пенье без музыки", как и в "Онегине", за ней следует double-rejet *И здѣсь героя моего* ⟨ ⟩ *Читатель, мы теперь оставимъ, // Надолго навсегда За нимъ // Довольно мы путемъ однимъ // Бродили по свѣту* [Пушкин 1837 278]

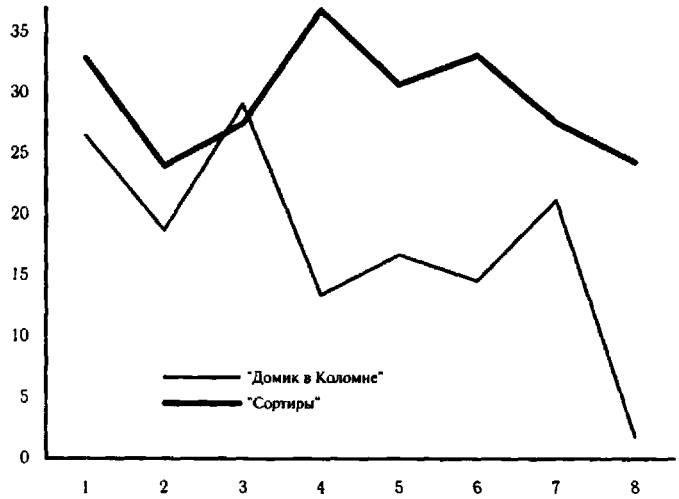

Рис 11 Синтаксический профиль октавы в поэмах Пушкина и Кибирова

машевский подметил, что «почти всеми подражателями "Домика в Коломне"» "был канонизирован" прием "рассечения на стыке стихов имени и отчества действуюших лиц" [Томашевский 1941 304] (.) *Ея сестра двоюродная, Вѣра // Ивановна, супруга Гофъ-Фурьера* [Пушкин 1833: 119]. Не избежал этого и Кибиров, дважды разорвавший имя и отчество, а один раз — имя и фамилию· (.) *жирна // и высока была его Лариса // Геннадиевна Был он белобрысый* (.); (.) *к советскому дичку привил Андрей // Андреич Впрочем, так же, как фарцовку* (...); *Толстый Боря // Чумилин, по прозванию Чума* (..) [Кибиров 1994. 359, 347, 349].

Однако при всей преемственности "Сортиров" по отношению к бурлескной эпике Пушкина поэма Кибирова принадлежит к другому типу поэтического синтаксиса. Межстрочные связи в ней гораздо сильнее: $\bar{S} = 29{,}6$ (а в пушкинском "Домике" — 18,1; см. табл. 20). Синтаксическая структура октавы в "Сортирах" тоже в корне отлична от пушкинской (см. рис. 11 и табл. 23). В поэме Кибирова, где фразы свободно перешагивают через границы строф, хотя бы с одного края разомкнуто 84% октав, а в "Домике" — только 15%. График показывает, что почти на всем протяжении (с 3-го стиха по 7-й) внутристрофные синтаксические кривые в "Сортирах" и "Домике в Коломне" симметричны: там, где у Пушкина — усиление связей, у Кибирова — ослабление, и наоборот. В "Домике" посредине октавы ($\bar{S}_4$) находится самая слабая связь, а в "Сортирах" — самая сильная. Если у Пушкина синтаксис и строфика всего лишь не совпадали, то у Кибирова грамматическое членение строфы (2+6) противоположно метрическому (6+2).

Мощное ритмико-синтаксическое воздействие Бродского, в "Сортирах" только угадываемое, открыто провозглашают "Двадцать сонетов к Саше Запоевой" (1995), само название которых "передразнивает" "Двадцать сонетов к Марии Стюарт" (1974). Если в классическом сонете его строфическое членение так или иначе увязано с грамматическим, то у Бродского стих и грамматика часто существуют в автономном режиме. Наиболее характерен в этом отношении XVII сонет к Марии Стюарт, который от первой до последней строки являет собой единый период[41]. Аналог ему у Кибирова составляет сонет 7, образованный двумя сложными предложениями, разделенными точкой в середине 3-й строки:

[41] В отличие от остальных, этот сонет написан не 5-стопным, а 4-стопным ямбом (исключение составляют лишь 1-я и 4-я строки, имеющие по 5 стоп)

Таблица 23

Структура грамматических связей в октавах поэмы "Сортиры" (без строф 14, 26 и 53)

Тип связи	Строки (%)								В среднем
	1	2	3	4	5	6	7	8	
1	9 4	17 5	7 4	4 9	4 0	5 1	8 0	19 0	9 3
2	1 4	5 0	3 3	2 1	2 4	2 2	6 4	11 1	4 2
3	0 7	4 2	5 0	2 1	1 6	3 7	1 6	3 2	2 7
4	1 4	–	–	0 7	0 8	0 7	0 8	–	0 6
5	–	–	–	–	–	–	–	–	–
6	0 7	–	–	–	–	–	–	–	0 1
7	3 6	2 5	–	0 7	3 2	2 2	3 2	0 8	2 0
8	3 6	1 7	7 4	6 9	4 0	5 9	7 2	2 4	4 9
9	1 4	0 8	–	1 4	3 2	1 5	1 6	–	1 3
10	–	0 8	–	–	–	–	–	–	0 1
11	–	–	0 8	–	–	0 7	–	0 8	0 3
12	2 2	0 8	2 5	0 7	3 2	1 5	0 8	0 8	1 5
13	2 9	4 2	6 6	3 5	6 3	4 4	3 2	1 6	4 1
14	10 9	13 3	14 0	15 3	15 9	16 2	17 6	14 3	14 7
15	10 9	15 0	9 9	11 1	14 3	11 0	11 2	11 9	11 8
16	36 2	23 3	30 6	31 3	23 8	26 5	22 4	20 6	27 0
17	4 3	5 0	2 5	9 7	8 7	8 8	8 8	4 0	6 6
18	9 4	5 0	9 9	8 3	7 9	8 8	5 6	7 1	7 8
19	–	–	–	–	–	–	–	–	–
20	0 7	0 8	–	1 4	0 8	0 7	1 6	2 4	1 1
21	0 7	–	–	–	–	–	–	–	0 1
двоинные	77 5	62 5	75 2	85 4	79 4	81 6	72 0	61 1	74 7
сложные	30 1	13 6	14 6	33 0	18 4	26 2	20 4	19 6	22 0
S	32 9	24 0	27 5	36 8	30 7	33 1	27 6	24 3	29 6
σ	3 3	5 6	2 1	7 2	1 1	3 5	2 0	5 3	3 8
N	103	103	103	103	103	103	103	102	823

Таблица 24

Структура грамматических связей в "Двадцати сонетах к Саше Запоевой"

Тип связи	Строки (%)														Всего
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	
1	26 1	13 6	3 8	8 7	12 0	18 2	8 0	11 1	18 2	18 2	21 7	4 0	12 0	78 9	17 0
2	4 3	9 1	–	8 7	4 0	18 2	4 0	18 5	4 5	–	8 7	12 0	12 0	21 1	8 8
3	–	9 1	7 7	4 3	4 0	4 5	–	3 7	13 6	4 5	8 7	4 0	–	–	4 6
4	–	–	–	–	–	–	8 0	–	–	9 1	–	–	4 0	–	1 5
5	–	–	–	4 3	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	0 3
6	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
7	8 7	–	7 7	8 7	4 0	4 5	8 0	3 7	4 5	–	8 7	–	4 0	–	4 6
8	8 7	13 6	11 5	17 4	16 0	13 6	–	3 7	4 5	4 5	4 3	4 0	12 0	–	8 2
9	–	–	–	–	–	–	4 0	–	–	–	4 3	4 0	–	–	0 9
10	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
11	–	4 5	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	0 3
12	–	9 1	11 5	13 0	4 0	–	8 0	–	4 5	–	–	12 0	–	–	4 6
13	–	9 1	7 7	–	–	4 5	16 0	–	9 1	–	4 3	4 0	–	–	4 0
14	17 4	13 6	3 8	13 0	20 0	9 1	12 0	18 5	22 7	18 2	13 0	16 0	20 0	–	14 3
15	4 3	4 5	7 7	4 3	12 0	4 5	8 0	7 4	–	9 1	4 3	8 0	8 0	–	6 1
16	21 7	9 1	19 2	8 7	16 0	18 2	12 0	18 5	18 2	27 3	8 7	12 0	20 0	–	15 2
17	–	4 5	7 7	8 7	8 0	4 5	12 0	7 4	–	4 5	4 3	12 0	4 0	–	5 8
18	8 7	–	7 7	–	–	–	–	7 4	–	4 5	8 7	8 0	4 0	–	3 6
19	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
20	–	–	3 8	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	0 3
двойные	60 9	59 1	84 6	69 6	76 0	50 0	72 0	66 7	59 1	68 2	52 2	76 0	68 0	–	62 9
сложные	15 0	10 0	25 0	15 0	20 0	10 0	20 0	20 0	10 0	10 0	15 0	25 0	25 0	–	15 8
S	20 1	17 6	30 9	19 6	26 4	16 1	25 8	26 7	18 2	23 1	18 4	28 6	24 5	1 2	21 3
σ	1 2	3 7	9 6	1 7	5 1	5 2	4 5	5 4	3 1	1 8	2 9	7 3	3 2	20 1	5 3
N	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	19	279

Я просыпаюсь оттого, что ты	14 × 2
пытаешься закрасить мне щетину	16
помадою губной И так невинно	13 × 2
и нагло ты хохочешь, так пусты	14 × 2
старанья выбить лживое "Прости,	8 × 2
папулечка!", так громогласно псина	(14+15) × 2
участвует в разборке этой длинной,	4 × 2
и так полны безмозглой чистоты	14 × 2
твои глаза, и так твой мир огромен,	13 × 2
и неожидан, и притом укромен,	4 × 2
и так твой день бескраен и богат,	7 × 2
что даже я, восстав от мутной дремы,	12 × 2
продрав угрюмый и брезгливый взгляд,	(8+14) × 2
не то чтоб счастлив, но чему-то рад	1

[Кибиров 1997 66]

Другие сонеты Кибирова отличаются большей синтаксической дробностью, но нигде минимум связанности не закреплен за границей катренов или терцетов (4+4+ +3+3) $\bar{S}_4 > \bar{S}_2$, $\bar{S}_8 > \bar{S}_5 > \bar{S}_7 > \bar{S}_6$, $\bar{S}_{11} > \bar{S}_9$ (см табл. 24)

Несомненно, что разные ритмико-синтаксические системы сосуществуют, причем не только в контексте эпохи, но и в контексте одного произведения или цикла, как у тех же Бродского и Кибирова. С появлением новых типов организации стиха старые не исчезают, а лишь оказываются потесненными И тем не менее вполне допустимо говорить о р е ф о р м и р о в а н и и поэтического синтаксиса при каждом глобальном расширении синтаксических "горизонтов" ритмико-грамматические аномалии канонизируются Именно по этой причине типологию русского стихотворного синтаксиса мы вправе рассматривать как слепок его эволюции — по крайней мере, на правах исторической гипотезы

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акимова, Ляпин 1998 — Стих и смысл "Медного Всадника" (Обсуждение книги Андрея Белого "Ритм как диалектика' в Государственной академии художественных наук) / Подгот текста, публ , вступ заметка и примеч М В Акимовой и С Е Ляпина // Philologica 1998 Т 5 № 11/13

Баратынский 1825 — [*Е Баратынский*] Елисейские поля // Полярная Звезда на 1825 год СПб , 1825 (Подпись Б)

Баратынский 1826 — *Е Баратынский* Эда, Финляндская повесть, и Пиры, Описательная поэма СПб , 1826

Беглов 1996 — *А Л Беглов* Иосиф Бродский монотония поэтической речи (на материале 4-стопного ямба) // Philologica 1996 Т 3 № 5/7

Белый 1929 — *А Белый* Ритм как диалектика и "Медный Всадник Исслед М , 1929

Брик 1927 — *О М Брик* Ритм и синтаксис (Материалы к изучению стихотворной речи) // Новый леф 1927 № 3—6

Бродский 1992/1994 — *И Бродский* Сочинения СПб , 1992 Т I—II, 1994 Т III

Булаховский 1954 — *Л А Булаховский* Русский литературный язык первой половины XIX века Фонетика, Морфология, Ударение, Синтаксис М , 1954

Булгарин 1826 — [*Ф Булгарин*] // Сев Пчела 1826 16 февр , № 20 (Подпись Ѳ Б) — Рец на кн — Е Баратынский Эда, Финляндская повесть, и Пиры, Описательная поэма СПб , 1826

Виленчик 1987 — *Б Я Виленчик* Прыжок через строку (О XXXVI октаве "Домика в Коломне") // ИАН СЛЯ 1987 Т 46 № 4

Винокур 1941 — *Г Винокур* Слово и стих в "Евгении Онегине // Пушкин Сб ст М , 1941

Волков 2000 — *С Волков* Диалоги с Иосифом Бродским М , 2000

Гаспаров 1981 — *М Л Гаспаров* Ритм и синтаксис происхождение "лесенки' Маяковского // Проблемы структурной лингвистики 1979 М , 1981

Гаспаров 2001 — *М Л Гаспаров* Синтаксическая структура стихотворной строки // Славянский стих Лингвист и прикладная поэтика Материалы междунар конф 23—27 июня 1998 г М , 2001

Гаспаров, Скулачева 1993 — *М Л Гаспаров, Т В Скулачева* Ритм и синтаксис в свободном стихе // Очерки истории языка русской поэзии XX века Грамматич категории, Синтаксис текста М , 1993
Гаспаров, Скулачева 1999 — *М Л Гаспаров, Т В Скулачева* Синтаксис четырехстопного полноударного ямба // Поэтика История литературы Лингвистика Сб к 70-летию Вяч Вс Иванова М , 1999
Гаспаров, Смирин 1986 — *М Л Гаспаров, В М Смирин* "Евгений Онегин' и Домик в Коломне" пародия и самопародия у Пушкина // Тыняновский сборник Вторые Тынян чтения Рига, 1986
Гофман 1919 — *А С Пушкин* Евгений Онегин Роман в стихах / [Ред текста, вступ ст и примеч М Л Гофмана] Пб , 1919
Гроссман 1924 — *Л Гроссман* Онегинская строфа // Пушкин М , 1924 Сб 1
Жуковский 1818 — *В Жуковский* Тленность Разговор на дороге, ведущей в Базель, в виду развалин замка Ретлера, вечером // Für Wenige Для немногих 1818 № III (Без подписи)
Иванов 1997 — *Вяч Вс Иванов* Бродский и метафизическая поэзия // Звезда 1997 № 1
Измайлов 1930 — *Н Измайлов* Из истории замысла и создания "Медного Всадника" // Пушкин и его современники Материалы и исслед Л , 1930 Вып XXXVIII/XXXIX
Измайлов 1971 — *Н В Измайлов* Из истории русской октавы // Поэтика и стилистика русской литературы Памяти акад В В Виноградова Л , 1971
Кибиров 1994 — *Т Кибиров* Сантименты Восемь книг Белгород, 1994
Кибиров 1997 — *Т Кибиров* Парафразис Кн стихов СПб , 1997
Купреянова Медведева 1936 — *Баратынский* Полное собрание стихотворений / Ред и коммент Е Купреяновой и И Медведевой [Л], 1936 Т II
Ломоносов 1952/1959 — *М В Ломоносов* Полное собрание сочинений М , Л , 1952 Т 7, 1959 Т 8
Лотман 1990 — *М Ю Лотман* Ритмическая структура онегинской строфы // Методология и методика историко-литературного исследования Тез докл Рига, 1990
Ляпин 1995 — *С Е Ляпин* О воздействии синтаксиса на ритм стиха (на примере полноударного 4-стопного хорея пушкинских сказок) // Philologica 1995 Т 2 № 3/4
Ляпин 2001 — *С Е Ляпин* Ритмико-синтаксическая структура строфы (к проблеме изучения вертикального ритма русского 4-стопного ямба) // Славянский стих Лингвист и прикладная поэтика Материалы междунар конф 23—27 июня 1998 г М , 2001
Маслов 1917 — *Г Маслов* Новое о стихотворении Пушкина "Послушай, дедушка, мне каждый раз 1818 г // Пушкин и его современники Материалы и исслед Пг , 1917 Вып XXVIII
Матяш 2001 — *С А Матяш* К истории и типологии стихотворного переноса // Славянский стих Лингвист и прикладная поэтика Материалы междунар конф 23—27 июня 1998 г М , 2001
Минаев 1866 — *Д Минаев* Евгений Онегин Роман в стихах(,) сокращенный и исправленный по статьям новейших лже-реалистов Темным Человеком С прил 5 рис работы худож А И Лебедева СПб , 1866
Модзалевский 1926 — *Пушкин* Письма / Под ред и с примеч Б Л Модзалевского Т I 1815—1825 М Л , 1926
Пастернак 1990 — *Б Пастернак* Стихотворения и поэмы В 2 т / Вступ ст В Н Альфонсова, Сост , подгот текста и примеч В С Баевского и Е Б Пастернака Л , 1990 Т 1
Пейсахович 1969 — *М А Пейсахович* Онегинская строфа в поэмах Лермонтова // ФН 1969 № 1
Перцов 1994 — *Н В Перцов* Лингвистические заметки о поэме А С Пушкина "Домик в Коломне // Знак Сб ст по лингвистике, семиотике и поэтике М , 1994
Пильщиков 1994а — *И А Пильщиков* "Я возвращуся к вам, поля моих отцов ' Баратынский и Тибулл // ИАН СЛЯ 1994 Т 53 № 2
Пильщиков 1994б — *И Пильщиков* О французской шалости Баратынского // Труды по русской и славянской филологии Литературоведение Новая сер Тарту, 1994 [Вып] 1
Поспелов 1960 — *Н С Поспелов* Синтаксический строй стихотворных произведений Пушкина М , 1960
Постоутенко 1990 — *К Ю Постоутенко* Пунктуация онегинской строфы (заметки на полях теории стиха Б В Томашевского) // Методология и методика историко-литературного исследования Тез докл Рига, 1990
Постоутенко 1998 — *К Постоутенко* Онегинский текст в русской литературе Pisa, 1998
Пумпянский 1939 — *Л В Пумпянскии* "Медный Всадник" и поэтическая традиция XVIII века // Пушкин Временник Пушк комиссии М , Л , 1939 [Вып] 4/5
Пушкин 1828 — *А Пушкин* Граф Нулин // Две повести в стихах СПб , 1828
Пушкин 1833 — *А Пушкин* Домик в Коломне // Новоселье СПб , 1833
Пушкин 1837 — *А Пушкин* Евгений Онегин Роман в стихах 3-е изд СПб , 1837
Пушкин 1948 — *Пушкин* Полное собрание сочинений Т 3 Стихотворения 1826/1836, Сказки [М , Л], 1948
Пушкин 1978 — *А С Пушкин* Медный Всадник / Изд подгот Н В Измайлов Л , 1978
Рудаков 1979 — *С Б Рудаков* Ритм и стиль "Медного всадника" [1941] // Пушкин Исслед и материалы Л , 1979 Т IX
Скулачева1996 — *Т В Скулачева* Лингвистика стиха Структура стихотворной строки // Славянский стих Стиховедение, лингвистика и поэтика Материалы междунар конф 19—23 июня 1995 г М , 1996
Тарановски 1953 — *К Тарановски* Руски дводелни ритмови I—II Београд, 1953

Тарлинская 2000 — *М Тарлинская* Синтаксис строфы в Евгении Онегине' (анализ по главам) // Philologica 1999/2000 Т 6 № 14/16
Тимофеев 1939 — *Л Тимофеев* Теория стиха М , 1939
Тимофеев 1941 — *Л Тимофеев* "Медный Всадник" Из наблюдений над стихом поэмы // Пушкин Сб ст М , 1941
Тимофеев 1958 — *Л И Тимофеев* Очерки теории и истории русского стиха М , 1958
Тимофеев 1982 — *Л Тимофеев* Слово в стихе М , 1982
Томашевский 1918 — *Б Томашевский* Ритмика 4-х-стопного ямба по наблюдениям над стихом «Евгения Онегина» // Пушкин и его современники Материалы и исслед Пг , 1918 Вып XXIX/XXX
Томашевский 1934 — *Б Томашевский* Десятая глава "Евгения Онегина" История разгадки // Литературное наследство М , 1934 Т 16/18
Томашевский 1941 — *Б Томашевский* Поэтическое наследие Пушкина (лирика и поэмы) // Пушкин (—) родоначальник новой русской литературы Сб науч -исслед работ М , Л , 1941
Томашевский 1956 — *Б В Томашевский* Вопросы языка в творчестве Пушкина // Пушкин Исслед и материалы М , Л , 1956 Т 1
Томашевский 1958 — *Б В Томашевский* Строфика Пушкина // Пушкин Исслед и материалы М , Л , 1958 Т II
Харлап 1980 — *М Харлап* Полемический смысл "Домика в Коломне // ИАН СЛЯ 1980 Т 39 № 3
Цветаева 1994 — *М Цветаева* Собрание сочинений В 7 т Т 2 Стихотворения, Переводы / Сост , подгот текста и коммент А Саакянц и Л Мнухина М , 1994
Цявловский и др 1935 — Рукою Пушкина Несобранные и неопубликованные тексты / Подгот к печати и коммент М А Цявловский, Л Б Модзалевский, Т Г Зенгер М , Л , 1935
Шапир 1990 — *М И Шапир* Metrum et rhythmus sub specie semioticae // Даугава 1990 № 10
Шапир 1995 — *М И Шапир* "Versus vs "prosa" пространство-время поэтического текста // Philologica 1995 Т 2 № 3/4
Шапир 1996 — *М И Шапир* У истоков русского четырехстопного ямба генезис и эволюция ритма (К социолингвистической характеристике стиха раннего Ломоносова) // Philologica 1996 Т 3 № 5/7
Шапир 1998 — *М И Шапир* Феномен Батенькова и проблема мистификации (Лингвостиховедческий аспект 3—5) // Philologica 1998 Т 5 № 11/13
Шапир 1999а — *М И Шапир* Ритм и синтаксис ломоносовской оды (К вопросу об исторической грамматике русского стиха) // Поэтика История литературы Лингвистика Сб к 70-летию Вяч Вс Иванова М , 1999
Шапир 1999б — *М И Шапир* ' Хоть поздно, а вступленье есть' ('Евгении Онегин' и поэтика бурлеска) // ИАН СЛЯ 1999 Т 58 № 3
Шапир 2000а — *М И Шапир* Сон Татьяны ритм — синтаксис — смысл (попутные соображения) // Philologica 1999/2000 Т 6 № 14/16
Шапир 2000б — *М И Шапир* Universum versus Язык — стих — смысл в русской поэзии XVIII—XX веков М , 2000 Кн 1
Шапир 2001а — *М И Шапир* На подступах к общей теории стиха (основные методы и понятия) // Славянский стих Лингвист и прикладная поэтика Материалы междунар конф 23—27 июня 1998 г М , 2001
Шапир 2001б — *М И Шапир* Пушкин и русские заветные сказки (о фольклорных истоках фабулы 'Домика в Коломне) // Пушкинская конференция в Стэнфорде 1999 Материалы и исслед М , 2001
Шапир 2002 — *М И Шапир* Барков и Державин Из истории русского бурлеска // Пушкин А С Тень Баркова Тексты Комментарии Экскурсы / Изд подгот И А Пильщиков и М И Шапир М , 2002
Шевырев 1841 — *С Шевырев* // Москвитянин 1841 Ч V, № 9 — Рец на кн — А Пушкин Сочинения СПб , 1841 Т IX—XI
Шенгели 1921 — *Г Шенгели* Трактат о русском стихе Ч I Органическая метрика Одесса, 1921
Эткинд 1963 — *Е Эткинд* Поэзия и перевод М , Л , 1963
Эткинд 1999 — *Е Г Эткинд* Божественный глагол Пушкин, прочит в России и во Франции М , 1999
Якушкин 1884 — *В Е Якушкин* Рукописи Александра Сергеевича Пушкина, хранящиеся в Румянцовском музее в Москве // Рус старина 1884 Т XLII, кн V
Ярхо 1984 — *Б И Ярхо* Соотношение форм в русской частушке // Проблемы теории стиха Л , 1984
Ярхо 2000 — *Б И Ярхо* Комедии и трагедии Корнеля (Этюд по теории жанра) / Подгот текста, публ и примеч М В Акимовой // Philologica 1999/2000 Т 6 № 14/16
Gasparov 1995 — *M L Gasparov* Синтаксис пушкинского шестистопного ямба // The language and verse of Russia In honor of D S Worth On his 65th birthday M , 1995
Jarcho 1935 — *B J Jarcho* Organische Struktur des russischen Schnaderhupfels (Častuška) Mit Ausblicken auf das deutsche Schnaderhüpfel) // Germanoslavica 1935 Ht 1/2
Smith 1999 — *G Smith* "Singing without music // Joseph Brodsky The art of a poem Basingstoke, 1999
Wachtel 1998 — *M Wachtel* The development of Russian verse Meter and its meanings Cambridge, 1998

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 3 2003

© 2003 г. Э. М. БЕРЕГОВСКАЯ

СИСТЕМА СИНТАКСИЧЕСКИХ ФИГУР: К ПРОБЛЕМЕ ГРАДАЦИИ

Градуирование относится к константам человеческого сознания нельзя не согласиться с Э Сепиром, который утверждает, что "градуирование как психологический процесс предшествует измерению и счету" [Сепир 1985· 43] Именно этим его свойством объясняется, по-видимому, широкая известность основанной на нем синтаксической фигуры градации, совершенно непропорциональная ее сравнительно небольшой употребительности Эту фигуру знают все и упоминают всегда и всюду, где речь заходит о фигурах Статьи "антанаклаза" или "гомеотелевт" не найдешь в подробном "Поэтическом словаре" А П Квятковского [Квятковский 1966] или в "Экспериментальном системном толковом словаре стилистических терминов" С Е Никитиной и Н В Васильевой [Никитина, Васильева 1996], хотя эти интересные синтаксические фигуры не менее частотны в художественной речи, чем градация А градацию включают не только во все словари по поэтике и пособия по стилистике и риторике, даже такие, где из всего богатства фигур, доставшихся нам в наследство от античности, приводится всего 10–15 (например [Волков 1996, Reboul 1991]), но и в общие энциклопедические словари, не говоря уже о том, что имеется ряд монографических трудов, специально посвященных градации [Медведева 1972; Шейгал 1990, Горшкова 1995, Колесникова 1996][1] Анализ этой фигуры на нынешнем филологическом уровне затрагивает ряд смежных проблем· проблему градуальности признака, проблему однородных членов, проблему вторичной номинации Мы остановимся на двух менее изученных аспектах градация в тексте и градация как универсалия

Из многочисленных имеющихся определений градации возьмем в качестве опоры определение Ц Тодорова как наиболее отражающее подход современной лингвистики к исконно риторическим концептам, которые она усвоила "Градация – последовательность синтаксически эквивалентных членов (по меньшей мере трех), обладающих одной или несколькими общими семами, одна из которых повторяется с количественными изменениями" [Ducrot, Todorov 1972 354] Следует, однако, отметить, что и оно не охватывает все случаи реализации этой фигуры Изучение градации приводит к вычленению среди относящихся к ней речевых рядов тех, в которых нарастание носит не столько семантический, сколько функционально-стилистический характер *Кляча воду возит, лошадь пашет, конь под седлом* (пословица),

оркестр не заиграл и даже не грянул, и даже не хватил а именно по омерзительному выражению кота, урезал какой-то невероятный марш (М Булгаков)

А.П Сковородников справедливо отмечает, что "градационный эффект может достигаться не только и даже не столько за счет лексической семантики сопоставляемых в градационном ряде слов, сколько за счет их грамматических и словообразовательных трансформаций" [Сковородников 1998 113] Это хорошо видно в двух следующих примерах – стихотворном из "Поэтов" Бориса Слуцкого (*Мы как белые журавли / или как тасманийские волки / или как пейзажи на Волге / Нас сводили сводят, свели*) и прозаическом из романа "Жизнь и судьба" В Гроссмана (– *Вот по-*

[1] Обзор работ, посвященных исследованию градации в русистике, см [Щербаков 2000]

нимаешь, – говорил он, – те, кто звонили каждый день, стали позванивать, а те, кто позванивал, вообще перестали звонить).

Можно еще добавить, что иногда такой градационный ряд строится на основе чисто количественной – нарастание превращается в "прирастание", происходит за счет увеличения объема слов, за счет длины означающего, как в старой русской детской считалке:

Жили-были три китайца – И женился Як на Ципе,
Як, Як-Цедрак, Як-Цедрак-Цедрон. Як-Цедрак на Ципе-Дрипе,
И три веселых китаянки – Як-Цедрак-Цедрон
Ципа, Ципа-Дрипа, Ципа-Дрипа-Дрон. На Ципе-Дрипе-Дрон <...>

Здесь количественные изменения имеют скорее ритмический характер.

С другой стороны, анализ случаев, традиционно относимых к градации (вроде знаменитого сообщения Юлия Цезаря о победе: *veni, vidi, vici*), позволяет уточнить, что иногда основой градации является не семантическое градуирование с усилением или ослаблением признака, а фазисность. Процесс постепенного продвижения к цели расчленяется на отдельные фазы, в которых четко выделяются начало, середина и конец, как это происходит в следующих разнохарактерных примерах:

Холодное выдалось лето: A Marseille, on fait les bouteilles,
Угрюма небесная ртуть. A Versaille, on les empaille,
Но – A Toulon, on met les bouchons,
хватит и жара, и света: A Paris, on les emplit,
Увидеть, рвануться, прильнуть A Savoie, on les boit.
(Т. Бек) (считалка)

Marius revient des chasses en Afrique et il en raconte. "T'en as eu des émotions: voir de vrais tigres, les viser, les toucher", dit Olive. Marius rétorque: "Mais il y en a une encore plus grande: les voir, les tirer, les rater..." (анекдот)

Этот тип градации, основанной на фазисности, мы назвали векторной градацией, показав, как убедительно накладывается на нее хроногенетическая теория Г. Гийома [Береговская 1992: 126–127]. Если градация с нарастанием или ослаблением признака или увеличением–уменьшением объема может быть обозначена схемами □, □, □ и □, □, □, то векторную градацию можно так изобразить схематически: |→→→→|[2].

Фазисность как потенциальная возможность формирования градации не менее существенна, чем гипонимия и прочие виды градуирования, и должна быть поэтому введена в определение.

Градация и текст. Из собранного корпуса в 500 примеров законченные самодостаточные тексты составляют всего лишь около 22%. Это пословицы, загадки, рекламные слоганы, афоризмы, ходячие шутки, анекдоты, стихотворные и прозаические миниатюры.

Контекстом, в котором реализуется градация, может быть диалогическое единство, как, например, у Ч. Диккенса, где нисходящая градация, составленная из реплик разных персонажей, придает тексту комическую избыточность: "*Fledgeby has not heard of anything*". "*No, there's not a word of news*," *says Lemmle*. "*Not a particle*", *adds Boots*. "*Not an atom*", *chimes in Brewer*.

---

[2] М.И. Тарасов предлагает интересный взгляд на градацию такого рода: он представляет ее результатом трансформации исходных когнитивных фреймов. А фразу Юлия Цезаря трактует как свернутый текст, составленный из одних только предикатов, лишенных всех своих актантов [Тарасов 2001: 89–91].

Комическую окраску имеет нисходящая градация и в диалогическом единстве Т. Толстой благодаря оригинальному строительному материалу, из которого она создана, – этимологизированным антропонимам, в которых оживляется внутренняя форма, так называемому "значащему имени": *А какие у него замечательные знакомые... Игнатий Кириллович, тестознатец. Или эта балерина, к которой он ходит, – Дольцева-Еланская... / – Это, конечно, сценический псевдоним, – качает ногой Филин, любуясь потолком. – в девичестве Собакина, Ольга Иеронимовна. По первому мужу – Кошкина, по второму – Мышкина. Так сказать, игра на понижение.*

Но чаще всего градация реализуется в тексте в пределах одной фразы, как правило, синсемантичной: *Its shrill, sharp, piercing voice resounded through the house (Ch. Dickens). Прохожий на улице поскользнулся на арбузной корке. Если он обыкновенный человек – это юмор, если директор магазина "Овощи-фрукты" – это сатира, а если министр овощехранилищ – это уже зубоскальство* (Л. Измайлов).

Довольно часто градация реализуется в рамках абзаца, как в статье Ю. Васильева о шахматах: *Вы заметили, читатель, сколь высока цена выбора в этой игре? Сделал ход одним конем – чемпионом становится соперник. Сделал ход другим конем – чемпион ты ... Один ход – и результат партии другой. Один ход – и результат матча другой. Один ход – и история шахмат другая.* Или как в повести С. Довлатова "Заповедник": *В Ленинграде к его сочинениям отнеслись прохладно. Стереотипы здесь были повыше. Полная бездарность не оплачивалась. Талант настораживал. Гениальность порождала ужас.*

Как и следовало ожидать, доминирует в нашем материале трехэлементная градация (это видно и по уже приведенным примерам). Нередко встречается и текст с компактной четырехэлементной градацией, например, ироническая миниатюра Юрия Базылева, которая составлена из "размороженных" фразеологизмов и кончается скептическим риторическим вопросом, предполагающим ответ "ничего хорошего": *Варфоломеевская ночь, утро стрелецкой казни, последний день Помпеи... А что же на вечер?* Гораздо больший раритет представляет собой (особенно в прозе) пятиэлементная градация, подобная тексту в тексте новеллы Марины Палей "Кабирия с Обводного канала": *Я не знала, чем защитить себя от смерти. Мысленно принялась за письмо: "Любимый, я всю мою жизнь, оказывается, сначала – летела к тебе, потом приземлилась и побежала к тебе, потом устала и пошла к тебе, потом обессилела и поползла к тебе, а теперь, на последнем вдохе, – тянусь к тебе лишь кончиками пальцев".*

Интересной особенностью многочленных градаций являются "нулевые места" – те позиции, где градация не прогрессирует, а останавливается или даже делает едва заметный шаг назад. Это происходит, как правило, не с логической градацией, которая опирается на общелогическую понятийную базу, на лингвистически готовый материал, а с градацией риторической, которая опирается на понятийную базу, имеющую индивидуально-избирательный характер, на созданную по воле автора гамму переходов [Федорова 1992: 32, 35]. Короткая "пробуксовка" в движении градационного ряда возможна только, если общее направление этого движения обозначено достаточно четко. Такой случай мы видим в градации из поэмы А.Т. Твардовского "Страна Муравия". Тут нисходящая градация интенсивно прогрессирует от объектов большой величины ("за стог") к малым и даже отрицательным, виртуальным величинам ("за тень от избы", "и за просто, и за так"), передавая накипевшее возмущение крестьянина-труженика, которого душат налогами:

– А кто платил,
Когда я не платил?
За каждый стог,
Что в поле метал,
За каждый рог,
Что в хлеву держал,
За каждый воз,
Что с поля привез,
За кошачий хвост,
За собачий хвост,
За тень от избы,
За дым от трубы,
За свет и за мрак,
И за просто, и за так...

В.Г. Гак констатирует, что "интенсивность достигается двумя средствами: качеством и количеством. Качественная интенсивность заключается в выборе более сильного слова из ряда синонимов, количественная – в повторении слова, имеющего эмоционально-оценочное значение. Нередко оба приема используются совместно: повтор элементов комбинируется с их вариацией и даже градацией" [Гак 1997: 89]. В приведенном отрывке перед нами именно такой случай. Остановка или чуть заметное движение вспять в развитии градационного ряда компенсируется двумя метонимическими повторами, так что в росте экспрессии остановки нет.

Градация представляет собой очень прочный архитектонический каркас, который прекрасно "держит" целый текст. По прочности эту ажурную конструкцию можно сравнить с синтаксическим параллелизмом и полисиндетоном.

Организованный с помощью градации целый текст обнаруживает большое разнообразие форм и стилистических тональностей. Это может быть небольшая гнома – поэтическая миниатюра философского характера. Примером является катрен Ф. Шиллера, в котором он утверждает, что человек, цепляющийся за свои иллюзии и ошибки, страшнее и опаснее дикого зверя. Поэт выстраивает восходящую градацию "лев – тигр – человек", в основе которой лежит сугубо субъективное восприятие градуальности трех членов ряда с избранной точки зрения:

Gefährlich ist" s, den Leu zu wecken,
Verderblich ist des Tigers Zahn;
Jedoch der schrecklichste der Schrecken,
Das ist der Mensch in seinem Wahn.

Приводимый ниже образчик немецкой конкретной поэзии, построенный на пятичленной гипонимической градации с эффектом обманутого ожидания в конце, окрашен едва ощутимой иронией:

bibliothek
die vielen buchstaben
die nicht aus ihren wörtern können

die vielen wörter
die nicht aus ihren sätzen können

die vielen sätze
die nicht aus ihren texten können

die vielen texte
die nicht aus ihren büchern können

die vielen bücher
mit dem vielen staub darauf

die gute putzfrau
mit dem staubwedel

(E. Jandl)

Иногда градация составляет основу лирических текстов ступенчатого построения с сужением. Более всего такие ступенчатые построения характерны для фольклорной лирической песни [Соколов 1965: 387–389]. Ступенчатую структуру с нисходящей градацией охотно принимают и малые фольклорные формы – потешки, пословицы, загадки. Приведем для иллюстрации русскую загадку, в которой зашифрован "год":

Стоит дуб, на дубу двенадцать ветвей, на каждой ветке по четыре отростка, на каждом отростке по семи прутьев.

Из фольклора ступенчатое построение с сужением легко переходит в авторскую поэзию. Такая градация наблюдается, например, в созерцательном и слегка ироничном стихотворении Д. Самойлова на вечную тему о том, сколь необходимы тонны руды для появления одного грана поэзии и как даже наличие тонн руды не гарантирует появление этого грана, потому что истинная поэзия – материя очень хрупкая. А необходимый конгломерат руды в оригинальной трактовке Самойлова составляют поэзия второго и третьего ряда, непрофессиональный суррогат поэзии и тяга к поэзии огромного количества людей, лишенных поэтического дара:

В этот час гений
садится писать стихи.

В этот час сто талантов
садятся писать стихи.

В этот час тыща профессионалов
садятся писать стихи.

В этот час сто тыщ графоманов
садятся писать стихи.

В этот час миллион одиноких девиц
садятся писать стихи.

В этот час десять миллионов влюбленных юнцов
садятся писать стихи.

В результате этого грандиозного мероприятия
Рождается одно стихотворение.
Или гений, зачеркнув написанное,
Отправляется в гости.

Среди прозаических текстуальных форм, основу которых составляет градация, самой выигрышной является афоризм. Здесь градация воспринимается наиболее четко и рельефно, даже когда это парадоксальная градация: *Vous avez trois sortes d'amis: vos amis qui vous aiment, vos amis qui ne se soucient pas de vous et vos amis qui vous haïssent* (N. Chamfort).

Из фольклорных прозаических жанров, способных воспринять развернутую градацию как композиционную основу целого текста, назовем анекдот. В приводимом ниже французском "градационном" анекдоте комический эффект усиливается нарочито организованной ретардацией. Каждая ступень нисходящей градации подвергается отрицанию, и только после этого следует переход к следующей ступени, что в конце концов приводит к полному абсурду: *"Chéri, il faut dire au petit comment on donne la vie. Il a déjà dix-neuf ans!" "Oui, ma chérie! Je vais lui expliquer ça en parlant des chiens et des chats". "Oh non! Pas les chiens et les chats! Ce serait une révélation trop violente". "Bien alors, je vais lui parler des oiseaux". "Non! Pas les oiseaux! Ça risquerait de le traumatiser pour toujours". "Bien... euh... alors, je vais essayer avec les fleurs". "Oui, je crois que c'est mieux... Et même ce serait plus prudent de commencer par les fleurs artificielles"*.

Говоря о прозаических произведениях, целиком построенных на градационной основе, нельзя не упомянуть уникальный в своем роде текст Виктора Шендеровича "Гипнотизер и пациент". Это единственный известный нам драматургический образчик среди целостных градационных текстов. Уникальность данного случая заключается еще и в том, что весь текст состоит в сущности из двух градационных рядов, в которых первой ступенью являются антонимы *хорошо* и *плохо*. Кроме этих полнозначных ключевых слов, в тексте используются интенсификаторы, образующие ос-

тальные градонимы, и шифтеры (*вам*, *мне*, *это*, *поздно*, *будет*, *стало*). В качестве интенсификаторов фигурируют не только лексемы, образующие сравнительную и превосходную степень (*лучше*, *еще лучше*, *сильно лучше*, *так хорошо*, *что вы даже не подозреваете*; *очень плохо*, *жуть как плохо*, *совсем плохо*), но и графоны, передающие интенсивность интонации (*хорошо-о*, *хорошо-о-о*), и знаки препинания, выполняющие ту же функцию (многоточие, восклицательный знак). Название позволяет читателю сразу войти в ситуацию действия и оценить грустный юмор этой сценки с ее внятным политическим подтекстом:

Гипнотизер: – *Вам хорошо-о...*
Пациент: – *Плохо мне.*
Гипнотизер: – *Вам хорошо, хорошо-о-о.*
Пациент: – *Очень плохо.*
Гипнотизер: – *Это вам кажется, что плохо, а вам – хорошо-о-о...*
Пациент: – *Это вам хорошо-о-о, а мне жуть как плохо!*
Гипнотизер: – *Вам так хорошо, что вы даже не подозреваете...*
Пациент: – *Совсем плохо стало.*
Гипнотизер: – *Стало хорошо, будет еще лучше.*
Пациент: – *Ой, только не надо еще лучше, только не это!*
Гипнотизер: – *Поздно. Будет лучше. Сильно лучше будет.*

Эта сценка, рисующая маленького человека, который боится, чтобы стало лучше, потому что уверен, что всякое обещанное улучшение обязательно обернется ухудшением (его уже столько раз обманывали!), – вся она абсурдна и реалистична одновременно. Удаление из этого текста градонимов не просто обеднит его или лишит юмористического эффекта – оно его полностью уничтожит.

Построение градационного ряда в художественном тексте носит ярко выраженный индивидуальный характер. Авторы не только поэтических, но и прозаических текстов чаще всего выстраивают эту фигуру как субъективно ранжированную риторическую, а не строго логическую градацию. Именно так, к примеру, составляет свою градацию, опираясь на городской фольклор, В. Гроссман: "*Как известно, ученые у нас распределяются по категориям – величайший, великий, знаменитый, выдающийся, наконец, старейший*" (роман "Жизнь и судьба"). Градонимы здесь произвольно отобраны и произвольно расположены в порядке убывания семы "известность". Они образуют нисходящую градацию, гротескный характер которой заключается как в самом факте такого градуирования, в самой идее выстраивать ученых для распределения благ, руководствуясь подобным критерием, так и в том, что нижнюю ступень градации составляет эпитет "старейший", в семантический объем которого сема "известность" привносится искусственно. Собственно говоря, мы имеем здесь типичный батос – разновидность градации, которая заканчивается эффектом обманутого ожидания [Ricalens-Pourchot 1998: 28].

Даже если два автора строят градационный ряд, обращаясь к готовому лингвистическому материалу, опираясь на логическую общепонятийную базу, результат получается совершенно неадекватный, потому что они по-разному строят свою модель мира, у них неодинаковое метафорическое зрение. Это хорошо видно при сравнении двух философских стихотворений – стихотворения Ж. Превера "Quand la vie..." и "L'enseignement" Э. Базена:

Quand la vie est une forêt
Chaque jour est un arbre
Quand la vie est un arbre
Chaque jour est une branche
Quand la vie est une branche
Chaque jour est une feuille <...>

Ce que 'en souhaite
Enfeuillerait tout un arbre,
Ce qu j' en sais
N'est déjà plus que branche,
Ce que j' en dis
S'est réduit à la pomme,

Ce qui s'en garde
Ce n'est plus qu'un pépin...

Mais le pépin, parfois
Peut refaire un arbre

Оба поэта берут близкие гипонимические градационные ряды ("лес – дерево – ветка – лист" и "дерево – ветка – яблоко – семечко"), но вкладывают в них совершенно разное содержание. Превер образно развивает мысль о том, что чем значительнее, крупнее жизненная цель, которую ставит перед собой человек, тем значительнее, полнее, содержательнее каждый отдельный день его жизни. А Базен горько сетует, что желая кого-то чему-то научить, часто идешь от разочарования к разочарованию: хотелось бы сделать так много – как много листьев на дереве, а выходит совсем мало – результат сравним разве что с яблочным семечком. Неожиданное для читателя возвращение к первой ступени градации придает стихотворению оптимистическое, мажорное звучание: семечка иногда достаточно, чтобы вырастить новое дерево.

В некоторых текстах развиваются два связанных по смыслу градационных ряда. Такие случаи уже были среди рассмотренных примеров – "L'enseignement" Базена, стихотворение Самойлова "В этот час...". Мы будем называть подобного рода градации сдвоенными. Изредка сдвоенные градации строятся по последовательной схеме □ □ □ ■ ■ ■

Но даже эта скорбь не тяжела.
От унижений, ужасов, увечий
Я не погибла, нет, я ***дожила,***
Дожаждалась, дошла до нашей встречи. (М. Петровых)

Гораздо чаще сдвоенные градации строятся по параллельной схеме. Здесь возможны четыре модели:

A восходящая // восходящая □ ■ □ ■ □ ■:
Кто-то сказал, и это стало крылатой фразой:
"Дни ***идут****, месяцы* ***бегут****, а годы* ***летят****".* (Вл. Попов)

B нисходящая // нисходящая □ ■ □ ■ □ ■:
Вышел ***генерал*** *и встряхнулся, за ним* ***полковник****, поправляя руками*
султан на своей шляпе. Потом соскочил с дрожек толстый ***майор****, держа под-*
мышкою саблю. Потом выпрыгнули из бонвояжа тоненькие
подпоручики *с сидевшим на руках* ***прапорщиком*** *...* (Н. Гоголь)

C восходящая // нисходящая □ ■ □ ■ □ ■:
An apple in the morning is ***golden****,*
An apple at the noon, is ***silvern****,*
An apple at the night is ***leaden****.* (пословица)

D нисходящая // восходящая □ ■ □ ■ □ ■:
Guérir ***parfois****, soulager* ***souvent****, consoler* ***toujours****.* (A. Soubiran)

Из приведенных примеров ясно, что сдвоенная градация несет усиленный эмоциональный заряд. Градация легко сочетается в тексте с другими синтаксическими фигурами, образуя синтаксические конвергенции.

В.Я. Лакшин, по свидетельству Ю. Оклянского, разыгрывал в лицах прибаутку, принадлежащую его битому судьбой деду, прибаутку, в которой градация в пределах одной фразы сплетается с цепным повтором, синтаксическим параллелизмом и по-

липтотом (употреблением слова в разных грамматических формах): *Подумал – не говори, сказал – не пиши, написал – не печатай, а напечатал – беги!*

В рассказе В. Токаревой "Ничего особенного" градация вступает в конвергенцию с парцелляцией, маркируя несобственно-прямую речь: *Инна остановилась и внимательно посмотрела на Адама. Она тоже ничего не хотела ждать. Она хотела быть счастлива сегодня. Сейчас. Сию минуту.*

А в горьком стихотворении Раисы Ипатовой восходящая градация сплавляется с синтаксическим параллелизмом, гомеотелевтом (повтором суффикса и / или окончания в ряду однородных членов), симплокой (повтором срединной части стиха) и антанаклазой (повтором, при котором меняется значение слова):

В юности:
долго идешь к себе.
В зрелости:
долго идешь к людям.
В старости:
долго идешь к двери –
Редкого гостя впустить.

По нашим наблюдениям, в синтаксических конвергенциях с градацией участвуют синтаксический параллелизм, простой повтор, анафора, симплока, деривационный повтор, цепной повтор, антитеза, гомеотелевт, антанаклаза и парцелляция. Все эти фигуры, за исключением трех последних, вообще являются как бы постоянными членами всяческих конвергенций с любыми другими фигурами.

Градация как универсалия. Все синтаксические фигуры представляют собой универсалии (в смысле Якобсона), но о градации можно сказать, что это универсалия универсалий. Для такого утверждения есть несколько оснований. Не только все языки имеют в своем арсенале этот стилистический прием, но в реализации этого приема разные языки, в том числе и языки разного типа, не обнаруживают никаких расхождений.

Во многих случаях, когда градация используется для осуществления людической функции, в частности, как комическая трансформация известных речений, разные авторы на разных языках разрабатывают один и тот же источник. Вот, например, какие вариации порождает упомянутое выше изречение Юлия Цезаря *veni, vidi, vici*:

Ich kam, sah und sang "Пришел, увидел и запел"
(немецкое граффити)
Je suis venu, j'ai vu et j'ai cru "Пришел, увидел и уверовал"
(граффити на стене Сорбонны в мае 1968 г.)
Пришел, увидел, побелил (надпись на значке).
Спецназ: увидел – уничтожил – ушел.
(заголовок статьи в газете "Аргументы и факты")
Увидел. Записал. Посмотрел.
(реклама видеокамеры Sony Handycam Vision)

Пришел, увидел, наследил...
И вот следы его матерые
Обнюхивают, что есть сил
ну те, борзые, ну которые
словами пишут о словах
и этим самым, значит, кормятся... <...>
(Е. Иванова "Великий")

Он знает, где зимуют раки,
Как кошки, видит все во мраке,
И, чуя носом капитал,
Пришел, увидел и украл.
(эпиграмма Д. Минаева)

– Пришел, увидел, победил! –
Так раньше Цезарь говорил.
А я сказать вам принужден:
– Пришел, увидел, побежден.
(студенческий фольклор)

Градация универсальна еще и потому, что существует почти во всех функциональных стилях. С гипонимической градацией человек сталкивается в документах, которые связывают его с другими членами общества и с государством, например, в почтовых адресах, причем здесь градация отражает не только традиции, существующие в том или ином социально-языковом сообществе, но и степень демократичности данного строя. В государстве, где личность самоценна и ее права уважаются, адрес строится как восходящая градация: адресат – улица и номер дома – населенный пункт – страна. В нашем государстве, где на людей почти целый век смотрели как на "колесики и винтики", адрес до недавнего времени строился по формуле нисходящей градации: государство – населенный пункт – улица и номер дома – адресат. Но в этом случае градация участвует лишь как логическая модель построения текста с этической составляющей. Градацию как синтаксическую фигуру, для которой обязательна эстетическая интенция, можно встретить в лирике, в судебной речи и газетной статье, в научном труде и научно-популярной книжке, в рекламе и разных фольклорных жанрах – в пословице, потешке, считалке, загадке, ходячей шутке, анекдоте, наконец, в разговорной речи. Несколько примеров в дополнение к тем, что уже приводились в нашей статье:

научный стиль

"Огненный столп" – книга классического значения. В ней прекрасны каждая страница, строка и слово. (В. Пяст)

научно-популярный подстиль

Один всемирно известный энтомолог заслужено прославился тем, что почти 70 лет сознательной жизни отдал изучению насекомых, и не всего в целом мира шестиногих, даже не какого-нибудь надотряда или отряда, даже не какого-нибудь семейства или рода, даже не вида в целом. Предметом исследования он сделал лишь одно жизненное свойство взрослого насекомого – медоносной пчелы (Е. Васильева, И. Халифман).

публицистический стиль

... я рад, что ты недвусмысленно определил понятие "либерализм", которое затрепано, заплевано, замучено уж до полной неопределенности (С. Рассадин Д. Урнову. Диалог недели в "Литературной газете").

мемуары

Хлебом, хлебом единым, единой царицей Пайкой дышали здесь все живые, полуживые и даже совсем умирающие (Е. Гинзбург)

реклама

Dubo... Dubon... Dubonnet.

(В этом французском слогане, рекламирующем минеральную воду, градация усиливается омофонами с каламбуром: Dubo = du beau, "прекрасное"; Dubon = du bon, "хорошее").

разговорный стиль

Я нашел работу: ухаживаю в виварии за мышами. Мне сказали, что тут есть перспективы роста. Яша комментирует это так: "Папа сейчас ухаживает за мышами, потом будет ухаживать за обезьянами и, наконец, ему доверят ухаживать за слоном (из частного письма).

Пятилетняя Ира обнимает маму:

– Мамочка моя дорогая – золотая, серебряная и бронзовая!

Наиболее универсальными формами градации являются нумерическая градация, градация на основе гипонимии и градация на основе антонимии.

Нумерическая градация строится, как правило, либо на числах из первого десятка, либо на круглых и соразмерных числах:

Oeuf d'une heure, pain d'un an, maîtresse de quinze, ami de trente (пословица).

Одна рюмка водки сокращает жизнь на 2 часа, одна сигарета – на 4 часа, а один рабочий день – на 8 часов (ходячая шутка).

Ср. еще: *How many sympathetic souls can you reckon in the world? One in ten – one in a hundred – one in a thousand – one in ten thousand?* (J. Conrad); *A vingt ans, l'homme a le visage que lui a donné Dieu. A quaranté, il a celui que la vie lui a façonné, et à soixante ans le visage que lui ont mérité ses qualités, ses vertus et ses vices* (A. Schweitzer); *On s'étudie trois semaines, on s'aime trois mois, on se dispute trois ans, on se tolère trente ans et les enfants recommencent* (H. Taine).

Нумерическая градация может быть рупором, который усиливает звучание высокого гражданского пафоса, как в следующих отрывках из Э. Ростана и В. Гюго:

On tue un homme, on est un assassin. On tue des millions d'hommes, on est un conquérant. On les tue tous, on est un dieu. (E. Rostand)

Si l'on n'est plus que mille, eh bien, j'en suis!
Si même ils ne sont plus que cent, je brave encore Sylla,
S'il en demeure dix, je serai le dixième;
Et s'il n'en reste qu'un, je serai celui-là! (V. Hugo)

Но чаще она используется как средство создания комического эффекта: *Мимо основной массы Америки прошли восхитительные крайности культуры. В том числе – культуры еды. Когда американец хочет поесть, он берет хот-дог, когда хочет поесть хорошо – два хот-дога, когда роскошно – три.* (П. Вайль, А. Генис); *Однажды, вспоминает А.Е. Крученых, сидели за столом Маяковский, Хлебников и Ю.В. Саблин, военачальник, герой гражданской войны. Саблин сказал, что награжден боевым орденом, на котором – пятый номер. И шутливо добавил: – Таких, как я, во всей стране только пять. Маяковский возразил: – А таких, как я, – только один. Хлебников: – А таких, как я, – и вовсе нет.* (З. Паперный)

На С. Трегуба
Известно, что критики глупы и грубы,
Они однобоки, двулики, трегубы.
(А. Безыменский)

Гипонимическая градация обеспечивает наглядное расширение и сужение смысла: *Все мы жили рядом с ней и не поняли, что есть она тот самый праведник, без которого, по пословице, не стоит село. Ни город. Ни вся земля наша.* (А. Солженицын).

Когда гипонимическая градация выполняет архитектоническую функцию, она может передавать мотив конденсирующего сужения или, наоборот, расширения пространства, как это происходит в стихотворении Жака Шарпентро "Notre-Dame".

Отражая системность в лексике, гипонимическая градация во многих случаях придает тексту философское звучание: *Многое можно разделить: хлеб, ложе, убеждения, возлюбленную – но не стихотворение, скажем, Райнера Мария Рильке. Произведение искусства, литература в особенности и стихотворение в частности обращается к человеку тет-а-тет, вступая с ним в прямые, без посредников, отношения. За это-то и недолюбливают искусство вообще, литературу в особенности и поэзию в частности ревнители всеобщего блага, повелители масс, глашатаи исторической необходимости.* (И. Бродский. Нобелевская лекция)

La radio marque les minutes de la vie; le journal, les heures; le livre, les jours. (J. de Lacretelle)

Если гипонимическая градация строится на совместимых понятиях, которые находятся в отношениях подчинения, то антонимическая градация исходит из несовместимых понятий, между которыми существует некая противоположность. В объем одного из понятий входит какое-то свойство, противоположное свойству, которое принадлежит элементам, входящим в объем другого. Градация возникает как трехчлен, где среднее звено является переходным от одного антонима к другому (по формуле "черный – серый – белый"): *Потерявший деньги не потерял ничего, поте-*

рявший друга потерял половину, потерявший веру потерял все. (сентенция); *...к концу вторых суток в квартире находились двадцать три человека. В наше время невозможно представить себе, что отношения между этими знакомыми, полузнакомыми, незнакомыми были основаны на полном, безусловном доверии* (В. Каверин). *Doctors are men who prescribe medicines of which they know little, to cure diseases of which they know less, in human beings of whom they know nothing* (ходячая шутка).

Иногда средний член градации – это существующее в системе языка, но неожиданное в данной ситуации слово, как в знаменитой квинтэссенции всеобщей истории из притчи А. Франса *"Ils naquirent, ils souffrirent, ils moururent"* или в эпитафии двадцатидвухлетней девушке на кладбище Пасси *"Elle est venue / Elle a souri / Elle a passé"*.

В некоторых случаях в качестве среднего члена выступает экспрессивный окказионализм или нестандартное словосочетание: *Искусство охватывает огромную сферу, и рядом с ним есть полуискусство, чуть-чуть искусство и совсем неискусство* (Ю. Лотман). *А я тебе шепотом, / потом – полушепотом, / потом уже молча: / "Любимая, спи"* (Е. Евтушенко). В стихотворении Евтушенко неожиданность, усиливающая эффект антонимической градации, возникает не из самой структуры градационного ряда (шепотом – полушепотом – молча), а из его сочетания с остальными элементами контекста: эллипсис предполагает выразительный оксюморон "говорить молча".

Об универсальности градации можно говорить еще и потому, что она выходит за рамки воплощения в слове. Мы находим градацию в архитектуре, в мелкой пластике (пресловутые семь слоников на бабушкиных комодах), в графике, в живописи. На картине К. Моне, которая хранится в музее Руана, руанский собор изображен в серо-синей гамме так, что темно-серый цвет преобладает в верхней части здания, в средней он сочетается с синим, подчеркивающим тени в нишах, и переходит в густо-синий с легкими проблесками серого в нижней части.

В картине Левитана "Избы" градация дает игру света. Темные крытые почерневшей соломой избы вырисовываются на фоне закатного неба, оранжево-золотого у линии горизонта и все более желтеющего по мере удаления от нее.

Наряду с тональной градацией живопись, особенно пейзажная, широко использует и градацию, в основе которой лежит перспектива. На "перспективной" градации построены многие урбанистические пейзажи Б. Бюффе, например, "Мулен де ла Галет", где зритель видит двойной ряд домов, уходящих вдаль – каждый из них ниже соседнего, а верхняя ступень этой живописной градации венчается декоративной башенкой ветряной мельницы.

Прямой аналогией восходящей и нисходящей градации в музыке являются crescendo и diminuendo – постепенное нарастание и убывание громкости звука, локально выделенное в музыкальном произведении. Такую же прямую аналогию восходящей и нисходящей градации, но построенную на постепенном повышении или понижении в ы с о т ы з в у к а, представляет собой локализованный хроматический звукоряд.

Абсолютная универсальность градации как стилистической фигуры идет, вероятно, от существования этого феномена не только в искусстве, но и в самой жизни. Человек встречается с ним в раннем детстве – с радугой, например, или с закатом, и они воспринимаются одновременно и как явление действительности, и как эстетическое переживание. Неудивительно, что градация рано закрепляется в человеческом сознании, проникает в бытовую речь, а из нее во все прочие функциональные разновидности речи.

* * *

Эмоциональный диапазон градации, как мы видим, очень велик – от трагических коллизий до юмора. То же относится и к ее тематическому диапазону. Семантика градационных рядов весьма разнообразна. Но можно выделить четыре повторяющихся сквозных темы:

1) В р е м я Следует отметить, что этот градационный ряд говорит, как правило не о времени как таковом, а о течении жизни

2) П р о с т р а н с т в о Этот градационный ряд строится по принципу матрешки подчеркивая взаимосвязь и взаимозависимость всего сущего

3) Д е р е в о Этот градационный ряд чаще всего метафоричен и обозначает не дерево как таковое, а жизнь в разных ее важных проявлениях Тут невольно возникает аналогия с известной мифологемой – древом жизни

4) Ч у в с т в о Чаще всего это отрицательные эмоции одиночество, несчастная любовь Эта тема почти всегда связана с темой смерти

Таким образом, обобщая, можно сказать, что главные градационные мотивы связаны с глобальными темами жизнь и смерть

Во всякой градации заложена динамика, но движение внутри градационного ряда идет не только в сторону усиления признака и поэтапного приближения к цели в восходящей градации и ослабления признака, затухания процесса в нисходящей Происходит еще дробление, развертывание понятия или признака в одних случаях и сжатие, спрессовывание процесса или события в других Когда градационный ряд касается частности, мы видим как бы дробление – разложение цвета на нюансы выделение у явления или предмета едва осознаваемых граней Когда же градационный ряд касается масштабных явлений, происходит как бы стяжение, конденсация Детали опускаются, резко намечаются основные этапы, и весь процесс в целом становится рельефней, значительней

Определяя место градации среди других синтаксических фигур, мы обращаемся к принципу симметрии Нам очень близка мысль Г А Золотовой о необходимости сочетать в синтаксической теории отражение как асимметричных, так и симметричных построений [Золотова 1978, 1979] С этой точки зрения все синтаксические фигуры делятся на три класса Одни фигуры усиливают экспрессивность текста, подчеркивая симметричность, изначально присущую той или иной структуре Это редупликация, дистантный повтор, анафора, эпифора, анэпифора (рамка), эпанафора (стык), цепной повтор, симплока, антитеза, синтаксический параллелизм, хиазм асиндетон, полисиндетон Этот класс фигур – самый большой – мы называем синтаксисом равновесия или эквилибра Отметим, что именно в этот класс входят наиболее частотные и универсальные синтаксические фигуры, которые активно участвуют во всех синтаксических конвергенциях, в том числе и с градацией простой повтор, анафора, синтаксический параллелизм, антитеза

Другие фигуры провоцируют напряжение в тексте, усиливают его эмоциональность, действуя в противоположном направлении, создавая впечатление структурного хаоса, нарушая состояние синтаксического покоя во фразе путем намеренной, акцентированной ломки языковой симметрии Класс фигур, тяготеющих к асиммет рии, менее наполненный в него входят инверсия, эллипсис, фигура умолчания, риторический вопрос, сегментация с репризой и антиципацией, парцелляция Если первый класс мы назвали синтаксисом равновесия или эквилибра, то этот класс следует назвать синтаксисом нарушенного равновесия или синтаксисом дезэквилибра

Градация же вместе с деривационным повтором, полиптотом, антанаклазой, гомеотелевтом и зевгмой входит в промежуточный класс, зону смешения, где и симметрия, и асимметрия действуют одновременно[3]

Градация симметрична, потому что градонимы всегда соизмеримы (в них как минимум одна сема повторяется), а их синтаксические позиции почти всегда сходны, т е они выполняют идентичные синтаксические функции В векторной градации градонимы, обозначающие разные фазы процесса, тоже являются однородными членами предложения Семантическая симметричность векторной градации прояв-

[3] О фигурах зоны смешения см [Береговская 1985, 1998, Пугачева 1999]

ляется в уравновешенности трех главных фаз – тут обязательно обозначены начало, середина и конец процесса.

Но в каждой градации ощущается и асимметричный компонент, который обеспечивает нарастание и ослабление признака или усиление и затухание процесса

Градацию можно назвать золотой серединой системы синтаксических фигур она самая симметричная из асимметричных фигур и самая асимметричная из симметричных

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Береговская 1985 – *Э М Береговская* Проблемы исследования зевгмы как риторическои фигуры // ВЯ 1985 № 5

Береговская 1992 – *Э М Береговская* О природе и определении градации // Модели культуры Смоленск, 1992

Береговская 1999 – *Э М Береговская* Гомеотелевт в лирике Марины Цветаевой // Борисоглебье Марины Цветаевои Шестая цветаевская международная научно-тематическая конференция (9–11 окт 1998) Сборник докладов 1999

Волков 1996 – *А А Волков* Основы русской риторики М , 1996

Гак 1997 – *В Г Гак* Эмоции и оценка в структуре высказывания и текста // Вестник Московского Университета Филология 1997 № 3

Горшкова 1995 – *В С Горшкова* Коннекторы градации в современном французском языке М 1995

Золотова 1978 – *Г А Золотова* К типологии простого предложения // ВЯ 1978 № 3

Золотова 1979 – *Г А Золотова* К вопросу об объекте синтаксических исследований // ИАН, ОЛЯ 1979 № 1

Квятковский 1966 – *А Квятковский* Поэтический словарь М , 1966

Колесникова 1996 – *С М Колесникова* Градационные отношения в современном русском языке Саранск, 1996

Медведева 1972 – *С Ю Медведева* О лингвистической природе и функциях нарастания (на материале англииского языка) Дис канд фил наук М , 1972

Никитина, Васильева 1996 – *С Е Никитина, Н В Васильева* Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов М , 1996

Пугачева 1999 – *Ю Н Пугачева* Симметрично-асимметричные синтаксические фигуры Дис канд фил наук М , 1999

Сепир 1985 – *Э Сепир* Градуирование // Новое в зарубежной лингвистике М , 1985 16

Сковородников 1998 – *А П Сковородников* Материалы к словарю-справочнику "Вырази тельные средства русского литературного языка" Градация // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения Красноярск, Ачинск, 1998 6

Соколов 1965 – *Б М Соколов* Композиция лирическои песни // Русская фольклористика М 1965

Тарасов 2001 – *М И Тарасов* Градация-фреим // Риторика в свете современной лингвистики– 2 Смоленск, 2001

Федорова 1992 – *М В Федорова* Градация в поэтической речи // НДВШ Филол науки 1992 № 3

Шейгал 1990 – *Е И Шейгал* Градация в лексической семантике Куйбышев, 1990

Щербаков 2000 – *А В Щербаков* Градация как стилистическая фигура // Речевое общение Вестник Россиискои риторической ассоциации Вып 1 (9) Красноярск, 2000

Ducrot, Todorov 1972 – *O Ducrot, T Todorov* Dictionnaire encyclopedique de sciences du langage Paris 1972

Reboul 1991 – *O Reboul* Introduction a la rhetorique Paris, 1991

Ricalens-Pourchot 1998 – *N Ricalens-Pourchot* Lexique des figures de style Paris, 1998

№ 3 2003

© 2003 г. Т. С. СОРОКИНА

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ТЕОРИИ ГРАММАТИЧЕСКОЙ СИНОНИМИИ

Синонимия рассматривается нами как одно из проявлений лингвистической (внутриструктурной) вариативности языка, которая во многих случаях оказывается тесно связанной с вариативностью внешнелингвистической – функциональной, стилистической, прагматической, социальной, территориальной, т.е. тем, что в лингвистике часто именуется феноменом "выбора" [Кузнецов 1990: 30].

Проблема грамматической синонимии принадлежит к тому разряду лингвистических проблем, которые никогда не исчезают из поля зрения исследователей, но каждый раз с новым поворотом лингвистической мысли получают свое осмысление в рамках иных подходов и направлений. История изучения проблемы грамматической синонимии (А.М. Пешковский, Ю.С. Степанов, Ю.Д. Апресян, Е.И. Шендельс, Е.В. Гулыга, Н.Д. Арутюнова, Е.В. Падучева, В.Г. Адмони, В.Г. Гак, Л.С. Бархударов, В.Н. Ярцева, Г.А. Золотова, Н. Хомский и др.) выявила ряд принципиальных расхождений во взглядах на грамматическую синонимию (особенно синонимию синтаксическую и межуровневую) и отсутствие унифицированного подхода к определению ее критериев и условий структурирования синонимических парадигм. Кроме того, до настоящего времени проблема "выбора" грамматических синонимов не получила когнитивно ориентированной интерпретации.

Результатом предпринятого нами исследования явилась предлагаемая для обсуждения концепция грамматической синонимии, а ее проверка на языковом материале (английский язык) позволила обосновать понятие **функциональной** грамматической синонимии (с позиции функциональной грамматики, теории номинации и теории референции) и предложить когнитивное осмысление механизма выбора синонимов в процессе речемыслительной деятельности.

1. Два направления современной лингвистики – функциональное и когнитивное – сформировали методологическую базу данного исследования, поскольку они представляются наиболее творчески активными: "языкотворческие тенденции в XX веке буквально пронизывают интеллектуальное творчество, в основе которого лежит выявление и использование функционирования языковой системы, когнитивные возможности языкового моделирования реальности" [Березин 2000: 23]. Начиная с 1995 г. появилось несколько аналитических обзоров, характеризующих состояние лингвистики в конце XX века и делающих попытки прогнозировать основные тенденции развития лингвистики XXI в. (ср. [ЯН 1995]).

В этих материалах отмечаются свойственные лингвистике конца XX в. общие принципиальные установки о языке, к которым относятся экспансионизм – выходы в другие науки, антропоцентризм – изучение языка с целью познания его носителя, функционализм – изучение всего многообразия функций языка и эксплананторность – объяснение языковых явлений [Кубрякова 1995]. Перспективы развития современной лингвистики видятся, в частности, как широко понимаемая функциональная ориентация [Кобозева 1996] и как сближение позиций когнитивизма и функционализма [Кубрякова 2000а: 49].

В настоящее время функционализм представляет собой мозаичный конгломерат направлений, объединенный общим принципиальным подходом. "Общим постулатом функциональной лингвистики является положение о том, что язык представляет собой инструмент, орудие, средство, наконец, механизм для осуществления определенных целей и реализации человеком определенных намерений – как в сфере познания действительности и ее описания, так и в актах общения, социальной интеракции, взаимодействия с помощью языка" [Кубрякова 1991: 217].

Различные школы функционализма (Пражская, Лондонская, Голландская, Женевская, Копенгагенская, дескриптивизм, тагмемика и др.) возникают в силу того, что в термины "функция" и "функциональный" вкладывается разное содержание [Гак 1985], а также в зависимости от того, какая функция языка объявляется главной – коммуникативная или когнитивная (нередко и та и другая). Порождающая семантика (У. Чейф, Ч. Филлмор), анализ дискурса (У. Чейф, Т. Гивон, Ч. Ли, П. Хоппер, С. Томпсон), когнитивная грамматика (Р. Лангакер, Дж. Лакофф), конструкционная грамматика (А. Голдберг, Ч. Филлмор), грамматика ролей и референций (Р.Д. Ван Валин, У. Фоли), а также функционалистские объяснения в рамках "стандартной генеративной теории" (С. Куно) – все это разновидности "функциональной грамматики" [Bates, MacWhinney 1989]. Российская функциональная школа (В.Н. Ярцева, Ю.С. Степанов, Е.И. Шендельс, Е.В. Гулыга, В.Г. Гак, Н.А. Слюсарева, А.В. Бондарко, Г.А. Золотова, Н.Ю. Шведова и др.) связана корнями с трудами К.С. Аксакова, А.А. Потебни, И.А. Бодуэна де Куртене, А.А. Шахматова, А.М. Пешковского, И.И. Мещанинова.

В качестве главной теоретической базы данного исследования была принята модель функциональной грамматики, разрабатываемая А.В. Бондарко и его последователями и ориентированная на изучение и описание закономерностей функционирования единиц грамматического строя языка для выражения мыслительного содержания [Бондарко 1983: 32].

Когнитивная лингвистика, по мнению некоторых ученых, должна с содержательной точки зрения считаться частью функционализма. "Когнитивный подход – это один из способов объяснения языковых явлений. Однако по сложившейся в современной американской лингвистике классификации – это хотя и совместимые, но параллельно существующие направления" [Кибрик, Плунгян 1997: 324]. Не случайно некоторые из вышеперечисленных моделей функциональных грамматик и авторов теорий когнитивисты считают своими.

В отечественной лингвистике когнитивное направление получило интенсивное развитие (по преимуществу связанное с изучением сложившейся системы лексической семантики) в большой степени благодаря исследованиям Е.С. Кубряковой и ее школы. В "Кратком словаре когнитивных терминов" [Краткий словарь 1997] когнитивная лингвистика определяется как "лингвистическое направление, в центре внимания которого находится язык как общий когнитивный механизм, как когнитивный инструмент – система знаков, играющих роль в репрезентации (кодировании) и в трансформировании информации. В сферу когнитивной лингвистики входят "ментальные основы" понимания и продуцирования речи, при которых языковое знание участвует в переработке информации. В когнитивной лингвистике рассматриваются когнитивные структуры и процессы, свойственные человеку как homo loquens: системное описание и объяснение механизмов человеческого усвоения языка и принципы структурирования этих механизмов" [Краткий словарь 1997: 53]. Когнитивная лингвистика связана с изучением когниции в ее лингвистических аспектах и проявлениях, с одной стороны, и с исследованием когнитивных аспектов самих лексических, грамматических и прочих явлений, с другой. В этом смысле она занимается как репрезентацией собственно языковых явлений в голове человека, так и тем, как и в каком виде вербализуются формируемые человеком структуры знания.

Эволюция взглядов на статус когнитивной лингвистики демонстрирует переход к "когнитивно-дискурсивной парадигме лингвистического знания, представляющей

собой интеграцию двух ведущих парадигм современности – когнитивной и коммуникативной, их рациональный синтез" [Кубрякова 2000б: 7–8]. В этом смысле дискурсивный анализ, широко понимаемый как анализ коммуникативной деятельности, становится частью когнитивного подхода к языку, а функциональная лингвистика сближается с когнитивной. Реализацию этого положения мы попытаемся проиллюстрировать в ходе изложения.

2. В задачу нашего исследования входило решение трех основных вопросов: **о понятии и критериях грамматической синонимии, о видах грамматических синонимов и о факторах, регулирующих выбор между грамматическими синонимами**.

На основании анализа концепций грамматической синонимии в современной исследовательской практике с точки зрения критериев синонимии и видов синонимов выявлены следующие положения:

а) синонимия представляет собой один из видов семантической эквивалентности [Арнольд 1976], не предполагающей взаимозаменяемости как абсолютного критерия синонимии;

б) в качестве критериев выделения синонимов предлагаются "близость понятийного содержания" [Пешковский 1927; Рихтер 1937; Гвоздев 1955; Степанов 1981; Падучева 1980; Арутюнова 1976; Weinreich 1972; McCawley 1986; Chomsky 1957; Хэррис 1962; Апресян 1995], "тождество реальной ситуации" [Степанов 1981; Гак 1988], "позиционное тождество" [Адмони 1988; Распопов, Сычева 1974], "тождество или близость грамматического значения" [Шендельс 1970; Ярцева 1957; Иванова 1961; Ковтунова 1955], "сходство семантической структуры предложения" [Богданов 1988] "структурно-семантическое сходство" [Золотова 2001], "сходство синтаксической функции" [Гулыга 1964];

г) разноструктурность не препятствует грамматической синонимии [Шендельс 1962];

д) взаимозаменяемость не есть оптимальное условие синонимии, но ее оптимальное следствие, результат [Золотова 2001; Шендельс 1970].

Релевантным для настоящего исследования признается общий принцип тождества (близости) грамматической семантики языковых выражений. При этом учитываются "различия в способах представления смысла, обусловленные содержательной спецификой каждой из форм" [Бондарко 2002].

Если рассматривать имеющиеся на сегодняшний день определения грамматических синонимов разных уровней, которые даются на основании принципа близости грамматических значений, то они сводятся к следующему: 1) на уровне грамматической формы (морфологические синонимы) – это грамматические единицы, имеющие одинаковое (близкое) денотативное и разное коннотативное содержание; 2) на уровне словосочетания грамматическая (синтаксическая) синонимия предполагает: а) общность синтаксической функции, б) разноструктурность, в) способность иметь одинаковое смысловое содержание (смысловую общность) при необязательной лексической тождественности; 3) на уровне элементарного предложения основу синтаксической синонимии составляет понятие типового значения, которое рассматривается как смысловой результат предикативного сопряжения структурно-смысловых компонентов модели предложения (то есть учитываются структурно-смысловые отношения между компонентами).

Если на морфологическом уровне критерии одноаспектной (одноуровневой) синонимии и методика выявления сходства и различий между синонимами детально описаны, то проблема синтаксической синонимии, тем более синонимии межуровневой, остается сложной. Это вызвано, в частности, неопределенностью понятия "общность смыслового содержания" в разных исследованиях, которое трактуется и как сходство аргументно-предикатной структуры, и как сходство сигнификата, и как сходство семантической структуры, выявленной на основании семного анализа. Понятия "позиционного тождества" или "общности смысловой позиции в речевом ряду" или "тождества контекстов употребления" также весьма неоднозначны, хотя

можно предположить, что и здесь речь идет о некоем смысловом сходстве, а сопоставляемые языковые выражения принадлежат к разным уровням. Отсутствие унифицированного подхода ко многим языковым явлениям, обнаруживающим функционально-семантическое сходство (особенно в случаях синтаксической и межуровневой синонимии) вызывало необходимость рассмотрения данной проблемы с иных позиций – с позиций функциональной грамматики. Для этого прежде всего необходимо обратиться к понятию семантической функции.

3. Функционально-грамматическое описание любого языка базируется на семантических функциях и через их посредство находит опору в понятийных категориях [Бондарко 1978]. Понятийные категории (возможность, долженствование, причина, условие, одновременность, предшествование и т.д.), их типовые сочетания (предмет и его признак, действие и его субъект и т.д.) и понятийные поля (поле модальности, темпоральности, залоговости, определенности/неопределенности и т.д.) представляют собой мыслительное содержание языковых единиц в его системно-категориальном аспекте. Понятийные категории (ПК), их типовые сочетания ("пучки") и понятийные поля связаны отношениями производности с функционально-семантическими категориями (ФСК) и семантическими функциями (СФ). ФСК служат отражением ПК (ПП) и одновременно основанием для комплекса СФ, которые представляют собой языковое семантическое содержание, являющееся отражением мыслительного содержания. Поскольку онтологической основой синонимии является возможность выразить одно и то же мыслительно-языковое содержание языковыми средствами с их отличающимися друг от друга языковыми значениями, функциональная синонимия может быть интерпретирована, прежде всего, как семантическая изофункциональность грамматических единиц разных уровней, а функциональные синонимы – как грамматические формы и структуры, характеризующиеся общностью СФ [Сорокина 1995].

Понятие "семантическая функция" неравнозначно понятию "грамматическое значение". Если значение – это внутреннее системно-значимое свойство формы, относящееся к содержательной стороне языка, то семантическая функция – это цель употребления того или иного средства или комбинации средств, это – понятие, относящееся к области смысла, к отражению явлений внеязыковой действительности [Бондарко 1983: 37–38]. В отличие от значения, которое есть знаковое содержание формы, ее значимое внутреннее свойство, СФ понимается как способность языковой единицы к выполнению определенного назначения и само это назначение (то есть речь идет о том, для чего употребляется данная языковая единица). Таким образом, цель употребления того или иного средства есть его назначение для передачи определенного смысла. При этом СФ – это наиболее обобщенные, категориальные смыслы[1], которые находят воплощение в значениях грамматических форм и категорий, в служебных грамматических словах, в специальных типах грамматических конструкций или в значениях лексико-грамматических разрядов слов [Бондарко 1983: 51–52].

---

[1] Термины "значение" и "смысл" употребляются здесь не в логическом смысле (по Фреге), а как известное, хотя и не общепринятое противопоставление (meaning : sense) (Матезиус, Докулил, Сгалл, Слюсарева, Звегинцев). В отличие от значения, понимаемого как содержание единиц и категорий языка, включенное в его систему, смысл – это содержание, не связанное лишь с одной формой или системой форм данного языка, – "то общее, что объединяет синонимичные высказывания" [Бондарко 1998: 53–54]. Смысл опирается не только на языковые формы, но и на другие разновидности "носителей". Данная интерпретация соотношения значения и смысла связывается А.В. Бондарко с известным в лингвистической традиции представлением о соотношении языкового и мыслительного содержания, которое, по существу, является теоретическим основанием интерпретации смысла как инварианта синонимических преобразований.

Соотношение семантической функции и значения состоит в том, что СФ может частично или полностью совпадать с грамматическим значением формы или структуры, объединять однотипные, но разные по структуре грамматические значения, или являться значением не только грамматической единицы, но и взаимодействующих с ней других языковых единиц. Например, в английском языке СФ "точечная темпоральная локализация действия в прошлом" входит в семантический потенциал (денотативное грамматическое значение) форм Past Simple и Present Perfect. СФ "целое по отношению к части" полностью совпадает с денотативным содержанием структуры типа *a bunch of flowers*. Семантическая функция может совпадать с инвариантом грамматических единиц, имеющих разную структуру денотата. Ср. (1) *a bottle of ketchup*; (2) *a bottle with ketchup*; (3) *a bottle containing ketchup*; (4) *a bottle that contained ketchup*.

Языковые выражения (1, 2, 3, 4) имеют общую СФ – "отношение предмета к его внутреннему содержанию". Однако различаются они структурой денотативного содержания. Хотя везде специфицируется один и тот же объект – *a bottle*, сама спецификация имеет разную степень предикативности: в (1), (2), (3) она латентная, в (4) – эксплицированная. Таким образом, СФ объединяет здесь однотипные, но разноструктурные денотаты. СФ совпадает со значением грамматического маркера и тогда, когда средством ее реализации является не только грамматическая единица (с ее значением), но и взаимодействующие с ней другие языковые единицы. Например, в структуре типа *I remember the man you spoke about yesterday* СФ "индивидуализация референта" выражается не только грамматическим формальным показателем (определенным артиклем), но и всей определенной дескрипцией в целом.

4. В целях настоящего исследования были выделены два вида СФ: номинативные и референциальные.

Номинативные СФ относятся к номинативному аспекту предложения/высказывания и рассматриваются как пропозиционально-денотативное содержание грамматической структуры, представляющее собой наложение на обобщенную схему отношений (пропозицию) разных способов языкового осмысления ситуации/отношений. Отсюда, структуры, имеющие одну и ту же пропозицию, но разные денотаты, выполняют разные СФ. Например, в структурах типа (1) *John's arrival* и (2) *arriving John* – это одна и та же пропозиция – "Р действие Субъект", но разное денотативное содержание:

(1) "действие по отношению к субъекту" и (2) "субъект по отношению к действию", следовательно, выполняемые ими СФ будут разными.

К номинативным относятся, например, такие СФ, как отношение целого и части (*the short-handle broom*), отношение предмета и его внутреннего содержания (*the letter containing good news*), отношение предмета и его свойства (*a man of importance*), отношение обладателя и обладаемого (*my mother's bedroom*) и др.

Референциальные СФ коррелируют с референциальным аспектом предложения/высказывания и рассматриваются как вид референции, как отражение способа соотнесения высказывания (или его частей) с внеязыковыми объектами или ситуациями.

Средствами референции признаются местоименные и артиклеобразные элементы в составе именной группы, а также категории вида, времени, наклонения в составе глагольной группы. Последние входят в референциальный аспект предложения/высказывания, рассматриваемый как реализация семантических категорий темпоральности (таксиса), аспектуальности и модальности. К референциальным СФ относятся такие, как, например, индивидуализация референта, выполняемая определенным артиклем в составе определенной дескрипции (именной группы) *the stone steps which led to the stage*, конкретная номинация референта, выполняемая неопределенным артиклем (*there was a big table in the room*) или точечная конкретная локализация действия в прошлом (*he came back to town in September*).

Исходя из данного выше толкования семантической функции изофункциональными могут считаться, например,

I. именные группы, объединенные общей СФ "отношение предмета к его внутреннему содержанию". Например:

(1) *She was hungry... However, she found some sealed packets of patato crisps and...a bottle of lager beer.*

(2) *In nine cases out of ten the companion was given the letter with the money to post.*

(3) *The first assistant would hand the workman a small envelope containing his pay in cash.*

(4) *He had a ketchup bottle ... that contained his coffee.*

II. определенный артикль и указательное местоимение (общая СФ "индивидуализация референта") в составе определенных дескрипций. Ср.:

... he heard again the blood pulsating ponderously in his ears, while once more the illusion of Tom's voice speaking... was specially terrifying и *For most of the time... this unswervable obsession to find Tommy Flinn... came over him.*

III. Past Simple и Past Perfect в сочетании с герундиальным оборотом в СФ (соотносительная локализация предшествования). Ср. Chief Justice Shepard **made** two...comments about the case *before starting the major reason for the dissent* и I **had taken** off my shirt... *before going down.*

Как следует из изложенного, к определению понятия и критериев функциональной грамматической синонимии применяется подход, сочетающий возможности теоретического осмысления проблемы, которые предоставляются тремя направлениями современной лингвистики – функциональной грамматикой, теорией номинации и теорией референции, а основными **критериями** функциональной грамматической синонимии следует считать: 1) общность семантической функции грамматических единиц; 2) необязательную тождественность лексического наполнения грамматических форм и структур; 3) взаимозаменяемость не как обязательное условие, но как оптимальное следствие синонимии.

Все эти три критерия применимы как к однотипным, так и к разноструктурным (разноуровневым) языковым выражениям.

На основании указанных критериев функциональные грамматические синонимы определяются нами как однотипные или разноструктурные грамматические единицы как одного, так и различных уровней, выполняющие одну и ту же семантическую функцию при необязательной лексической тождественности [Сорокина 1995].

Исходя из вида семантической функции, мы сочли возможным разделить исследуемые нами грамматические синонимы на **номинативные** и **референциальные**. Однако в данной статье ход наших дальнейших рассуждений и результаты анализа будут проиллюстрированы на примере номинативных функциональных грамматических синонимов.

5. Номинативными синонимами считаются грамматические формы и структуры, характеризующиеся общностью номинативных СФ. Примером номинативных функциональных грамматических синонимов (ФГС) могут служить именные группы (ИГ)[2] с центром существительным, обладающие потенциальной предикативностью. К ним относятся структуры с препозитивными и постпозитивными определениями, выражаемыми существительным, прилагательным, причастием, герундием, инфинитивом и придаточным предложением.

---

[2] Не все исследователи признают наличие у словосочетаний (в частности, атрибутивных) номинативных функций. Вместе с тем, Г.В. Колшанский отмечает, что "любая языковая единица любого уровня остается номинативной единицей в силу того, что она фиксирует нечто познанное человеком в соответствующем объекте" [Колшанский 1976: 20]. Если определить номинацию как направленность языковой семантики на окружающую действительность [Зализняк 1967] и, таким образом, под номинативной функцией понимать способность языковых единиц соотноситься с внеязыковыми фактами, ситуациями и реалиями [Гак 1977], то словосочетание является единицей номинации, выполняет номинативную функцию.

Поскольку СФ связана по принципу производности с понятийной категорией, лежащая в основе атрибутивных отношений понятийная категория "предмет и его признак" может явиться основанием для ряда комплексов СФ, таких как "предмет–свойство", "предмет–состояние", "предмет–действие", "предмет–отношение" (соответственно, квалитативные СФ, статальные СФ, актальные СФ и реляционные СФ). Кроме этого выделяются темпоральная СФ и локативная СФ. Все вышеперечисленные номинативные функции определяются на основании семасиологического анализа ИГ с учетом лексико-грамматического значения их компонентов.

Для выявления конкретного содержания СФ внутри вышеуказанных комплексов использовалась, с некоторой модификацией, семантическая классификация структур с препозитивными и постпозитивными определениями, предложенная в [Егоров 1986]. Так, например, внутри квалитативного комплекса выделяются такие СФ, как "отношение объекта и его признака (вещество, цвет, размер, форма, авторская оценка)", "отношение объекта к некоторому известному типу", "отношение признака и носителя признака" и др.

Что касается уровневой принадлежности синонимов, то рассматриваемые нами номинативные синонимы принадлежат, в основном, к одному уровню – синтаксическому. Такие синонимы принято называть одноаспектными (одноуровневыми). Однако, поскольку номинация в ее современном теоретическом осмыслении включает единицы любой структурной простоты или сложности, любой протяженности, любого генезиса [Кубрякова 1986], функционально-синонимические отношения обнаруживаются между языковыми единицами разных уровней, в частности, между синтаксической единицей и сложным словом (которое обладает латентной предикацией). Например, СФ "субъектно-объектные отношения" выполняется наряду с синтаксическими структурами с существительным в общем падеже, с предложным определением и определительным придаточным предложением, еще и сложным словом. Ср.:

(1) *He may be a Maine guide, or the old garageman who used to keep the livery stable, or a perfectly uselness innkeeper who sneaks off to shoot ducks when he ought to be sweeping the floors.*

(2) *You see such faces in boxing booths among the seconds and backers, men who have been in the ring all their lives and lost all their fight but still follow the game as bottle holders, training partners.*

(3) *Hilda appeared to be a goddess of marbled form long before she was eighteen and got engaged to a beefy young farmer who bred prize cattle.*

Такие номинативные синонимы принято называть межуровневыми.

6. Выявление семантической базы синонимии и способности изофункциональных грамматических единиц и структур образовывать синонимичные ряды позволяет перейти к **"ужесточению" условий синонимии и структурированию синонимичных рядов.**

Исходя из предложенных нами критериев функциональной грамматической синонимии, сама по себе семантическая изофункциональность еще не предполагает ни обязательного вхождения синонимов в один и тот же ряд, ни взаимозамены синонимов. Однако в определенных условиях синонимы, входящие в один и тот же ряд, проявляют способность к взаимозамене. Подобные синонимы трактуются нами как функционально-семантические соответствия (ФСС). Таким образом, ФСС – это частный случай функциональной грамматической синонимии, предполагающий потенциальную способность синонимов к взаимозамене в пределах синонимичного ряда.

Для номинативных синонимов условием сопоставимости членов ряда является лексико-синтаксическая соотнесенность компонентов структур, соответствующая их предикатам и аргументам [Золотова 2001]. Так, СФ "отношение объекта к некоторому известному типу" выполняется, по крайней мере, двумя рядами функциональных синонимов:

А. 1. *A woman, a little mouse-like creature, who had somehow taken a fancy to him.*

2. *A flash of colour, like a living jewel, dashed across their path.*

3. ... *at that moment the sun came out and shone through the clouds, enveloping them with a warmth and glory which was like a blessing from Heaven.*

B. 1. *It was very plain and straight – a teen-ager's frock like the one she had bought before.*

2. *"Goodbye, O'Toole", I cried in the voice of a lion and with one bound was at the door.*

Хотя оба ряда выполняют одну семантическую функцию, несовпадение компонентов разных структур, выполняющих одну и ту же семантическую роль, не позволяет объединить все структуры в один синонимичный ряд.

Однако внутри каждого из рядов сопоставимые структуры объединяются в ФСС, что обеспечивается лексико-семантической соотнесенностью их компонентов.

Например:

mouse like	*creature*
like a living jewel	*a flash of colour*
which was like a blessing	*a warmth and glory*

На наш взгляд, только при такой "жесткой" заданности условий синонимии взаимозаменяемость членов рядов ФСС может рассматриваться как критерий их семантической близости.

Структурно номинативный ряд ФСС может иметь ядро (основной, ведущий член ряда) и периферию. Критериями ядерности являются: 1) выражение СФ минимальными языковыми средствами, 2) изосемия (под которой в синтаксисе понимается соответствие между категориальным значением структурных компонентов предложения/словосочетания и категориальным значением денотатов в реальной действительности [Золотова 2001]) и 3) способность заменить любой член ряда. Последнее имеет однонаправленный характер: ведущий член ряда ФСС (как универсальное средство выражения СФ) может заменить любой другой член ряда, но не наоборот.

В результате структурирования номинативных синонимичных рядов мы получили следующие результаты: номинативные синонимы формируют 53 ряда ФСС, объединенные в 5 семантических группировок[3].

Процесс синонимического варьирования структур в пределах номинативного ряда ФСС определяется словообразовательными, формообразовательными и семантическими факторами. Вариативность периферии ряда создается модификацией морфологического статуса компонентов или синтаксической структуры модели, часто с включением слов, являющихся конструктивно и информативно избыточными, что порождает разного рода оттенки значения, которые могут регулировать выбор между синонимами.

Номинативные синонимичные ряды обнаруживают **системные связи** через соотношение с функционально-семантическими полями (ФСП).

Поле в грамматическом смысле – это некоторое количество различных взаимодействий между качественно сходными или несходными языковыми явлениями, связанными каким-либо общим признаком. Эти взаимодействия являются отношениями, которые могут наслаиваться друг на друга и объединяться, выражая какое-то усложненное общее значение или выполняя общую функцию. Далее, они могут ветвиться семантически и функционально, излучая порой очень сложный, на своих краях даже противоречивый спектр значений [Адмони 1988].

---

[3] Выделенный нами набор семантических функций, равно как и число рядов ФСС, выполняющих определенную СФ, не может считаться конечным, поскольку зависит от номенклатуры избранной классификации и степени учета лексико-грамматических значений компонентов структур. Наша задача состояла в том, чтобы проиллюстрировать возможности предлагаемого функционально-грамматического подхода к осмыслению и описанию грамматических явлений со сходной семантикой.

При установлении ФСП на материале русского языка (А.В. Бондарко) или грамматико-лексических полей на материале немецкого языка (Е.И. Шендельс и Е.В. Гулыга) постоянно учитывается возможность синонимических отношений между компонентами полей. Системные связи номинативных синонимичных рядов, выделенных на основе общности СФ, заключаются в том, что они могут как бы "пронизывать" группировки ФСП, либо целиком входя в какое-либо ФСП, либо находясь на их пересечении.

Как указывалось выше, лексико-синтаксическая соотнесенность компонентов атрибутивных структур, формирующих номинативный ряд ФСС, обеспечивая сопоставимость не только самих моделей, но и их компонентов, создает предпосылки для взаимозамены в рамках синонимичного ряда, точнее для замены членов ряда его ядром. Однако реальная замена внутри ряда возможна лишь при снятии тех **ограничений**, которые накладываются на нее особенностями парадигматики и синтагматики сопоставляемых структур.

Наиболее очевидными парадигматическими факторами, регламентирующими взаимоотношения между членами номинативного ряда ФСС, являются такие показатели компонентов адъюнкта атрибутивных сочетаний, как: 1) лексико-грамматический статус глагола; 2) грамматическая семантика глагольной формы; 3) функциональные характеристики прилагательного и причастия; 4) функциональные характеристики придаточного предложения, причастного оборота и предложного сочетания. К основным синтагматическим факторам, ограничивающим взаимозамену функциональных синонимов, можно отнести, например, 1) наличие в высказывании с ИГ однотипных структур, 2) правое и левое распространение компонентов структур (ИГ) и 3) семантику антецедента аппозитивной структуры [Сорокина 1995].

7. Определив **критерии** и **виды** функциональных грамматических синонимов, мы получили основание для рассмотрения проблемы **"выбора"** между синонимами.

Исходя из того, что проблема "выбора", то есть внешнелингвистическая вариативность, входит в обширный пласт междисциплинарной проблематики, где организующим началом общего смыслового центра является человек как носитель языка и где употребление языковых выражений рассматривается как языковое действие, выполняющее как коммуникативную, так и когнитивную функцию, проблема выбора между синонимами предстает перед нами, прежде всего, как проблема когнитивно-коммуникативная, заключающаяся в поиске и выборе реализации когнитивно-функциональной модели для осуществления определенного коммуникативного намерения и прагматического задания речевого акта.

Прежде чем перейти к рассмотрению когнитивных аспектов функциональной грамматической синонимии, нам хотелось бы отметить, что противоречивость мнений и их значительный разброс по центральным проблемам когнитивной науки в целом и когнитивной лингвистики – в частности, отсутствие единой общепринятой методики когнитивного осмысления лингвистических механизмов, с одной стороны, предоставляют возможность выбора наиболее релевантных для конкретного исследования приемов и методик, и, с другой стороны, предполагают гипотетический характер когнитивного осмысления данных лингвистического анализа.

Исходя из базовых положений функциональной грамматики и когнитивной лингвистики можно предположить, что когнитивно-функциональный подход к языку рассматривает языковой знак как сущность, в которой объективировано единство мышления и коммуникации. Отсюда, когнитивная лингвистика ставит своей целью анализ содержания, облекаемого в форму речевых актов, отражение того, что именно репрезентируется в голове человека (т.е. отвечает на вопрос "что?"). Функциональная грамматика, на наш взгляд, предоставляет информацию о том, как концепты, входящие в концептуальную систему языка, реализуются на семантическом языковом уровне, как язык репрезентирует смысловое содержание (пропозицию) предложения и его компонентов, как различаются средства репрезентации единого

смыслового содержания и какие экстралингвистические факторы влияют на выбор синонимов в процессе вербализации семантических структур, являющихся аналогом ментальных образований на уровне концептуальной системы (т.е. отвечает на вопрос "как?").

Таким образом, принятое нами соотношение функционального и когнитивного подходов реализуется как такое когнитивно-функциональное грамматическое описание, которое базируется на установках и допущениях когнитивной лингвистики и использует функционализм как методологию лингвистического исследования, сочетающую семасиологический и ономасиологический принципы языкового анализа. Связь функционализма и когнитивизма устанавливается через понятие репрезентации, или представления знаний о мире. Если с целью репрезентации используется естественный язык, то "надо понять, как в самом языке оперируют со знаниями, как их представляют, как вербализуют, т.е. надо узнать, как функционирует язык. Функционирование языка есть, собственно говоря, выражение значений и их передача" [Кубрякова 1995: 218].

Следующие установки когнитивной лингвистики учитывались нами в процессе анализа:

■ Когнитивная лингвистика связана, во-первых, с изучением когниции, а именно, с системным описанием и объяснением механизмов человеческого усвоения языка, и, во-вторых, с исследованием когнитивных аспектов самих лексических, грамматических и других явлений языка, проблем соотнесения языковых структур с когнитивными.

■ Язык как когнитивный инструмент является системой знаков, играющих роль в репрезентации и трансформировании информации. Однако его репрезентирующая (когнитивная) функция неотделима от функции коммуникативной.

■ Концептуальная система (структура) – это система мнений и знаний о мире, отражающая познавательный опыт человека, ментальный доязыковой уровень, на котором осуществляется переработка информации, полученной извне [Павиленис 1983: 12].

■ Концептуальная система есть совокупность ментальных репрезентаций или концептов разного типа. Ментальная репрезентация – это единица представления (репрезентации) мира в голове человека, стоящая вместо чего-то в реальном или вымышленном мире и замещающая это в мыслительных процессах [Краткий словарь 1997: 57].

■ Ментальные репрезентации подразделяются на картиноподобные и языкоподобные. Последние есть репрезентации языковых единиц – слов и их частей, предложений и пропозиций [Краткий словарь 1997: 157]. (Понятие пропозиции используется нами при определении когнитивных оснований функциональной грамматической синонимии.) Содержание этого понятия, вопрос о месте пропозиций и их статусе до сих пор являются дискуссионными.

■ Другой оперативной содержательной единицей концептуальной системы является концепт. Понятие концепта отвечает представлению о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессе мышления и которые отражают содержание его опыта и знания. Основными конституентами концептуальной системы являются концепты, близкие к "семантическим частям речи", – концепты объекта и его частей, движения, действия, пространства, времени, признака и т.д. [Jackendoff 1990; 1992]. Концепт не приравнивается языковому значению, следовательно, концептуальный уровень противопоставляется семантическому, а когнитивные (концептуальные) категории не приравниваются семантическим категориям. Отсюда, естественный язык понимается как механизм, связывающий мысли (т.е. ментальные репрезентации) с языковыми формами. При этом предложение обладает поверхностной (синтаксической и фонологической) структурой, когнитивной структурой, представляющей мысль, которую предложение обязано выразить в замысле говорящего, и промежу-

точным между двумя первыми – семантическим уровнем, представляющим языковую информацию

8 В целях **когнитивно-функционального моделирования** синонимических парадигм (понимаемого как формализация устройства некоторого лингвистического явления, включающая исходные объекты и их взаимосвязи, а также прагматические факторы, ответственные за модификацию инвариантного смысла в каждом конкретном случае актуализации модели) нам потребовалось выявить

1) когнитивные основания функциональных синонимических парадигм, связанные с понятием пропозиции,

2) потенциальные возможности исследуемых языковых выражений, их способность передавать разного рода отношения и взаимосвязи,

3) реализацию этих отношений и взаимосвязей на уровне пропозиции и за ее пределами, соотношение пропозициональной и непропозициональной информации при переходе от пропозиции к внешнеречевому высказыванию,

4) прагматическую составляющую речевого акта, участвующую в актуализации пропозиции и когнитивно-функциональном моделировании синонимических парадигм

Исходя из когнитивной концепции пропозиции как семантического ядра языковых единиц разных уровней [Панкрац 1992], мы предположили, что именно пропозиция как семантический инвариант, как лишенная модуса аргументно-предикатная структура, характеризующаяся наличием определенной связи или отношений между ее компонентами, как семантическая структура, репрезентированная на уровне концептуальной системы, может лежать в основе того семантического содержания, которое репрезентируется синонимическими парадигмами, т е служить когнитивным основанием синонимических парадигм

Пропозиция может быть свернутой до двух членов (предиката и одного аргумента) или развернутой, т е содержать более двух членов (большее число аргументов) При этом все значащие единицы языка ниже предложения представляют собой свернутую пропозицию Структура пропозиции может включать синтаксическую схему и номинативные блоки, которые, в свою очередь, представляют собой пропозиции

В современной исследовательской практике предлагаются разные концепции порождения речи (ПР) [Кубрякова 1991], согласно которым по-разному оценивается роль пропозиции в речемыслительном процессе, по-разному рассматривается акт формирования пропозиции при переходе к внешнеречевому высказыванию, выделяются разные звенья порождающего процесса Однако во всех направлениях важной составляющей ПР является пропозиция, которая в большинстве случаев помещается на предречевой уровень[4]. Момент перехода к внешнеречевому высказыванию предполагает либо извлечение готовой пропозициональной структуры из памяти, либо ее формирование Специфика актуализации пропозициональных структур как предложения, словосочетания, сложного слова и т д связана с их разными возможностями и способами эксплицитного или имплицитного выражения компонентов пропозиции, т е с потенциальными возможностями языковых выражений.

---

[4] Из всех моделей ПР для нас наибольшей объяснительной силой обладает интегральная модель Е С Кубряковой [Кубрякова 1991] Данная модель аккумулирует положения психологических, психолингвистических и когнитивных теорий ПР и использует опыт создания моделей ПР, разработанных Л С Выготским, А Р Лурье, А А Леонтьевым и др (на базе фундаментальных положений материально-практической деятельности и сознания А Н Леонтьева, С С Рубинштейна и др) При этом основополагающими для понимания всей структуры процесса ПР являются слова Л С Выготского о том, что общее движение этого процесса происходит в направлении от "мотива, порождающего какую-либо мысль, к оформлению самой мысли, к опосредованию ее во внутреннем слове, а затем в значениях внешних слов и, наконец, в словах (цит по [Кубрякова 1991])

Поскольку актуализация пропозиции предполагает действие определенных прагматических факторов[5], прагматические аспекты актуализации, которые учитывались нами при реализации когнитивных оснований синонимических парадигм, при выявлении соотношения пропозициональной и непропозициональной информации и последующем когнитивно-функциональном моделировании, включают:

1) лингвистическое окружение языковой единицы,

2) конкретную речевую ситуацию (включенность в дискурс),

3) универсальную, энциклопедическую (фоновую) информацию,

4) знания говорящих о языке, которым они пользуются,

5) коммуникативную интенцию говорящего.

К потенциальным возможностям (свойствам) номинативных синонимов – именных структур с пре- и постпозитивным определением – относится их способность 1) передавать отношения разного уровня категоризации, что соответствует их семантическим функциям (как конституентам разных ФСК, производных от понятийных категорий), 2) передавать "отношения через отношения", что соответствует способу номинации, и 3) специфицировать разные компоненты ситуации, т е реализовать разные способы языкового осмысления отношений внутри ситуации, что соответствует "топикальности"

Семантика синтаксических структур с пре- и постпозитивными атрибутами не только многопланова, но и многомерна, поскольку они передают отношения разного уровня категоризации Например, семантика генитивного словосочетания передает отношения типа "предмет–свойство", "предмет–отношение", "предмет–действие", "предмет–состояние", которые по уровню категоризации являются понятийными категориями Каждая из этих понятийных категорий, в свою очередь, является основанием для целого комплекса семантических функций (СФ). Например, квалитативное отношение "предмет–свойство", конституируемое лексико-грамматическими значениями компонентов структуры, реализуется на другом уровне категоризации как СФ "отношение объекта и его свойства (вещество, форма, цвет, авторская оценка и т д)", СФ "отношения типизации", СФ "отношение признака и его носителя" и т д

Кроме этого, атрибутивные структуры могут отличаться друг от друга способом номинации, т е способом выражения данной семантической функции Как правило, это – передача отношений, выраженных данной СФ, "через другие отношения" Например, структура "существительное + существительное" передает СФ "отношения типизации" через уподобление одного объекта другому (ср *powder-snow – snow like powder* "снег как пыль"), а генитивное сочетание – через уподобление данного объ-

---

[5] Учитываемые нами прагматические аспекты актуализации пропозиции (1–4) связаны с широкои трактовкой понятия пресуппозиции, предложенной В Г Гаком [Гак 1986 16–17] В его понимании пресуппозиция – это совокупность предварительных ('фоновых') знаний делающих возможным данное высказывание и его понимание Понятие пресуппозиции охватывает понятие контекста (лингвистическое окружение данной языковой единицы) и ситуации (внелингвистический субстрат данного высказывания, условия, в которых осуществляется данное высказывание) Различаются следующие типы пресуппозиции 1) общая пресуппозиция – универсальные знания людей об окружающем мире, 2) частная пресуппозиция – сведения, касающиеся данной конкретной ситуации, 3) лингвистическая пресуппозиция – знания говорящих о языке, которым они пользуются Эти же три типа знаний – о мире, о языке и о ситуации речи – признаются необходимыми условиями речевого акта Е С Кубряковой [Кубрякова 2001]

Коммуникативная интенция говорящего (5) входит в коммуникативный аспект прагматики Многими лингвистами отмечается, что вопрос об отношении выражаемой семантики к коммуникативному намерению говорящего имеет существенное значение для широкой проблематики речевой деятельности (см [Гак 1986 190–191, Падучева 1971 221, Степанов 1971 3, 22–25, 80–81, Givón 1995, Kintsh 1974, Partee 1996, Tomlin 1985] и др)

екта другому объекту (свойству) как принадлежащему какому-либо лицу (предмету) (ср *a lion's voice – a voice like a lion's voice, like the voice of a lion* "голос как у льва')

Наконец, каждая атрибутивная структура обладает собственной "топикальностью", т е способностью выделять те или иные компоненты ситуации, представлять их разные детали "Топикальность", или способность к "топикализации" той или иной атрибутивной структуры, определяется

1) степенью выраженности предикативности,

2) расчлененностью/нерасчлененностью создаваемого понятия о ситуации объективной действительности и

3) типом денотата, т е тем, какой именно компонент аргументно-предикатной структуры специфицируется – аргумент или предикат Например, структуры с латентной предикацией могут создавать нерасчлененное понятие (сложное слово), в них может специфицироваться только аргумент (предложное сочетание), только предикат (генитивное сочетание), как аргумент, так и предикат ("существительное" + "существительное") В структурах с эксплицированной предикацией, например, с атрибутом, выраженным придаточным предложением, спецификация предиката может сопровождаться темпоральной локализацией действия/состояния [Кубрякова 1986, Сорокина 1995] и т д

Атрибутивные структуры, выполняющие одну и ту же СФ, образуют номинативную синонимическую парадигму Однако только совпадение способа номинации позволяет синонимам объединяться в ряды ФСС Следовательно, члены одной и той же синонимической парадигмы объединяются в разные ряды ФСС Например, СФ "темпоральность" является основанием для синонимической парадигмы, представленной следующими рядами ФСС

A *the morning's incident*
the problem of tomorrow

B *an April day*
one evening in July

C *the following morning*
the morning that followed

D *the moment of Randal's homecoming*
the moment Randal was born

E *forty eight hours' rest*
an engagement of several months
a two-hour journey

Каждый из рядов ФСС имеет свой способ номинации выражаемых отношений 'темпоральности"

A – через отношения принадлежности к какому-либо периоду времени,

B – через отношения локативности, как локализованные в каком-то временном плане,

C – через отношения актальности, как период времени, следующий за другим,

D – через отношения тождества (аппозитивные отношения), через которые раскрывается содержание данного временного периода,

E – через партитивные отношения, где период времени представлен как состоящий из отдельных 'частей" (48 часов, 2 часа, несколько месяцев) В пределах ряда ФСС каждый из синонимов обладает собственной "топикальностью' Например, в ряду A генитивная и предложная структуры, сходные по степени выраженности предикативности, специфицируют разные компоненты аргументно-предикатной структуры N'sN – предикат, а NofN – аргумент В ряду D структура с придаточным предложением обладает более выраженной предикативностью, расчлененностью создаваемого понятия, чем структура с герундиальным оборотом В ряду E структура 'существительное + существительное" обладает большей гибкостью, чем генитивное и предложное сочетания, а именно, потенциальной способностью специфицировать как аргумент, так и предикат

Можно предположить, что в нашем случае связывание таких концептов, как 'предмет–отношение', "предмет–действие", "предмет–свойство" и установление **отношений** между ними ('отношение объекта и его свойства", "отношение отчуждаемой и неотчуждаемой принадлежности", "субъектно-предикатные отношения", объектно-предикатные отношения" и др), происходит на уровне пропозиции В момент перехода во внешнее высказывание говорящим осуществляется выбор как способа номинации ("отношения через отношения"), так и способа языкового осмысления ситуации (исходя из потенциальной топикальности структур) При этом именные группы (атрибутивные сочетания) формируют в общей пропозициональной структуре внешнего высказывания номинативные блоки, которые сами представляют собой **свернутые пропозиции**

Знание потенциальных свойств ИГ входит в языковую компетенцию говорящего и используется им при выборе синонимов исходя из его коммуникативной интенции

Поскольку на предречевом (пропозициональном) уровне содержится информация скорее о том, что составляет 'сходство" синонимов, чем о том, что их различает и имплицирует возможности "выбора", можно предположить, что когнитивным основанием номинативной синонимической парадигмы, точнее ряда ФСС, является свернутая пропозиция, актуализация которой определяется отношениями согласования между членами пропозиции, коммуникативной интенцией говорящего, а также знанием коммуникантов о мире (типе передаваемой ситуации), о языке (потенциальных возможностях ИГ) и о ситуации речи (при включении ИГ во внешнее высказывание в качестве номинативных блоков)

9 Выявленные в результате анализа взаимосвязи и отношения между номинативно релевантными компонентами структур (потенциальные возможности исследуемых языковых выражений), когнитивные основания синонимических парадигм (свернутые пропозиции) и прагматические составляющие их актуализации были использованы при **когнитивно-функциональном** моделировании синонимических парадигм При этом из всех прагматических составляющих актуализации пропозиции (при наличии их взаимосвязи) коммуникативная интенция говорящего и его языковые знания (знания о потенциальных возможностях языковых выражений) признаются константными" и выносятся за пределы модели Включенный в модель прагматический компонент имплицирует разную степень участия "пресуппозиционного фонда коммуникантов, что связано с объемом той или иной структуры и ее дискурсным окружением Выбор говорящим того или иного синонима определяется тем, какое наполнение когнитивно-функциональной модели будет актуализировано им в речевом акте в соответствии с его коммуникативным намерением и языковыми знаниями

Так, исходными для моделирования номинативных синонимических парадигм избираются номинативная семантическая функция, способ номинации и "топикальность Формируемая ими модель определяет специфику членов синонимической парадигмы и имеет вид

$$КФМ = СФ + Prag[NP(СН) + Т], \quad \lfloor a \Leftrightarrow p \rfloor$$

где СФ – семантическая функция ("отношение объекта и его свойства", "отношение части к целому", "субъектно-предикатные отношения" и т д), СН – способ номинации, NP – компоненты именной фразы (субстантивного сочетания с атрибутом в пре- и постпозиции), являющиеся функцией от способа номинации, Т – топикальность (способность большей или меньшей детализации фрагмента действительности), Prag – прагматический компонент, а ⇔ р – свернутая пропозиция (когнитивное основание синонимической парадигмы) При реализации КФМ прагматический компонент модели проявляет себя как фоновые знания коммуникантов, знание речевой ситуации и включенность в дискурс

Лингвистический механизм реализации данной модели определяется возможностями выбора способа номинации, в пределах ряда ФСС – "топикальностью", при одинаковой степени предикативности и спецификации одного и того же члена аргументно-предикатной структуры – способностью той или иной структуры к рематизации своих компонентов.

Рассмотрим возможный механизм выбора одного из синонимов на примере синонимической парадигмы с общей семантикой – СФ "отношение объекта и его свойства (авторская оценка)". В соответствии с нашей классификацией эта парадигма может быть представлена тремя рядами ФСС:

A *good water*
fish, dull and insipid
stateliness that was amusing

B *a romantic air*
that air of romance

C *a man with inferiority complex*
a young cub who has talent
memory having a beauty

Как указывалось выше, каждый из рядов ФСС имеет свой, отличный от других, способ номинации, который и будет определять выбор того или иного ряда ФСС внутри общей синонимической парадигмы. Хотя все три ряда ФСС передают "отношения объекта и его свойства" путем приписывания какого-либо признака (свойства) данному объекту, само "приписывание" признака производится разным способом: в А – путем простой фиксации признака, в В – путем потенциального или реализованного "опредмечивания" признака и в С – через отношения принадлежности. В пределах ряда ФСС, т.е. в "жестко" заданных условиях синонимии, диктующих непременную общность семантической функции (СФ) и способа номинации (Н) для всех членов ряда, выбор между синонимами будет фактически определяться третьим компонентом когнитивной модели, а именно "топикальностью" той или иной структуры. Из трех составляющих "топикальности" расчлененность/нерасчлененность передаваемого понятия и степень предикативности структуры оказываются напрямую связанными с положением адъюнкта по отношению к ядру структуры, т.е. с пре- или постпозицией определения. В лингвистической литературе неоднократно отмечались следующие зависимости:

1) препозитивное определение более тесно связано с определяемым словом, чем постпозитивное, и часто вся структура бывает эквивалентной простому или сложному слову;

2) постпозитивное определение более предикативно, чем препозитивное, в большей степени выделяет признак, присущий лицу или предмету только для данного момента;

3) постпозитивные структуры с латентной предикацией указывают на признак имплицированно, структуры с выраженной предикацией – эксплицированно.

Рассмотрим теперь возможности выбора синонима внутри ряда ФСС и попытаемся сформулировать коммуникативные намерения автора высказывания, которые базируются на входящих в его языковую компетенцию знаниях о "топикальности" каждой из структур. Так, коммуникативным намерением автора может быть рематизация признака, приписываемого объекту речи. В этом случае из членов ряда А – с препозитивным и постпозитивным прилагательным – выбирается синоним, содержащий наименование признака в постпозиции. Ср.: [СФ "отношение объекта и его свойства. (цвет)"].

A *The dark, silent men and women in the line seemed like a host of mourners in this world of dreary sky and slush-laden earth.*
Her brother Simon was a big man, very dark and strong and silent, with the same big eyes as his sister.

При этом, чем более эксплицирована предикативность структуры, тем сильнее выделяется признак, приписываемый объекту. Ср.:

He settled his hat upon his neat grey hair and then raised it again politely, turning away.

The woman sat fingering her hair which was thin and greying.

Если целью автора высказывания является придание большей экспрессивности именованию признака объекта речи, то из двух синонимов ряда В он выбирает структуру с "*of* – фразой", которая, в отличие от препозитивной структуры, не только специфицирует предикат, но и представляет его как типичный отличительный признак объекта. Ср.: [СФ "отношение объекта и его свойства (авторская оценка)"].

В *He had a romantic, dashing air about him.*

The fellow is, as you may have heard, extraordinarily handsome, with a most fascinating manner, a gentle voice, and that air of romance and mystery which means so much to a woman.

Если же автор, выражая свое отношение, предполагает меньшую меру качества, чем приписывается в ряду В, или, наоборот, особые преимущества, получаемые объектом через обладание этим качеством [Селиверстова 1983], то он выбирает один из членов ряда С. При этом предложное сочетание представит объект и его признак как нерасчлененное понятие; структура с причастным оборотом, обладая большей предикативностью в силу глагольного характера причастия и вводя семантику принадлежности, представит ее, тем не менее, как характеризацию (описание самого объекта через его признак); структура же с придаточным предложением в силу эксплицированной предикативности может рематизировать как сам признак, так и наличие признака. Ср.:

С *He was a dull man with an inferiority complex.*

Two misty prints were mixed with them, presentments of horses having a stilted extravagant physique...

...He was watching someone he had never met before. A very unexpected young woman who had a beauty of her own, and a pose and dignity that he had not suspected.

'Well', I said to myself, here is a young cub who certainly has talent'.

Кроме того, структура с эксплицированной предикативностью допускает разного рода контекстную детализацию. Такая структура может избираться говорящим для сообщения дополнительной информации об объекте. Ср.:

They wore smartly-shouldered suits, their caps sat at angles, and scarves flung back over their shoulders.

On hot days in summer Mr Candleton wore cream flannel trousers with a blue pin stripe in them, a blazer with red and orange stripes.

Lane Countell, in a Burberry raincoat that apparently had a wool liner buttoned into it, was one of the six or seven boys out on the open platform.

[СФ "отношение обладателя к обладаемому (неотчуждаемая принадлежность)"].

Целью автора высказывания может быть снятие двусмысленности в передаче характера модальности. Например, модальное значение, свойственное инфинитиву в качестве компонента атрибутивной структуры, может быть истолковано двояко – как возможное или как последующее (будущее) действие. Для снятия этой двусмысленности из двух синонимов, членов одного и того же ряда ФСС в СФ "объектно-предикатные отношения", выбирается структура с эксплицированной предикативностью, полностью разрешающая неоднозначность толкования. Ср.:

He made a list of things to be taken.

There are men who love to gaze with the mind at things that can never be seen; feel at least the throb of the beauty that will never be known.

В синонимической парадигме с СФ "отношение целого к части", представленной одним рядом ФСС, выбор синонима также будет определяться, при прочих равных условиях, "топикальностью" той или иной структуры. Ср.:

(1) *The only way to rest was to dig a dirt ledge with the shoeheels and set the can upright and squat around it, because to let go of the can would be lose it entirely.*

(2) *The habit of interview carried from his job into his encounter with us in the form of an uncanny attentiveness betrayed, when Peggy's voice nervously reached too high, by a fiddling pronation of his wrists in his shirt cuffs.*

(3) *The shoe's stiletto heel struck him on the left side of his face.*

(4) *He nodded once, emphatically, and started off on up the hill, the heel of his palm still resting positively on the pistol butt.*

В (1) обозначаемое представлено как нерасчлененное понятие, в (2) и (3) автором рематизируется описываемый объект, в (4) рематизируется приписываемый объекту признак.

При одинаковой степени предикативности и спецификации одного и того же члена аргументно-предикатной структуры (аргумента) выбор между (2) и (3) может быть обусловлен несколькими причинами, в том числе, большей гибкостью структуры типа NN по сравнению с N'sN. Как указывалось выше, в этой структуре может специфицироваться как аргумент, так и предикат, т.е. по воле говорящего может топикализироваться как сам объект, так и приписываемый ему признак. Ср.:

All he had to do was unhook it off the web pistol belt, hook it into his rifle cartridge belt, and stuff the extra clips into the cartridge pockets above it.

Здесь рематизируется признак объекта, "*pistol belt*" противопоставляется "*rifle cartridge belt*". Автор подчеркивает, что единственное, что герою необходимо было сделать, это отцепить пистолет от одного ремня и прицепить его на другой. Однако тот же автор далее пишет:

Up to then Mast had been used to sleeping with his cartridge belt, and the holstered pistol, under his head for a sort of makeshift pillow and he woke up from a fitful sleep in the unceasing ear-beating wind to feel his belt with the pistol on it, being stealthily withdrawn from under his head /.../ After that he decided to sleep with his belt on...

Здесь в "*cartridge belt*" рематизируется сам объект "*belt*", что в дальнейшем дублируется контекстом.

Ранее мы попытались описать возможный механизм выбора того или иного синонима внутри ряда ФСС. Попробуем охарактеризовать в терминах коммуникативных намерений говорящего лингвистический механизм выбора члена синонимической парадигмы, включающей разные ряды ФСС. Так, если целью автора высказывания является охарактеризовать объект с точки зрения его цвета, то из всех атрибутивных структур ему придется выбирать те, которые выполняют СФ "отношение объекта и его свойства (цвет)". Поскольку не все изофункциональные структуры передают это значение одинаково, дальнейший выбор зависит от того, каким способом автор высказывания хочет "приписать" описываемому объекту тот или иной цвет: (1) через наименование цвета как признака данного объекта, т.е. его характеризацию ("синие глаза") или (2) через уподобление описываемого объекта другому объекту, имеющему данный цвет ("глаза цвета неба"). Иными словами, на этом этапе выбор синонима определяется разным способом номинации (СН). Ср.:

A (1) *his neat grey hair*
(2) *their heads, black and fuzzy*
(3) *her hair, which was nearly black*
(характеризация)

B (1) *pepper-coloured hair*
(2) *a parasol, peach-coloured*
(3) *hair and lashes the colour of the tow*
(уподобление)

Наконец, выбрав простое наименование признака (А), автор может только фиксировать его (А1), представить его как дополнительную характеристику в ряду других (А2) или выделить его, чтобы привлечь к нему внимание адресата (А3). В каж-

дом случае выбор конкретной структуры определяется ее "топикальностью" (Т). Ср.:

A1 *He settled his hat upon his neat gray hair and then raised it again politely, turning away.*

A2 *Their heads, black and fuzzy, showed above the gate.*

A3 *...her hair, which was nearly black, hung in untidy, straight wisps to her shoulders.*

При том, что коммуникативное намерение говорящего обнаруживает связь со всеми составляющими прагматики коммуникативного акта, при реализации предлагаемых здесь и далее когнитивно-функциональных моделей именно коммуникативное намерение говорящего и его языковые знания являются "константными" и выносятся за пределы модели. Компонент Prag, включенный в модель, имплицирует разную степень участия "пресуппозиционного фонда" коммуникантов, что связано с объемом той или иной структуры (высказывание или его часть) и ее дискурсным окружением. Так, при реализации КФМ прагматический компонент модели проявляет себя как фоновые знания коммуникантов, знание конкретной речевой ситуации и включенность в дискурс (ИГ – в составе высказывания).

Предложенная выше схема действия семантических и прагматических факторов при выборе членов номинативных синонимических парадигм не претендует на воспроизведение этапов речемыслительного процесса (хотя и соотносится с некоторыми из них), но лишь фиксирует разного рода взаимосвязи и взаимозависимости – отношения, возникающие в процессе реализации моделей. Единство семантики и прагматики, постулируемое когнитивной ориентацией исследования, и невозможность отделить в речемыслительном процессе когнитивный аспект от коммуникативно-прагматического вызвал необходимость их синтезированного представления при обсуждении лингвистического механизма выбора между синонимами.

Предложенная выше модель номинативной функциональной синонимической парадигмы может быть охарактеризована как частная когнитивно ориентированная лингвистическая модель, базирующаяся на принципах функционально-грамматического описания и призванная объяснить и прогнозировать выбор синонимичных средств с учетом интенции говорящего и языкового и неязыкового контекста речевого акта (знаний о мире, речевой ситуации и о языке).

Проблема "выбора" между синонимами как проявление внешнелингвистической вариативности находит отражение и в действии социолингвистических факторов (в данной статье они не рассматриваются).

10. Исследование функциональной грамматической синонимии как одного из проявлений языковой вариативности и сопричастных этому явлению проблем, связанных с природой языковых процессов, позволило предположить следующее:

1) Поскольку одним из фундаментальных понятий человеческой деятельности является понятие категоризации, предполагающее способность человека классифицировать явления, систематизировать наблюдаемое и видеть **сходство** одних явлений в противовес различию других, именно это понятие является, на наш взгляд, когнитивным основанием синонимии в целом. С этих позиций синонимическая парадигма предполагает а) разную степень эквивалентности, но не полной тождественности ее составляющих и б) группировку единиц, характеризующихся неким общим свойством.

Если с функционально-грамматической точки зрения основанием синонимической парадигмы является общность семантической функции, т.е. цели (назначения) употребления разноуровневых языковых средств, то ее когнитивным основанием является семантическая аргументно-предикатная структура (пропозиция) с заложенными в ней отношениями согласования между ее членами, которые в зависимости от общих прагматических условий по-разному задействованы в речемыслительном процессе. Далее, если в основании когнитивного аспекта синонимии в целом, и ФГС в частности, лежит идея "сходства", то **различия** между синонимами находят свое отражение в коммуникативном аспекте ФГС, включающем как обусловленную коммуникативной интенцией говорящего, его языковой компетенцией и прагматикой

речевого акта реализацию отношений согласования, так и учет говорящим применения языка, его социальной функции

2) Известно, что одним из постулатов когнитивного подхода является рассмотрение языка как своеобразной упаковки" знаний (о мире и языковой системе) и мыслительного содержания, передаваемого в процессе коммуникации В этой связи, если лексическое значение включает в себя весь комплекс знаний об обозначаемом, существующий в данном социуме в данный исторический период, то грамматическое значение – это блок знаний об организации разного рода **отношений** С этой точки зрения модель синонимической парадигмы есть "упаковка" знаний об отношениях Это прежде всего а) знания о соотношении лексико-грамматической, морфологической и синтаксической семантики, б) знания о соотношении языка и действительности и в) соотношение неязыковых (фоновых и контекстно обусловленных) знаний говорящего и его собственно языковых знаний

В свете вышеизложенного когнитивно-функциональное моделирование представляется оправданным как отвечающее задачам когнитивной лингвистики, а сама методика семантического моделирования – операционально эффективной (как способ грамматического описания и объяснения) При этом функционально-грамматический подход к языковому исследованию, на наш взгляд, не только отвечает принципам когнитивной ориентации в плане изучения содержательной стороны языковых выражений и их корреляции с ментальными структурами, но и позволяет учитывать коммуникативную деятельность и влияние на эту деятельность контекста ее осуществления В этом смысле синтезированная" система исходных допущений и методик языкового анализа может оказаться продуктивной для дальнейших исследований лингвистических механизмов, реализующих грамматический аспект языковых выражений, как конкретная манифестация **сближения** функционального и когнитивного подходов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Адмони 1988 – *В.Г Адмони* Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики. Л , 1988

Апресян 1995 – *Ю Д Апресян* Избранные труды. Том I Лексическая семантика М , 1995

Арнольд 1976 – *И В Арнольд*. Эквивалентность как лингвистическое понятие // Ин яз в шк 1976 № 1

Арутюнова 1976 – *Н Д Арутюнова* Предложение и его смысл М , 1976

Березин 2000 – *Ф М Березин* О парадигмах в истории языкознания XX в // Лингвистические исследования в конце XX в М , 2000

Богданов 1988 – *В В Богданов* Семантическая и прагматическая вариативность синтаксических структур // Всесоюзная конференция "Проблемы вариативности в германских языках" Калинин 1988

Бондарко 1978 – *А В Бондарко* Грамматическое значение и смысл М , 1978

Бондарко 1983 – *А В Бондарко* Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии Л , 1983

Бондарко 1998 – *А В Бондарко* О стратификации семантики // Общее языкознание и теория грамматики. Материалы чтений, посвященных 90-летию со дня рождения С Д Кацнельсона СПб 1998.

Бондарко 2002 – *А В Бондарко* Теория значения в системе функциональной грамматики На материале русского языка М , 2002

Гак 1977 – *В Г Гак* К типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация Общие вопросы М 1977

Гак 1985 – *В Г Гак* К типологии функциональных подходов к изучению языка // Проблемы функциональной грамматики / В Н Ярцева (ред) М , 1985

Гак 1986 – *В Г Гак* Теоретическая грамматика французского языка М , 1986

Гак 1988 – *В Г Гак* Об исчислении лексико-синтаксических синонимов // Язык система и функционирование М , 1988

Гвоздев 1955 – *А Н Гвоздев* Очерки по стилистике русского языка М , 1955

Гулыга 1964 – *Е В Гулыга* Сложноподчиненное предложение Дис . докт филол наук М 1964
Егоров 1986 – *А П Егоров* Структурно-семантическая организация и функционирование именных групп в современном английском языке Дис канд филол наук М , 1986
Зализняк 1967 – *А А Зализняк* Русское именное словоизменение М , 1967
Золотова 2001 – *Г А Золотова* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса М , 2001
Иванова 1961 – *И П Иванова* К вопросу о грамматической синонимии // Исследования по английской филологии Т 2 Л , 1961
Кибрик 1991 – *А А Кибрик* Современная лингвистика откуда и куда? // Вестник МГУ Сер 9 Филология 1991 № 5
Кибрик, Плунгян 1997 – *А А Кибрик, В А Плунгян* Функционализм // Фундаментальные направления современной американской лингвистики / А А Кибрик и др (ред) М 1997
Кобозева 1996 – *И М Кобозева* О международной конференции "Лингвистика на исходе XX века итоги и перспективы" // ВЯ 1996 № 2
Ковтунова 1955 – *И И Ковтунова* О синтаксической синонимии // Вопросы культуры речи 1955 Вып 1
Колшанский 1976 – *Г В Колшанский* Некоторые вопросы семантики языка в гносеологическом аспекте // Принципы и методы семантических исследований М , 1976
Краткии словарь 1997 – *Краткий словарь* когнитивных терминов / Е С Кубрякова (ред) М 1997
Кубрякова 1986 – *Е С Кубрякова* Номинативный аспект речевой деятельности М , 1986
Кубрякова 1991 – *Е С Кубрякова* Модели порождения речи и главные отличительные особенности порождающего процесса // Человеческий фактор в языке Язык и порождение речи / Б А Серебренников (ред) М , 1991
Кубрякова 1995 – *Е С Кубрякова* Эволюция лингвистических идей во второй половине 20 века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца 20 века / Ю С Степанов (ред) М , 1995
Кубрякова 2000а – *Е С Кубрякова* // РЖ РАН ИНИОН Сер 6 Языкознание № 3 2000 – Рец Discourse studien in cognitive linguistics Amsterdam, 2000
Кубрякова 2000б – *Е С Кубрякова* О понятии дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике // Дискурс речь, речевая деятельность функциональные и структурные аспекты М , 2000
Кубрякова 2001 – *Е С Кубрякова* Об актуальных задачах теории словообразования (на рубеже веков) // Материалы международной конференции, посвященной научному наследию Марии Дмитриевны Степановой и его дальнейшему развитию М , 2001
Кузнецов 1990 – *А М Кузнецов* Вариативность в языке и варианты единиц на разных уровнях языковой структуры // Проблемы языковой вариативности Ф М Березин и др (ред) М 1990
Павиленис 1983 – *Р И Павиленис* Проблема смысла М , 1983
Падучева 1980 – *Е В Падучева* Об атрибутивном стяжении подчиненной предикации в русском языке // Машинный перевод Вып 20 М , 1980
Падучева 1996 – *Е В Падучева* Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке Семантика нарратива) М , 1996
Панкрац 1992 – *Ю Г Панкрац* Пропозициональные структуры и их роль в формировании языковых единиц разных уровней Минск, Москва, 1992
Пешковский 1927 – *А М Пешковскии* Принципы и приемы стилистического анализа и оценки художественнои прозы М , 1927
Распопов, Сычева 1974 – *И П Распопов С Н Сычева* Синтаксическая деривация и синтаксическая синонимия // НДФШ ФН 1974 № 3
Рихтер 1937 – *Г И Рихтер* Синтаксическая синонимика в современном русском литературном языке (стилистические наблюдения) // Русский язык в школе 1937 № 3
Селиверстова 1983 – *О Н Селиверстова* Экзистенциональность и посессивность в языке и речи Дис докт филол наук М , 1983
Сорокина 1995 – *Т С Сорокина* Функциональная грамматическая синонимия в английском языке М , 1995
Степанов 1971 – *Ю С Степанов* Семиотика М , 1971
Степанов 1981 – *Ю С Степанов* Имена Предикаты Предложения М , 1981
Хэррис 1962 – *З Хэррис* Совместная встречаемость и трансформация в языковой структуре // Новое в лингвистике II М , 1962

Шендельс 1962 – *Е.И Шендельс.* Синтаксические варианты // НДВШ ФН 1962. № 1
Шендельс 1964 – *Е.И. Шендельс* Грамматическая синонимия (на базе морфологии глагола в современном немецком языке). Дис. . .докт. филол наук. М., 1964.
Шендельс 1970 – *Е И. Шендельс.* Многозначность и синонимия в грамматике М., 1970
ЯН 1995 – *Язык и наука* конца XX века. М., 1995.
Ярцева 1957 – *В Н Ярцева.* О грамматических синонимах // Романо-германская филология Вып. 1 М , 1957.
Bates, MacWhinney 1989 – *E. Bates, B MacWhinney* Functionalism and the competition model // The crosslinguistic study of sentence processing 3. 1989.
Chomsky 1957 – *N Chomsky.* Syntactic Structures The Hague, 1957
Givón 1995 – *T Givón.* Functionalism and grammar. Amsterdam, 1995
Jackendoff 1990 – *R. Jackendoff.* Semantic structures. Cambridge (Mass), 1990.
Jackendoff 1992 – *R Jackendoff* Languages of the mind: Essays on mental representation. Cambridge (Mass) 1992
Kintsh 1974 – *W. Kintsh.* The representation of meaning in memory. New York; Toronto, London, 1974
Mc Cawley 1986 – *J Mc Cawley.* A Lexical insertion in a transformational grammar without deep structure // Papers from the Forth Regional meeting. Chicago, 1986.
Partee 1996 – *B.H Partee* Semantics and theories of context // Московский лингвистический журнал. Т 2 М., 1996
Tomlin 1985 – *R S Tomlin* Foreground-background information and the syntax of subordination // Text. Bd. 2. Hf 1/2. Berlin, 1985.
Weinreich 1972 – *U Weinreich* Explorations in semantic theory The Hague; Paris, 1972

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 3 2003

© 2003 г. А.Н. СОБОЛЕВ

НОВГОРОДСКАЯ ПСАЛТЫРЬ XI ВЕКА И ЕЕ АНТИГРАФ

"Il est sans doute bien hasardeux de rétablir
l'histoire primitive du psautier slave".
J. Lépissier

Текст Новгородской псалтыри является основным текстом так называемого Новгородского кодекса, который был обнаружен Новгородской археологической экспедицией на Троицком–XII раскопе в напластованиях 1-й четверти XI века. Кодекс представляет собой три липовые дощечки, залитые воском (внешние – с одной, внутренняя – с двух сторон), и, таким образом, четыре восковых страницы. Применением различных методов было установлено примерное время попадания книги в землю – "последние годы X – первая четверть XI века" [Зализняк, Янин 2001: 5]. После сложной реставрации памятника и в ходе его изучения стало «известно, что он содержит два рода текстов: 1) основной текст – легко и надежно читаемый (за вычетом отдельных букв) текст на воске; 2) "скрытые" тексты – восстанавливаемые с чрезвычайным трудом и без полной надежности; это тексты, непосредственно процарапанные по дереву или сохранившиеся в виде слабых отпечатков на деревянной подложке воска, возникавших при письме по воску» [Зализняк, Янин 2001: 6].

Основной текст, писанный кириллицей, содержит два полных псалма Асафа (75 и 76-й) и фрагмент одного из псалмов царя Давида (а именно 67-го) и поэтому может быть назван Новгородской псалтырью По составу наш памятник, по всей видимости, того же типа, что и известная старославянская глаголическая Синайская псалтырь XI в. Следует признать случайностью тот факт, что до нас в качестве основного дошел именно этот текст псалтыри, а не какой-либо из предшествовавших "скрытых".

Текст опубликован А А Зализняком и В.Л. Яниным (снимок 1-й страницы основного текста на воске, наборное издание текста без учета отпечатков букв на деревянной подложке, наборное издание текста с учетом отпечатков букв на дереве [Зализняк, Янин 2001: 12, 13–15; 16–18]). Публикаторы, не претендуя на полноту, сопроводили текст краткой характеристикой его состава, орфографии, частично фонетики и совсем кратко (всего 6 строк) – морфологии, привели список текстологических разночтений с 9-ю другими древнейшими и более поздними славянскими псалтырями, дали общую оценку его значения как уникального памятника письменности Древней Руси и Новгорода (ср [Зализняк 1995]) и установили, что язык всего кодекса в целом – в основе своей старославянский, но свидетельства и характер деназализации носовых говорят в пользу восточнославянского происхождения писца. Памятник является одноеровым, то есть редуцированные гласные передаются одной буквой ъ [Зализняк, Янин 2001: 7–8]. Уже на основании этих сведений Новго-

родскую псалтырь следовало бы причислить к так называемым неканоническим памятникам старославянского языка.

Цель предпринимаемого в настоящей статье[1] исследования состоит именно в характеристике Новгородской псалтыри как неканонического памятника старославянского языка, что подразумевает постановку вопросов "где", "когда", "кем" и 'с какой целью" мог быть написан ее антиграф, то есть тот старославянский текст, списком с которого она является Необходимо подчеркнуть, что в цели работы не входит рассмотрение той роли, которую сыграл антиграф Новгородской псалтыри в становлении дальнейшей рукописной традиции псалтырного текста или древнерусских орфографических систем

Путь по которому антиграф нашей псалтыри попал на Русь и далее в Новгород, вероятно не отличался от обычных путей миграции "древнеболгарского литературного наследия в направлении русских пределов еще в X–XI в " [Куев 1986 30][2] Известно, что на Русь попадали рукописи как из восточноболгарских (см [Алексеев 1999: 139]), так и из македонских областей (см [Сперанский 1928–1929 518–524]), что ставит дополнительную задачу диалектной атрибуции языка каждой из них и антиграфа Новгородской псалтыри в частности

Еще Н.Н. Дурново с полным правом отметил, что "русские рукописи, восходящие к южнославянской орфографической традиции первой половины XI в., имеют большое значение помогая судить и о самом старославянском языке и об эволюции его у южных славян в X и XII вв с большей ясностью, чем это можно сделать, пользуясь памятниками только южнославянского письма" [Дурново 1924 73] Суждение это должно основываться в первую очередь на рассмотрении вопросов текстологии (см [Жуковская 1976]), орфографии и языка сохранившегося древнерусского списка и на дальнейшей реконструкции характеристик его антиграфа[3], которые затем должны быть рассмотрены в кругу релевантных проблем кирилло-методиевистики, южнославянской письменной традиции X–XI вв. и ранней южнославянской диалектологии[4]. Не последнее место для историка языка в этом круге проблем занимает соотношение традиционной орфографии, усвоенной писцами, написаний непосредственных оригиналов и особенностей живого произношения.

Для достижения указанной цели на первоначальном этапе работы текст Новгородской псалтыри был сопоставлен с греческим текстом Септуагинты [Rahlfs 1931] и латинским текстом Вульгаты [Vulgata 1969], старославянскими текстами Синайской псалтыри[5] и двух других древнейших славянских псалтырей – Бычковской XI в. и Чудовской XI в (соответствующий научный аппарат – критическое издание текста и словоуказатель с греческими соответствиями – в данной статье опускает-

---

[1] Автор выражает глубокую признательность В Б Крысько (Ин-т русского языка РАН Москва) критические замечания которого способствовали улучшению настоящей работы и устранению ряда неточностей За помощь в работе над статьей автор благодарит также А Б Борисову (СПбГУ)

[2] Ср , однако, сомнения Г Роте, высказанные в его проникнутой скепсисом брошюре, в том, что болгарские рукописи могли попасть на Русь до 1037 г [Rothe 2000 69]

[3] Приведу в качестве примера подобного исследования известную статью Н Н Дурново, который выдвинул программное положение о необходимости рассмотрения целого ряда релевантных фактов фонетики и морфологии и представил образец его реализации (не всегда полной и не всегда одинаково подробной) на примерах конкретных рукописей (см [Дурново 1924 75–76]; ср. также [Дурново 1959])

[4] Ср. с более ограниченным пониманием задачи М Н Сперанским 'восстановление оригинала на основании дошедшего, русского по изводу, текста и изучение этого оригинала под углом зрения исторической диалектологии болгарского языка" [Сперанский 1928–1929 517]

[5] Сравнение наборного издания Синайской псалтыри С Северьянова с фототипическим изданием М. Альтбауэра привело к уточнению расстановки знаков для титла

ся)[6]. Выявленные текстологические схождения и различия были соотнесены с результатами восстановления первоначального псалтырного текста, предпринятого И. Карачоровой на материале более двух десятков псалтырей (в том числе Болонской, Погодинской, хорватской глаголической XV в. (Osterreichische Nationalbibliothek, cod. slav. 77) и др. [Карачорова 1989: 134–135]), а также с некоторыми общими итогами изучения ранней славянской псалтырной традиции в научной литературе В результате в первой части настоящей работы оказалось возможным охарактеризовать предположительное место нашего текста в ранней славянской текстологической традиции псалтыри (раздел "Текст"). Во второй части статьи проводится подробное описание фонетики и морфологии языка памятника, производится его со поставление с языковыми и орфографическими особенностями некоторых других старославянских текстов (раздел ' Язык"). В данной работе я полагал необходимым исходить из того, что достижение ее конечной цели и выдвижение обоснованных гипотез о характере Новгородской псалтыри и ее антиграфа возможно лишь в результате тщательного, полного и комплексного изучения релевантных текстологических и лингвистических признаков этого памятника

ТЕКСТ

Старославянские тексты в соответствии с относительно узкими задачами предпринятого исследования передаются кириллицей в существенно упрощенном графическом варианте (при необходимости читатель может справиться о их оригинальных особенностях по соответствующим изданиям)[7].

Все известные мне текстологические исследования славянской псалтыри приводят греческие и латинские варианты текста в первую очередь по критическому изданию А. Ральфса (Й Вайс, Й. Лауренчик, Ж Лепись, И Карачорова и др), хотя общепризнано, что его критический аппарат не дает нам ответа на все наши вопросы [Laurenčik 1948 69–70][8] В настоящей работе я не вижу причин не следовать в русле сложившейся в течение десятилетий научной традиции Кроме того, в исследовании был использован критический аппарат к изданию Норовской псалтыри, учитывающий разночтения более широкого круга греческих рукописей, чем представлено в издании А. Ральфса (в это издание наряду с текстами А Ральфса "входят разночтения по трем славянским псалтырям с греческими соответствиями по византийским источникам IV–VI и X–XII вв " [Чешко и др 1989 7]) Тем не менее совершенно ясно, что какие-то из вариантов славянских текстов могут восходить к особенностям греческих текстов, не включенных в использованные издания (ср. [Карачорова 1989. 240], см также [Скупский 1977]) Необходимо оговориться, что в настоящей

---

[6] Для правильной филологической интерпретации греческого текста были использованы следующие словари и конкордансы [Bodoh 1970, GEL, Hatch, Redpath 1897· Lampe 1961, LBG Liddell, Scott 1996, Morrish 1976, Sophocles 1893] Были привлечены также аналогичные работы по старославянскому языку [Граматика 1991, Люсен 1995, СтслСл, Aitzetmuller 1977, Diels 1931, Koch 1990, Koch 2000, Leskien 1962, Miklosich 1862–1865, SJS, Večerka 1989–1996], включая энциклопедические [KME], а также ряд этимологических словарей [БЕР, ЭССЯ, ESJS, SPsl]

[7] Так, например, знаки, стоящие в оригинале над строкой, вводятся на соответствующем месте в строку, лигатуры разъединяются, на исправления писца указывается в подстрочных примечаниях и др В неясных и ненадежных случаях предпочтение отдается чтению издателей текстов, в круглых скобках даются чистые конъектуры издателей Прочерк обозначает отсутствующую букву Знак обозначает паерок

[8] Таким образом, не ново, но излишне строго суждение А А Алексеева Следует < > предупредить против научного использования этого издания, ибо реальный текст Септуагинты, как он представлен в рукописных источниках, подвержен гораздо большему диапазону текстовых колебаний", а критический аппарат этого издания дает 'лишь типовые чтения" [Алексеев 1999 109, 110]

работе не ставится в качестве задачи установление того конкретного греческого текста, с которого делался славянский перевод (ср. [Дмитриев 1992: 124]). Для собственно славистического исследования, как показывает традиция и современная практика исследования текста псалтыри, достаточно лишь соотнесения славянских текстов с принятой в науке классификацией редакций греческих и латинских текстов (ср. [Огрен 1991: 20–21]).

Новгородская псалтырь в контексте старославянских переводов

Вопрос о времени и месте возникновения первого славянского перевода псалтыри, равно как и задача реконструкции ранней истории этого текста далеки от однозначного и удовлетворительного разрешения. В любом случае, в славистике господствует мнение Й. Добровского, разделявшееся и В. Ягичем [Jagić 1913: 281], о том, что псалтырь была одной из первых книг, переведенных славянскими апостолами, о чем сообщают глава 14 Жития Кирилла и глава 15 Жития Мефодия. "Как кажется, нет возможности подтвердить эти исторические свидетельства филологической аргументацией, так что авторство братьев в переводе этих двух текстов является для филологии аксиомой" [Алексеев 1999: 94]. Напротив, открыт вопрос о том, была ли псалтырь переведена до отправления Кирилла и Мефодия в Моравию (эта точка зрения принята, например, в болгарской и польской науке (см. [Карачорова 1989: 131; Szulc 1999: 113, со ссылкой на авторитет Т. Лер-Сплавинского]) или уже в ходе моравской миссии (см. [Lépissier 1964: 72; MacRobert 1993b: 78]).

Основная проблема здесь, как и в кирилло-методиевистике в целом, состоит в отсутствии у нас неславянских оригиналов, с которых был осуществлен перевод, и в отсутствии самого текста первого перевода. Их характеристики приходится восстанавливать на основании анализа почти на 200 лет более поздних рукописей XI в. При этом, с одной стороны, приходится изначально допустить возможность того, что в течение всего этого периода и на разных территориях западного и южного славянства могло иметь место неоднократное исправление перевода с текстуально-критической стороны, в направлении приближения текста к греческому оригиналу, как это хорошо засвидетельствовано для дальнейшей истории славянской псалтыри [Vlášek 1969: 608][9]. С другой стороны, литургическое использование псалтыри должно было с необходимостью приводить к более высокой стабильности ее текста по сравнению с другими текстами Ветхого Завета (см. [Алексеев 1999: 152])[10].

Не нашел еще однозначного разрешения и вопрос о языке и редакциях текстов, с которых делались первые славянские переводы. Хотя и общепринято положение о том, что славянская псалтырь была переведена с греческого, о чем свидетельствуют хотя бы очевидные переводческие кальки, все же остается открытым, какой именно греческий текст был основой этого перевода [Lépissier 1964: 59]. Поэтому типология различий между редакциями греческого текста – это "первое, что необходимо принимать во внимание при работе с греко-славянскими переводами" [Дмитриев 1992: 122]. Славянский текст должен к тому же отличаться от Септуагинты в том виде, в каком мы ее находим в критических изданиях, уже потому, что славянские переводчики располагали поздними греческими рукописями (скажем, IX в.) и в результате "поздние византийские источники дают большую близость к славянскому тексту Псалтыри, чем древнейшие кодексы IV–V вв." [Чешко и др. 1989: 85]. Это сущест-

---

[9] "Первоначальный перевод Псалтыри не рассматривался как законченный факт культуры, не подлежащий изменению и улучшению, но постоянно верифицировался относительно традиции, из которой он был получен" [MacRobert 1993a: 279].

[10] Сознание этого факта не мешает, однако, А.А. Алексееву утверждать в той же работе: "Можно <...> думать, что к текстам с наибольшей вариантностью относятся Евангелие и Псалтырь" [Алексеев 1999: 65].

венно затрудняет решение одной из центральных задач славянской текстологии – обнаружение в славянских списках текста так называемых исконных чтений, совпадающих с чтениями оригинала [Алексеев 1999: 52, 53].

Противоположный случай, т. е. текстологические расхождения между славянскими текстами, с одной стороны, и греческим и латинским текстом, с другой, касаются в случае Новгородской и Синайской псалтыри лишь малоинформативного двукратного отсутствия в славянском переводе сочинительного союза и на месте греческого καὶ, причем в первом случае можно видеть гаплографию:

Nr.	Ps.	Септуагинта и Vulgata	Новгородская и Синайская пс.
1	76.16	τοὺς υἱοὺς Ιακωβ καὶ Ιωσηφ filios Iacob et Ioseph	с҃ны иꙗковꙗ иосифовы снъ҃і ї҆ѣковлꙗ ї҆осіфовъі
2	76,17	καὶ ἐταράχθησαν et turbatae sunt	съмоутишѧ сѧ съмѫтішꙗ сꙗ

Й. Вайс, публикуя через 20 лет некоторые результаты своего прочитанного еще в 1926 г. лекционного курса "Критика старославянского текста псалтыри", полагал вслед за П. Лагардом и А. Лескином, что Лукиановская редакция греческого текста, возникшая в последней четверти III в., а уже в IV в. распространившаяся от Константинополя до Антиохии и постепенно вытеснившая другие редакции, став официальной версией текста псалтыри в греческой церкви[11], "была основой (předlohou), с которой в IX в. переводили текст псалтыри на старославянский язык свв. Константин-Кирилл и Мефодий" [Vajs 1939–1946: 56]. Критики уже давно отметили, что список разночтений Й. Вайса на самом деле демонстрирует лишь то, что славянский перевод не зависит от "египетской" редакции греческого текста и "масса соответствий с Лукиановской версией не является показательной" [Lépissier 1964: 60]. В недавнее время эта все же достаточно привлекательная и хорошо документированная гипотеза была подвергнута критическому разбору А.А. Алексеевым, который даже потребовал "тщательной проверки" самих текстологических аргументов, извлеченных Й. Вайсом из славянских текстов псалтыри [Алексеев 1999: 105–108, 118].

Это послужило дополнительным поводом для проведения сопоставления данных Новгородской псалтыри в представленных в ней псалмах с результатами сравнения старославянского текста псалтыри с греческим текстом разных рецензий, произведенного Й. Вайсом [Vajs 1939–1946: 66].

Псалом 67. Всего у Й. Вайса 8 примеров, но на стихи 4–6 примеров нет.

Псалом 75. Всего 2 примера. В обоих случаях (75,8; 75,10) лишь греческий текст "нижнеегипетской" редакции стоит особняком; чтения в остальных греческих ("западной", Оригеновской и Лукиановской) редакциях и в Вульгате совпадают, а с ними совпадает и славянский текст.

Псалом 76. Всего 4 примера. В двух случаях (76,5 и 76,17[2]) лишь греческий текст "нижнеегипетской" редакции стоит особняком; чтения в остальных греческих ("западной", Оригеновской и Лукиановской) редакциях и в Вульгате совпадают, а с ними совпадает и славянский текст. Лишь в стихе 76,17[1] в тексте Лукиановской редакции и в старославянском опущен сочинительный союз "и", сохраняющийся в остальных греческих рецензиях и в Вульгате.

Гораздо большее значение имеет свидетельство текстологического совпадения между Лукиановской редакцией и старославянским текстом в 76,9: συνετέλεσεν

[11] По всей видимости, можно действительно с уверенностью полагать, что в Константинополе, так же как и в случае с текстом Нового Завета, стабилизации текста псалтыри содействовало его церковно-литургическое применение (см. [Алексеев 1999: 107-108]).

ρῆμα = **съконьча гл҃ъ** в Синайской псалтыри и **съконъча глаголы** в Новгородской (при отсутствии этого чтения в других редакциях; ср., правда, это место в Вульгате iuxta Hebr., где находим consummabit verbum, но и при различии в числе существительного в славянских текстах). Дальнейший текст этого места в Лукиановской рецензии (ἀπὸ γενεᾶς εἰς γενεάν) совпадает с чтением Вульгаты (a generatione in generationem) и со славянским (**отъ рода въ родъ**), расходясь как с греческой "нижнеегипетской" редакцией (ἀπὸ γενεᾶς καὶ γενεᾶς), так и с Вульгатой iuxta Hebr. (de generatione et generatione), которые, как видим, в свою очередь совпадают.

После Й. Вайса внимание исследователей сконцентрировалось на доказательстве того, что "некоторое число чтений этой первой версии может быть лучше объяснено как результат влияния латинской традиции текста" [MacRobert 1990: 7]. В качестве следующего шага настоящего исследования было предпринято сопоставление текста Новгородской псалтыри с известными материалами Й. Лауренчика, пытавшегося выделить в славянской псалтыри не-Лукиановские места [Laurenčík 1948: 74–75].

Псалом 67. У Й. Лауренчика всего 3 примера, но лишь один на имеющийся в нашем тексте стих 67,5: καὶ ἀγαλλιᾶσθε] om. καὶ La$^{R(s)}$ Aug Ga: **г҃ь імѧ ємоу радоуитє сѧ прѣдъ нимъ**[12]. Именно в этом месте Новгородская псалтырь, в отличие от Синайской, имеет как раз характерное для Лукиановской редакции **и**.

Псалом 75,4. Единственный пример: τὰ κράτη τῶν τόξων fortitudines arcuum Aug, potentias arcuum Ga] fortitudinem arcus La^{R}: **тоу съкроуші крѣпость локъ**. Текст в Синайской псалтыри смешанный: **крѣпость** (sg.) совпадает с La^{R}, но **локъ** с остальными рукописями. И снова Новгородская псалтырь, в отличие от Синайской, как и греческий текст, имеет форму мн.ч. – **крѣпости**.

В славистике считается доказанным, что древняя славянская традиция "не объясняется полностью Лукиановской Вульгатой", "не может быть отделена от западных версий"; допускается возможность перевода старославянских текстов с двуязычного (латинско-греческого) оригинала. "Одно из двух: или переводчик нашел на месте псалтырь западного типа, с чувствительными латинскими влияниями и непрямыми греческими, или, что более вероятно, первоначальный перевод, сделанный с традиционного греческого, был переделан позже моравскими пользователями, более привычными к западной латинской традиции" [Lépissier 1964: 71, 60–61, 62, 72][13]. При рассмотрении этого вопроса следует учесть и мнение Й. Хамма, который указывает на славян из византийских областей на Адриатическом побережье как носителей далматинской, "древней греческо-латинско-славянской культурной традиции, возникшей в течение IX–X вв." [Хамм 1976: 363], тексты которой по римским дорогам (особенно по так называемой Via Egnatia) могли переноситься "на восток и оттуда – после переписки – дальше на север, скажем, в Новгород" [Хамм 1976: 360, 362].

В любом случае, в отличие от Синайской псалтыри (с ее большим числом не-Лукиановских чтений, в основном "западных" и Оригеновских [Laurenčík 1948: 80]), Новгородская псалтырь в ее сохранившихся текстах таких чтений не показывает, что говорит в пользу близости ее к Лукиановской редакции и заставляет снова ставить вопрос о причинах появления не-Лукиановских чтений в Синайской псалтыри. Вопрос можно сформулировать и иначе: восходит ли Новгородская псалтырь к протографу IX в., переведенному с Лукиановского текста, или представляет собой результат более позднего ис-

---

[12] Сокращения. принятые в издании Ральфса: La^{R} – латинский текст греческо-латинской псалтыри VI в., La$^{R(s)}$ – дополнения младшим почерком в той же рукописи; Aug – Августин "Enarrationes in Psalmos"; Ga – "Psalterium Gallicanum" Иеронима.

[13] Ни один из аргументов Ж. Леписье оказалось невозможным применить в нашем случае в силу краткости сохранившегося текста. Кроме того, например, передача в заимствованных словах греческой **иты** (звучавшей в греческом уже как [i]) через **є** заставляет предположить латинское посредничество [Lépissier 1964: 61]. Ср., однако, Ιωσηφ и **иосифовы** в обоих наших текстах. За написанием **из҃ли** 75,2 (τῷ Ισραηλ) способ передачи иты остается скрытым.

правления моравского старославянского текста по Лукиановскому греческому, при котором были устранены текстологические "окциденциализмы"? В случае допущения первой возможности логично будет предположить, что кирилло-мефодиевский перевод псалтыри был сделан именно до начала моравской миссии. Если допустить возможность раннего исправления славянского перевода по греческому оригиналу, то Новгородская псалтырь не дает аргументов в пользу мнения о том, что этот "процесс исправления... отражает более чем лишь одну греческую традицию текста" [MacRobert 1990: 7], указывая в направлении все той же Лукиановской редакции. В любом случае во главе угла стоит проблема текстологических отношений между Новгородской и Синайской псалтырью и вопрос о том, какой из двух текстов более непосредственно отражает кирилло-мефодиевский перевод, а какой – более позднюю справу или даже редакцию.

Принятая в истории текста славянской псалтыри классификация рукописей, восходящая к работам В. Ягича, В.И. Срезневского и В.А. Погорелова [Погорелов 1901], производится обычно на основании установления различий между ними в технике перевода и в выборе лексических средств. В результате выделяются "архаическая" (или первоначальная, или кирилло-мефодиевская), "толковая" (с толкованиями Феодорита Киррского), "русская" и "афонская" (или правленая), т. е. всего четыре редакции псалтырного текста (ср. с выделением только трех редакций у [MacRobert 1993a: 280])[14]. "Архаическая" редакция в целом относительно хорошо известна науке, поскольку она представлена опубликованными и изученными источниками (это прежде всего Синайская псалтырь XI в., а также Болонская и Погодинская комментированные псалтыри XIII в.), но ввиду малочисленности сохранившихся рукописей любое добавление к их списку важно[15]. Представителем и даже эталоном архаической редакции в славистике считается именно Синайская псалтырь, языковые особенности которой сводятся к наличию ряда лексических архаизмов, большого числа греческих заимствований и к употреблению простого и сигматического аориста старого типа. М. Мак-Роберт характеризует эту редакцию славянской псалтыри как "наиболее древнюю из сохранившихся и находящуюся в наиболее тесной связи с переводом, сделанным свв. Кириллом и Мефодием" [MacRobert 1993b: 57; ср.: Camuglia 1996: 3]. В глубоком исследовании И. Карачоровой встречается даже утверждение, что наряду с Болонской и Погодиновой, Синайская псалтырь представляет собой "первоначальный перевод древнеболгарского текста псалтыри", т. е. псалтырные тексты, не подправленные редакциями, так что в некотором смысле говорить здесь о "редакции" становится некорректным [Карачорова 1989: 133, 239]. Однако, хотя "Синайская псалтырь и сохраняет в большом количестве оригинальный старославянский перевод псалмов, она в то же время, как предполагал Ягич, выдает вторичный моравский языковой слой (о чем свидетельствуют следы западнославянской фонетики), а ее глоссы на полях и палестинские литургические указания могут свидетельствовать о разрастании (текста – *А.С.*) на еще более поздней стадии" [MacRobert 1993b: 80]. Таким образом, с текстологической точки зрения, в Синайской псалтыри, "если смотреть на нее генетически, имеется не единый, а смешанный текст (так называемый Codex mixtus), образец которого основывался преимущественно на греческих, но также, конечно, на латинских и, может быть, хотя и косвенно, – даже на древнееврейских источниках" [Хамм 1976: 362].

И все же обычно именно Синайская псалтырь считается древнейшей славянской [Laurenčík 1948: 68]; полагают также, что реконструкция языка древнейшей версии

---

[14] Как кажется, излишним скепсисом проникнуто мнение по этому поводу А.А. Алексеева: "Эта классификация проведена по данным двух десятков списков Типографского собр. (РГАДА), так что не имеет никакой надежности..." [Алексеев 1999: 152].

[15] Надо, по всей видимости, ожидать очень интересных результатов от публикации полного текста новонайденной глаголической Псалтыри Димитрия XI в. (краткие сведения и отрывок текста см., например, в [Schaeken, Birnbaum 1999]).

славянской псалтыри возможна в первую очередь на основе текста Синайской псалтыри, а основное направление исследований более поздних текстов состоит именно в сравнении с ее текстом, что, правда, обычно сводится к изучению их лексики (см., например [Szulc 1999: 114]; см. также [Цейтлин 1986]). В любом случае, всегда следует иметь в виду, что "при любой интерпретации Синайская глаголическая псалтырь – это загадка" [MacRobert 1993b: 79].

В свете вышеизложенного особое значение приобретают установленные в настоящей статье индивидуальные текстологические особенности Синайской псалтыри, удаляющие ее как от греческого текста, так и от текста Новгородской псалтыри (в пределах сохранившегося, основного текста). Прежде всего, в Синайской псалтыри ярко выделяются относительно частые случаи смысловых искажений текста, очевидно объясняемых тем, что писцы неправильно интерпретировали формы славянского оригинала, с которого они делали свой список. Эти случаи говорят в пользу предположения, что македонские переписчики пользовались только славянским текстом и писали под диктовку[16] (или даже по памяти, см. 76,20), но в любом случае не производили сверки с греческим оригиналом:

Nr.	Ps.	Септуагинта и Новгородск. пс.	Синайская пс.
1	75,4	συνέτριψεν τὰ κράτη τῶν τόξων **съкроуши крѣпости лѫкъ**	**съкроуші крѣпость локъ**
2	75,4	ῥομφαίαν καὶ πόλεμον **ороужие и бранъ**	**оружье ізбьрано**
3	75,9	ἠκούτισας **оуслышанъ створилъ еси**	**оуслъішанъ створилъ естъ**
4	75,11	ἑορτάσει **оупразнитъ сѧ**	**оупразніті сѧ**
5	76,4	ἠδολέσχησα **въскръбѣхъ**	**въ скръбехъ**
6	76,20	οὐ γνωσθήσονται **не познаѭтъ сѧ**	**не запънѭтъ сѧ**

Очень показательны два грамматических расхождения, когда Новгородская псалтырь выбирает из нескольких возможных ту славянскую конструкцию, которая остается ближе к тексту греческого оригинала (figura etymologica в первом случае и аккузатив при отрицании во втором), в то время как в Синайской употребляются грамматические конструкции, характерные для собственно славянского языкового типа (инструментальное управление глагола *уснуть* (*сном*) и генитив при отрицании):

Nr.	Ps.	Септуагинта и Новгородск. пс.	Синайская пс.
7	75,6	ὕπνωσαν ὕπνον αὐτῶν **оуснѫша сънъ свои**	**оусънѫшѧ съномь своімь**

[16] Изложенные ниже наблюдения позволяют релятивизировать одно из положений А.А. Алексеева: "Широко распространенная в византийских скрипториях практика письма под диктовку приводила к появлению характерных ошибок, вызванных неверным восприятием текста на слух. Эта практика почти не известна славянским писцам, хотя кое-какие написания могут говорить о ее спорадическом применении" [Алексеев 1999: 46].

Nr.	Ps.	Септуагинта и Новгородск. пс.	Синайская пс.
8	75,6	οὐχ εὗρον οὐσὲν **не обрѣтоу ничто же**	 **не обрѣтѫ нічесоже**

Группу из четырех формальных разночтений составляют случаи, когда в Синайской псалтыри добавлена (9, 10) или наоборот отсутствует (11, 12) текстологическая единица, имеющаяся в тексте как Септуагинты, так и Новгородской псалтыри:

Nr.	Ps.	Септуагинта и Новгородск. пс.	Синайская пс.
9	67,4	ἐν εὐφροσύνῃ **въ веселиї**	 **вь весельі его**[17]
10	75,7	τοὺς ἵππους **на коня**	 **на коньı (своьı)**[18]
11	67,5	καὶ ἀγαλλιᾶσθε **и радоуите сѧ**	 **радоуите сьı**
12	76,7	μετὰ τῆς καρδίας μου **с҃рдцемъ моимъ**	 **сръдьцемь**

Таким образом, новейший текстологический материал Новгородской псалтыри позволяет смело утверждать вслед за И. Карачоровой, что "большая часть чтений Синайской псалтыри, считавшихся диагностическими для архаической редакции в сопоставлении с афонской, являются индивидуальными и встречаются только в этом тексте" [Карачорова 1989: 240]. Это возвращает нас к вопросу о текстологических и языковых характеристиках первых славянских переводов, при характеристике которых "обычно исходят из презумпции, во-первых, полной смысловой точности переводов Мефодия и, во-вторых, предельной лингвистической независимости этих переводов от лингвистической структуры оригинала". Более того, для переводных письменных традиций характерен "переход от первоначально свободных переводов к более поздним буквальным переводам" и даже "усиление буквальности последующих переводов можно рассматривать как универсальную тенденцию, известную многим древним литературам" [Алексеев 1999: 94, 95, 78]. Именно эти аксиоматические положения современной общей и славянской библейской текстологии, согласующиеся со славистической научной традицией, не позволяют видеть в Новгородской псалтыри с ее относительной близостью к греческому оригиналу – в отличие от псалтыри Синайской – прямое отражение первоначального кирилло-мефодиевского перевода (и уж в любом случае не отражение перевода моравского периода).

Возможно, на незначительные различия между текстами самих греческих оригиналов двух наших старославянских псалтырей указывают нечастые случаи формальных разночтений, когда в Новгородской псалтыри добавлена или, наоборот, отсутствует текстологическая единица, отсутствующая или, наоборот, имеющаяся в тексте Септуагинты и Синайской псалтыри (последнее из этих разночтений может быть объяснено и гаплографией):

Nr.	Ps.	Септуагинта и Синайская пс.	Новгородская пс.
1	76,16	ἐν τῷ βραχίονί σου **мъıшьцеиѫ твоеиѫ**	 **мышъцеиѫ**

[17] По данным других исследователей [Чешко и др. 1989], местоимение в разночтении 9 отсутствует в греческих текстах (надо понимать, как в древних, так и византийских).

[18] Стерто писцом.

Nr.	Ps.	Септуагинта и Синайская пс.	Новгородская пс.
2	75,4	ὅπλον καὶ ῥομφαίαν **штітъ і орѫжье**	**щитъ ороужие**
3	76,4	καὶ ὠλιγοψύχησεν **і не прѣможе**	**изнеможе**

Приводимые ниже словообразовательные различия между языком Новгородской и Синайской псалтыри предпочтительно объяснять свободными колебаниями в выборе славянских средств для передачи греческого текста, характерными для самой ранней славянской традиции и не связанными с особенностями греческого оригинала. Очевидно, что они представляют собой серьезный аргумент как минимум в пользу двусторонней текстологической независимости обоих старославянских текстов:

Nr.	Ps.	Септуагинта	Синайская п.	Новгородская п.
1	75,10	τοῦ σῶσαι	**да оупасетъ**	**да сп҃сетъ**
2	76,13	ἐπιτηδεύμασιν	**оучинаніїхъ**	**начинаниїхъ**
3	76,8	τοῦ εὐδοκῆσαι	**въблаговолиті**	**бл(а)говолити**
4	76,4	ὠλιγοψύχησεν	**не прѣможе**	**изнеможе**
5	75,11	ἀνθρώπου	**чл҃че**	**чл҃чско**

В этом же направлении указывает и особый случай грамматического расхождения между двумя древними славянскими текстами, который представляет собой опущение возвратной частицы **сѧ** при возвратном глаголе, являющемся инфинитивным дополнением при другом возвратном глаголе, в тексте Новгородской псалтыри (**ѿвръже сѧ оутѣшити** 76,3) при сохранении обеих частиц в Синайской псалтыри [**ѡтъвръже сѧ оутѣшіті сѧ** (ἀπηνήατο παρακληθῆναι)]; оба грамматических решения допустимы славянской нормой и независимы от греческого. Чтение, совпадающее по тексту с Новгородской псалтырью, находим лишь значительно позже в среднеболгарской Григоровичевой псалтыри XIII в. [Карачорова 1989: 229].

Несмотря на разноплановые различия между нашими текстами, главные характеристики древнейших славянских переводов Ветхого Завета, установленные А.А. Алексеевым на основании анализа текста Песни [Алексеев 1999: 78], свойственны также в большинстве случаев и Новгородской псалтыри, что позволяет включить протограф последней в круг текстов, наиболее близких к кирилло-мефодиевской традиции. Эти характеристики сводятся к ряду черт свободной передачи оригинала (они, разумеется, сосуществуют в тексте с иными возможностями перевода):

1) множественное число заменяется двойственным там, где этого требует славянская грамматическая норма (ср., например 76,5 προκατελάβοντο φυλακὰς οἱ ὀφθαλμοί μου – **вариста стражъбы очи мои / варісте стражьбъі очі моі**);

2) посессивный генитив передается прилагательным (ср. например 75.11: ἐνθύμιον ἀνθρώπου – **помышление чл҃чско / чл҃че**; 76,12 τῶν ἔργων κυρίου – **дѣла г҃нѣ / дѣла г҃нѣ**);

3) введение связки, иногда опускаемой в Септуагинте вслед за Масоретским текстом (ср. 75,12 πάντες οἱ κύκλῳ αὐτοῦ – **вси сѫщиї окрстъ его / вьсі сѫштеі окръстъ его**);

4) замена медиопассива активом (ср. 75,3 ἐγενήθη – **быстъ / бъістъ**);

5) замена во 2-м лице аориста перфектом (ср. 76,15 ἐγνώρισας – **съказалъ еси / съказалъ есі**; 76,21 ὡδήγησας – **извелъ еси / їзвелъ есі** и др.; в переводе псалтыри эта черта проведена непоследовательно, см. также [Карачорова 1989: 177–178]);

6) передача предложной конструкции ἐν + dat. беспредложным instr. (ср. 76,16 ἐν τῷ βραχίονί σου – **мышъцеѭ / мѣішьцеѭ твоеѭ**).

В области лексики в переводе псалтыри соблюдаются основные принципы и приемы переводческой техники Кирилла и Мефодия, описанные, например, Е.М. Верещагиным (см. [Верещагин 1997: 12–23]; ср. также [Карачорова 1989: 135–139; Гиндин 1988]). Так, "господствующим правилом является то, что одному слову оригинала соответствует одно слово в переводе, но вовсе не редкость, когда одно слово оригинала переводится словосочетанием" [Алексеев 1999: 77]. Наряду с многочисленными примерами, подтверждающими основное правило, в Новгородской псалтыри находим **сътвориτε пѫть** для ὁδοποιήσατε 67,5; **створилъ еси оуслышанъ (сѫдъ)** для ἠκούτισας (κρίσιν) 75,9. Доказательство неприменения поморфемного принципа перевода находим и в случае передачи греческого ὠλιγοψύχησεν – **изнеможе** 76,4 (ср. с **нε прѣможе** в Синайской псалтыри; в ходе дальнейшего развития славянской переводческой традиции здесь появляется калька, свойственная и современному русскому языку – *малодушествовать*).

Такая хорошо известная характеристика переводческой техники кирило-мефодиевского периода, как вариативность при передаче греческих лексических единиц выражается, в частности, выбором именно контекстно обусловленного лексического (иногда словообразовательного) эквивалента из целого ряда возможных (так, например, греческому ταράσσω в переводе соответствуют **съмѧсти (сѧ)**, **възмѧсти (сѧ)** и **съмѧтити (сѧ)**, а ἐπιβαίνω передается глаголами **вънити** и **въсѣсти**). Можно сделать вывод, что и в лексико-семантической сфере Новгородская псалтырь отражает свободу перевода, свойственную древнейшим славянским текстам, которая, по мнению А.А. Алексеева, проявляется прежде всего в "передаче полисемии, т. е. переводе одного и того же греческого слова разными славянскими в зависимости от условий контекста" и в том, что "при передаче значения слова его внутренняя форма не воспроизводится, словообразовательное калькирование не применяется" [Алексеев 1999: 78][19].

Любопытно, что с текстом Новгородской псалтыри мы получили еще одно свидетельство употребления в древнейших переводах такого загадочного славянского эквивалента для греческого ἀδολεσχέω, как (по)**глоуѧмити сѧ**[20], который часто трактуют как "малоудачный буквализм" и "неудачу перевода" в тех стихах псалтыри (например 76,7), где требуется значение "размышлять, беседовать" (ср. перевод "to talk" в новейшем [GEL 1992: 8]). Например, по мнению А.А. Алексеева, ссылающегося на работу Н.А. Мещерского, этого значения «конечно не передает глагол **глоуѧмити сѧ**. Неудача объясняется из текста Септуагинты, в котором в этих стихах на месте еврейского "размышлять, беседовать" появился греч. глагол ἀδολεσχέω "насмехаться", буквализм перешел и в славянский текст и остался в нем вплоть до современных изданий» [Алексеев 1999: 75]. Также вслед за Н.А. Мещерским критически оценивает[21] решение славянских переводчиков принять этот глагол "в качестве стандартного эквивалента к ἀδολεσχεῖν, от которого они отказывались лишь под давлением контекста", и М. Мак-Роберт (см. [MacRobert 1993a: 276], ср. [Верещагин 1978]). Сам

---

[19] Ср. с наблюдениями М. Мак-Роберт над переводом греческих существительных, из которых каждое "как кажется, получило стандартный церковнославянский эквивалент, который использовался во всех случаях, где смысл был хотя бы терпимым; только там, где стандартный эквивалент не мог дать удовлетворительного результата, использовалась возможность полисемии, приводя к принятию альтернативного перевода" [MacRobert 1993a: 265–266].

[20] В SJS, ESJS и СтслСл ошибочно восстанавливается инфинитивная форма **глоуѧмлѧти сѧ** (см. [Крысько 1996: 25]).

[21] "В каком смысле эти переводчики понимали или ожидали, что поймут другие, пассажи, в которых они использовали **поглоуѧмити сѧ / глоуѧмлѧти сѧ** (так! – *А.С.*) не совсем ясно" [MacRobert 1993a: 276].

Н.А. Мещерский предположил, что "славянские переводчики либо игнорировали специальную семантику, возникшую у греческого слова со времени перевода Септуагинты, либо пытались навязать славянскому слову путем семантической индукции семантическую полисемию греческого образца". И далее: "История славянской письменности и материалы живых славянских языков показывают, что эта новая семантика не закрепилась за корнесловом *глум-* и осталась принадлежностью узкого круга древнеславянских текстов, прежде всего Псалтыри" [Мещерский 1988: 17–18, 22].

И все же именно материалы живых северно- и южнославянских диалектов свидетельствуют о широкой полисемии данного "корнеслова"[22]. Так, имеются русские диалектные лексемы *глумить* "разговаривать" и *глумиться* "заниматься чем-либо доставляющим много хлопот, труда" без каких-либо отрицательных коннотаций в значении (см. [ЭССЯ 6: 149], ср. также материал в [SPsl 7: 147–148]). Любопытно и болгарское диалектное значение прилагательного *глумест* "густой, глухой" (Горни Лом, Белоградчишко; в примере *Коя гора айдуци чува, / глуместа и висока да расте* [БЕР 1: 252]). Особенно первый русский пример ярко свидетельствует в пользу адекватности раннего славянского перевода полисемичного греческого глагола.

Такой признак архаичности славянского перевода, как интерпретация в отдельных случаях греческого оригинала с помощью Вульгаты, возможно, наблюдается как раз в случаях употребления перифрастических славянских глаголов на месте греческого (ср. **сътворите пѫть** / iter facite / praeparate viam для ὁδοποιήσατε 67,5; **створилъ еси оуслышанъ (сѫдъ)** / auditum fecisti (iudicium) для ἠκούτισας (κρίσιν) / adnuntiabis (iudicium) 75,9).

Косвенные свидетельства об очень раннем начале исправлений первоначального славянского текста псалтыри были получены М. Мак-Роберт [MacRobert 1990: 12], большое число текстологических аргументов в пользу тезиса об исправлении текста псалтыри еще до XI в. приводит И. Карачорова [Карачорова 1989: 201]. Так, считается, что Чудовская псалтырь отражает перевод толкований на псалтырь Феодорита Киррского, сделанный во время царя Симеона в X в. в восточной Болгарии в ходе переработки кирилло-мефодиевского перевода "в соответствии с нормами перевода преславского литературного круга" [Карачорова 1989: 131]; ср. также [Алексеев 1999: 163]. Синайско-Бычковская псалтырь также свидетельствует об исправлении, "осуществленном при сравнении с греческим текстом и нацеленном на устранение неточностей перевода и достижение наиболее точной передачи смысла", и даже о "проникновении некоторых грамматических изменений, вызванных желанием также и формально следовать греческому оригиналу..." [Карачорова 1989: 201; см. также страницы 242–243]; все это подтверждает отнесение Синайско-Бычковской псалтыри к так называемой "русской" редакции, что было установлено еще Х. Лантом [Lunt 1976: 257; Тодоров 1990: 55]. Тексты этой редакции, созданные в XI в., распространяются в Болгарии и на Руси и в последнем случае "являются частью культурного наследия, полученного Русью от преславских книжников" [Lunt 1976: 260; Карачорова 1989: 202]. Немаловажен тот факт, что значительное число предпринятых в "русской" редакции исправлений славянского текста по греческому оригиналу соответствует чтениям Лукиановских текстов, правда, часто наряду с иными. В целом, «"русская" редакция была особой ревизией церковнославянской псалтыри, основывающейся на иной традиции греческого текста и на ином подходе к интерпретации и переводу, нежели подход архаической и афонской редакций» [MacRobert 1990: 15, 12].

Думается, следует признать перспективным дальнейшее изучение текста Новгородской псалтыри прежде всего в сопоставлении с текстами "русской" редакции. Пока, не претендуя на полноту выводов и на окончательность суждения, укажу на тот факт, что Новгородская и Синайско-Бычковская псалтыри обладают некоторыми общими текстологическими особенностями, удаляющими их как от текста Синай-

[22] Аналогичную точку зрения защищает И.И. Макеева (см. [Макеева 1991]).

ской псалтыри, так и от Септуагинты, подавляющее большинство из которых, по всей видимости, в первую очередь должны объясняться не особенностями их предполагаемых греческих оригиналов, а самостоятельными решениями славянских книжников. Как минимум, к ним относятся два разночтения, возникших в результате индивидуальной интерпретации греческих грамматических форм, а также один случай грамматической реинтерпретации текста, базирующейся на понимании имени существительного **мъножъство** в качестве генитивного объекта при глаголе **съмѫтити сѧ**, а не в качестве номинатива подлежащего следующего предложения. Последнее стало возможным в результате нечеткого разграничения стихов 17 и 18, характерного уже для Септуагинты [Rahlfs 1931: 211, сноска 17], а в нашем случае очевидно связано и с тем, что конец стиха 17 пришелся на начало следующей страницы. Допустимо, но в данном конкретном случае вряд ли предпочтительно объяснение, возводящее употребление здесь генитива к особенности греческого источника (так, в греческой псалтыри с толкованиями Феодорита Киррского X в., опубликованной архимандритом Амфилохием[23], находим нужное чтение с генитивом – πληθοῦς).

Nr.	Ps.	Септуагинта и Синайская пс.	Новгородская (и Син.-Бычковская пс.)
1	76,9	συνετέλεσεν ῥῆμα[24] **съконьча гл҃ъ**	 **съконъча глаголы**
2	76,13	μελετήσω **поꙋчѫ сѧ**	 **поꙋчихъ сѧ**
3	76,17	ἐταράχθησαν… πλῆθος ἤχους **съмѫтѣшѧ сѧ… мъножъство шюма**	 **съмоꙋтишѧ сѧ… множъства шоꙋма**

Несмотря на исключительно небольшой объем сохранившегося текстового материала, можно сделать предположение о том, что протограф Новгородской псалтыри, как и протограф Синайской псалтыри, по совокупности текстологических признаков может быть отнесен к группе текстов, продолжающих кирилло-мефодиевскую традицию. При этом следует подчеркнуть, что наш текст в отличие от Синайской псалтыри вряд ли может рассматриваться как отражение первоначального кирилло-мефодиевского перевода, по крайней мере до тех пор, пока этот статус сохраняется за Синайской псалтырью. Возможно, текст Новгородской псалтыри свидетельствует о раннем исправлении первоначального псалтырного текста славянской традиции по греческому оригиналу.

ЯЗЫК

Фонетика и элементы орфографии

Отражение диагностических рефлексов праславянских сочетаний позволяет однозначно определить южнославянский, а точнее восточноюжнославянский характер текста антиграфа Новгородской псалтыри. Так, наряду с упрощением группы **-dl-*, отмеченным в форме причастия **извелъ** 76,21, находим переход инициального **ort-* под циркумфлексной интонацией в **рат-** (документируется примером **неразоꙋмънии**

[23] Древлеславянская псалтырь (Симоновская до 1280 г.). Труд архимандрита Амфилохия. Т. I–III. М., 1880–1881.

[24] В Лукиановской рецензии.

75.6) и типично южнославянские рефлексы праславянских сочетаний типа **tort*, **tolt*[25]: **бранъ** 75,4; **стражъбы** 76,5; **оупразнитъ сѧ** 75,11; **бл(а)говолити** 76,8; **г҃лахъ** 76,5; **глаголы** 76,9; **гласомъ** 76,2[2]; **гласъ** 76,18; 76,19; **запрѣщения**[26] 75,7; **прѣдъ** 67,5; 76,3; **прѣлъщенъ** 76,3; **прѣходѧтъ** 76,18.

Рефлексы праславянских **stj*, **skj* с одной стороны, и **tj*, **kt*, с другой, совпали в языке памятника, как и в восточной (болгаро-македонской) группе южнославянских языков, в сочетании **щ**, ср.: **жилище** 75,3; **прѣлъщенъ** 76,3; **щедроты** 76,10; **щитъ** 75,4 и **сѫщиї** 75,12; **запрѣщения** 75,7; **нощиѭ** 76,3; 76,7; **обѣщаите сѧ** 75,12; **отъемлѫщоумоу** 75,13; **просвѣщаеси** 75,5.

Свидетельствами последовательного и не знающего исключений осуществления второй и третьей палатализаций являются в тексте, например, формы **ц҃ръ** 75,13; **вси** 75,6[2]; 75,12; **всѧ** 75,10; **въсѣхъ** 76,13; **кнѧземъ** 75,13; **облаци** 76,18; **стъзѧ** 76,20 и др.

Наличие эпентетического **л** в исторических сочетаниях **vj*, **mj* хорошо документируется примерами **иꙗковлъ** 75,7; **глѫмлꙗахъ сѧ** 76,7; **землѧ** 75,9; 76,19; **земли** 75,10; **отъемлѫщоумоу** 75,13; **поглоумлѫ сѧ** 76,13. На этом фоне особое значение приобретает единственный случай отсутствия такого **л** (явление, отражающее его утрату, характерную для восточноюжнославянской языковой территории), отмеченный в лексеме **иꙗковьѧ** 76,16, которая, таким образом, в тексте представлена в обоих фонетических вариантах.

Несколько сложнее обстоит дело с отражением праславянских носовых гласных, причем внимание следует обратить, во-первых, на отсутствие следов смешения носовых заднего и переднего ряда[27] [что указывает на древность протографа и исключает болгарские и македонские говоры с частичным совпадением рефлексов носовых из списка возможных диалектов писца антиграфа нашего текста (ср. с примерами такого смешения у писца В в Синайской псалтыри [von Arnim 1930: 63–66])], а во-вторых, на свидетельства о восточнославянском (древнерусском) типе их вокализации в языке самого новгородского писца.

В корневых морфемах на исконном этимологическом месте носового заднего ряда **ǫ* наиболее часто отмечается написание нейотированного знака **ѫ**: **забѫдетъ** 76,10; **лѫкъ** 75,4; **мѫжи** 75,6; **пѫтъ** 67,5; 76,14; 76,20; **рѫками** 75,6; **рѫкама** 76,3; **рѫкоѭ** 76,20; **сѫдъ** 75,9; 75,10. Ошибочным с точки зрения стандартной старославянской орфографии является написание йотированного **ѭ** на этимологическом месте **ѫ** в корне слова **сѭдиѧ** 67,6, причем тот же корень зафиксирован в тексте и в написании **сѫдъ**. Отражение древнерусского фонетического перехода **ǫ* > *и* находим в случае ошибочного написания графемы **ѫ** на месте этимологического **оу** в корне **глѫмлꙗахъ сѧ** 76,7 (ср. стандартное написание **поглоумлѫ сѧ**, также наблюдаемое в нашем тексте), а также в случаях ошибочной постановки **оу** на место этимологического **ѫ** в корнях **ороужие** 75,4 и **съмоутишѧ сѧ** 76,17.

В суффиксальных морфемах имеем нейотированное **ѫ** на этимологическом месте в случае **оуснѫша** 75,6 и на потенциальном месте графемы для йотированного **ѭ** в примере **отъемлѫщоумоу** 75,13 (без отражения палатальности предшествующего сонанта, т. е. при принципиальном отсутствии в тексте "дужки" как знака палатальности сонанта)[28].

Во флексиях на этимологическом месте носового в большинстве случаев **ѫ** и **ѭ** пишутся корректно: **помѧнѫхъ** 76,4; 76,6; 76,12; **принесѫтъ** 75,12; **силѫ** 76,15; **съмѧтѫтъ сѧ** 67,6; **аранеѭ** 76,20; **въселенѫѭ** 76,19; **мосеовоѭ** 76,20; **мышъцеѭ**

---

[25] Вынесение цифрового индекса над строкой (например, **воды** 76,17[n]) означает, что указанная форма встретилась в данном стихе *n* раз.

[26] Ср. болг. *претя* < **pertiti*, *pertjǫ* [БЕР 5: 680-681].

[27] Неверно видеть данное восточноюжнославянское явление за "спорадическим смешением букв **ѫ** и **ѭ**", как это делают издатели нашего текста [Зализняк, Янин 2001: 9]

[28] Ср. написания **глѫмлꙗахъ сѧ** 76,7; **вышънꙗго** 76,11; **людъхъ** 76,15: **люди** 76,16; 76,21.

76,16; нощиѭ 76,3; 76,7; познаѭтъ сѧ 76,20; рѫкоѭ 76,20; своѭ 76,9; (тв)оѭ 76,15. И тем не менее, написание нейотированного знака ѫ на потенциальном месте графемы для йотированного ѭ во флексии находим в примере поглоумлѫ сѧ 76,13. Напротив, ошибочное написание знака йотированного ѭ на месте нейотированного отмечено единожды в глагольной флексии помѧнѭ 76,12 (см. также раздел "Морфология"). Отражением древнерусского фонетического перехода *ǫ > *u* является ошибочное написание знака ѫ на месте этимологического оу во флексии dat. sg. б҃ѫ҃ 75,12 (ср. также написание б҃оу҃) и, наоборот, также ошибочное написание оу на месте этимологического ѫ во флексии аориста обрѣтоу 75,6.

В корне слова на этимологическом месте носового переднего ряда *ę встречается только написание ѧ: вънѧт 76,2; зачѧла 76,12; имѧ 67,5; 75,2; кнѧземъ 75,13; начѧхъ 76,11; помѧнѫхъ 76,4; помѧнѭ 76,12; съмѧтѫтъ сѧ 67,6; съмѧтохъ сѧ 76,5. То же находим и в суффиксальных морфемах: творѧи 76,15.

Написание ѧ на этимологическом месте во флексии: видѣшѧ 76,17[2]; въздрѣмашѧ сѧ 75,73; възмѧтошѧ сѧ 75,6; всѧ 75,10; дашѧ 76,18; десницѧ 76,11; конѧ 75,7; кротъкыѧ 75,10; млъниѧ 76,19; моеѧ 76,3; насладѧтъ сѧ 67,4; овъцѧ 76,21; освѣтишѧ 76,19; 76,6; 76,12; пръвыѧ 76,6; прѣходѧтъ 76,18; своѧ acc. pl. fem. 76,10; стъзѧ nom. pl. 76,20; съмоутишѧ сѧ 76,17; сѭдиѧ 67,6; твоѧ acc. pl. masc. 76,16; твоѧ nom. pl. fem. 76,18; 76,19; тѧ 76,17[2]. Пассивно-рефлексивный показатель сѧ при глаголах в памятнике всегда пишется с ѧ: глѫмлꙗахъ сѧ 76,7; исповѣстъ сѧ 75,11; обѣщаите сѧ 75,12; ѿвръже сѧ 76,3 и т.д.

Единственный случай употребления йотированного знака ѩ отмечен во флексии в примере иꙗковѩ 76,16, в котором, как сказано выше, отсутствует эпентетическое л. Ошибочное написание ѧ на этимологическом месте ꙗ в примерах землѧ 75,9; 76,19 и оубоѧшѧ сѧ 76,17 свидетельствует о древнерусском фонетическом переходе *ѧ > *ä* в говоре новгородского писца. То же явление документировано ошибочными написаниями ꙗ и а на этимологическом месте ѧ: твоꙗ 76,20[2] nom. pl. fem.; твоꙗ acc. pl. masc. 76,21, оуснѫша[29] 75,6.

Таким образом, для текста характерна некоторая степень вариантности употребления графем ѫ // ѭ // оу во всех типах морфем, а букв ѧ // ѩ // а // ꙗ во флексии, что, возможно, действительно свидетельствует о "временном ослаблении внимания" писца (ср. [Зализняк, Янин 2001: 7]), но, возможно, указывает и на толерантное отношение новгородского мастера к соответствующим ошибочным написаниям[30].

Имеющиеся в тексте представители групп **tъrt*, **tьrt* и **trъt*,**trьt* (которые на письме не различаются) отражены в абсолютно подавляющем большинстве случаев последовательно и единообразно как ръ: въскръбѣхъ 76,4; въскръснетъ 75,10; ѿвръже сѧ 76,3; пръвыѧ 76,6; оудръжитъ 76,10. Аналогичным образом как лъ пишутся и те из групп **tъlt*, **tьlt*, **tlъt* и **tlьt*, которые вообще представлены в тексте – клъцааше 76,7; млъниѧ 76,19; оумлъча 75,9. Таким образом, здесь наш писец строго придерживается соответствующего орфографического правила. Особого внимания в этом контексте заслуживает единственное и, по-видимому, просто ошибочное написание без титла и редуцированного – окрстъ 75,12.

На месте этимологического **ě* находим без исключения соответствующую графему: видѣшѧ 76,17[2]; въздрѣмашѧ сѧ 75,7; въскръбѣхъ 76,4; всѣд'шои 75,7; въсѣхъ 76,13; вѣкъ 76,8; вѣчънъ 75,5; вѣчънаꙗ 76,6; гнѣвъ 75,8; 76,10; дѣла 76,12; дѣлѣхъ 76,13; запрѣщениꙗ 75,7; измѣна 76,11; исповѣстъ сѧ 75,11; крѣпости 75,4;

---

[29] Буква после ш ненадежна; возможно, это а, переправленное из ѧ.

[30] "Ввиду того, что случаи смешения ѫ и ѭ с оу и ю в Остромировом Евангелии, Туровских евангельских листках, Тринадцати словах Григория Богослова XI в., Изборнике 1073 г., Пандектах Антиоха XI в. и др. значительно чаще, чем другие руссизмы, предполагают (Козловский, Фортунатов), что это смешение было уже в ю.-сл. оригиналах этих памятников. Но доказать этого нельзя..." [Дурново 1924: 89].

лѣта 76,6; мирѣ 75,3; мѣсто 75,3; нынѣ 76,11; окрѣтоу 75,6; обѣщаите сѧ 75,12; освѣтишѧ 76,19; отълѣкъ 75,11; отъсѣчетъ 76,9; просвѣщаеси 75,5; прѣдъ 67,5; 76,3; прѣлъщенъ 76,3; прѣходатъ 76,18; рѣхъ 76,11; с҃вѣтѣмъ 76,14; сионѣ 75,3; стрѣлы 76,18; тебѣ 75,8; 75,11[2]; оутѣшити 76,3. Уникально для нашего памятника написание графемы ѣ на месте этимологического ꙗ в адъективной форме г҃нѣ acc. pl. neutr. 76,12, что отражает известную графическую особенность глаголических памятников письменности и может указывать на глаголический протограф нашего текста.

В языке памятника последовательно сохранено *ы (например, выхъ 76,3; воды 76,17[2]; вышънѣаго 76,11; дары 75,12; земъныхъ 75,13; носифовы 76,16; мышъцею 76,16; нынѣ 76,11; помыслихъ 76,6 и т.д.), в том числе и в положении после заднеязычного (например, д҃хы 75,13; кротъкыѧ 75,10; пакы 76,8). Отметим особо ъи в качестве графического варианта ы (сиръихъ 67,6), которое может указывать на характерное для глаголицы разнообразие в написании "еры".

Основной характеристикой языка текста в области редуцированных гласных следует признать отсутствие каких бы то ни было следов их вокализации в сильной позиции и прежде всего отсутствие вокализации *ъ > *о*, характерной для македонских говоров. С одной стороны, это может указывать на древность протографа (что несколько релятивизируется с учетом того факта, что список с него был сделан с целенаправленным и последовательным применением новой, "одноеровой" орфографии), а с другой стороны, накладывает ограничения на поиск возможной диалектной базы писца антиграфа.

Редуцированный *ъ сохраняется в собственном качестве в сильной позиции в корне сънъ 75,6 и в приставке (възъваахъ 76,2; ср. написание возъваахъ на том же месте в Синайской псалтыри). Особый случай представляет написание заимствования пъсалъмъ 75,1; 76,1 (ср. с "македонскими" написаниями пъсаломъ и пъсломъ в Синайской псалтыри).

Редуцированный *ь также последовательно сохраняется в сильной позиции в корне (въшъдъшоумоу 67,5; ср. в Синайской псалтыри вышедъшюмоу), в суффиксе -ън- (вѣчънъ 75,5; страшънъ 75,8; ср. в Синайской псалтыри соответственно вѣченъ, но страшьнъ) и во флексии (людъхъ 76,15; ср. в Синайской псалтыри людехъ). По всей видимости, качество его также остается неизменным. Написание под титлом д҃нъ 76,3 не позволяет судить о сохранении или вокализации корневого редуцированного.

Существенно меньшее значение для решения поставленных в настоящей работе задач имеют сведения о сохранении или утрате редуцированных в слабой позиции, не позволяющие делать каких-либо однозначных выводов ни о времени написания антиграфа, ни о диалектной принадлежности говора его писца или писцов. Тем не менее, имеет смысл обратить внимание на его неравномерное отражение в различных морфологических категориях и единицах (см. [Кульбакин 1924; 1925–1926]).

В корневых морфемах сохранение *ъ в слабой позиции в языке Новгородской псалтыри реже, чем его отсутствие. Характерно, однако, что в этом случае речь идет о разных корнях, ср.: бездъны 76,17; възъваахъ 76,2 и кто 75,8; 76,14; кнѧземъ 75,13; многахъ 76,20; множъства 76,17. Особый случай появления неэтимологического редуцированного в труднопроизносимом консонантном сочетании в иноязычном заимствовании отражает написание пъсалъмъ 75,1; 76,1.

В префиксах наблюдается сложная ситуация. Так, приставка въз / въс последовательно и без исключений пишется с редуцированным: възвеселихъ сѧ 76,4; въздадите 75,12; въздрѣмашѧ сѧ 75,7; възискахъ 76,3; възматошѧ сѧ 75,6; въскръснетъ 75,10 (ср. написание воскръснетъ в Синайской псалтыри); въскръвѣхъ 76,4; въспонте 67,5, что, возможно, говорит об аналогическом обобщении как произношения, так и графики (ср. написание възъваахъ). Также сохраняется редуцированный и в приставке отъ: отълѣкъ 75,11; отъринетъ 76,8; отъсѣчетъ 76,9; отътоли 75,8; отъемлѧщоумоу 75,13, что, возможно, поддерживается практи-

кой последовательного написания с редуцированным и соответствующего предлога **отъ**. Неинформативно в этом смысле написание **ѿвръже сѧ** 76,3.

В случае префикса **въ** большому числу примеров этимологически верного написания (**въшъдъшоумоу** 67,5; **вънегда** 75,10; **вънѧт** 76,2; **въселенѫѭ** 76,19) противостоит единственный с написанием инновационным – **всѣд'шои** 75,7 (возможно, опирающимся на вариативность написания также и инициальной корневой группы *вьс- / *вс-). Точно такая же ситуация и с приставкой **съ**. Правильным написаниям **съказалъ** 76,15; **съконъча** 76,9; **съкроуши** 75,4; **съмѧтѫтъ сѧ** 67,6; **съмѧтохъ сѧ** 76,5; **съмоутишѧ сѧ** 76,17; **сътворите** 67,5 противостоит единственное с выпавшим редуцированным – **створилъ** 75,9. Следует обратить внимание на вариативность написания инициальной группы **сътв-** в двух последних примерах. Написание под титлом **сп҃сетъ** (**да**) 75,10 не дает сведений о судьбе редуцированного в приставке.

Редуцированный сохраняется в суффиксальной морфеме в примерах **въшъдъшоумоу** 67,5; **всѣд'шои** 75,7 (единственный случай в тексте, когда для обозначения редуцированного используется паерок); **множъства** 76,17, а также в адъективном суффиксе в примере **кротъкыѧ** 75,10.

Предлоги **въ**, **къ**, **отъ**, **прѣдъ**, **съ** последовательно пишутся с редуцированным вне зависимости от его сильной или слабой позиции.

Единичен случай выпадения редуцированного на конце морфологического, но в середине фонетического слова отмечен в примере **вънѧт ми** 76,2. Показательно, что и в Синайской псалтыри писец С четыре раза опустил знак **ъ** в формах 3 л. ед. и мн.ч. глаголов перед энклитическими **мѧ**, **сѧ** "also eigentlich im Wortinlaut" [von Arnim 1930: 43, 78].

Число примеров с сохранением *ь в слабой позиции в корне равно числу примеров с его утратой, ср.: **въсѣхъ** 76,13 (собственно, в сочетании **въ въсѣхъ**); **въдовицъ** 67,6; **овъцѧ** 76,21; **прѣлъщенъ** 76,3; **стъзѧ** 76,20 (особый случай, в котором морфонология корня препятствует утрате редуцированного) и **вси** 75,6[2]; 75,12; **всѧ** 75,10; **дни** 76,6; **ничто же** 75,6; **оуснѫша** 75,6. В этой группе примеров так же, как и в целом ряде других случаев, показательна вариативность написания инициальной группы *вьс- / *вс-.

Последовательно сохраняется редуцированный *ь в суффиксальных морфемах (**вѣчънаꙗ** 76,6; **дивъно** 75,5; **вышънꙗго** 76,11; **земъныхъ** 75,13; **неразоумънии** 75,6; **страшъноумоу** 75,13[2]; **трепетъна** 76,19; **богатъства** 75,6; **стражъбы** 76,5; **мышъцеѭ** 76,16; **конъца** 76,9; **съконъча** 76,9). Написания под титлом **о҃ца** 67,6 и **ср҃цемъ** 75,6 не дают сведений о судьбе слабого редуцированного. Напротив, отсутствие ассимиляций графически соседствующих согласных и упрощений их групп в форме **с҃рдцемъ** 76,7 свидетельствует в пользу мнения о сохранении в произношении писца слабого редуцированного *ь между **д** и **ц**; такой же редуцированный следует видеть и за написанием **чл҃чско** 75,11.

Одноеровое правописание памятника среди прочего приводит к орфографической омонимии флексий; ср., например, **бранъ** 75,4; **д҃нъ** 76,3; **пѫтъ** 67,5; 76,14; 76,20; **ц҃ръ** 75,13, с одной стороны, и **сънъ** 75,6; **сѫдъ** 75,9; 75,10 – с другой.

В нашем памятнике, в отличие, например, от Синайской псалтыри, не отмечено ни одного случая написания напряженных редуцированных; на соответствующем месте (всегда в слабой позиции) находим исключительно **и**: **велии** 76,14; **велие** 75,2; **веселиї** 67,4; **запрѣщениꙗ** 75,7; **млъниѧ** 76,19; **нощиѭ** 76,3; 76,7; **ороужие** 75,4; **помышление** 75,11; **помышлениꙗ** 75,11; **сѭдиѧ** 67,6.

Из частностей фонетики заслуживают упоминания свидетельства об отсутствии упрощения групп согласных *-**ств**- (например, **богатъства** 75,6; **множъства** 76,17), *-**стр**- (например, **стражъбы** 76,5; **стрѣлы** 76,18) и *-**здр**- (например, **въздрѣмашѧ сѧ** 75,7). За написанием **из҃ли** 75,2 (τῷ Ισραηλ) остается скрытой судьба сочетания *-**зр** / *-**здр**. Кроме того, инновационным, но малоинформативным с точки зрения поиска диалектной базы памятника является наличие стяжения во флексиях местоименного склонения прилагательных и причастий и архаичным, но настолько же малоинфор-

мативным – его отсутствие в формах имперфекта (примеры см. в разделе "Морфология").

Из особенностей орфографии следует отметить несколько. Возможно, отсутствие знака для йотированого **ѥ**, вообще редкого в кириллице, свидетельствует о глаголическом протографе нашего памятника. Вероятно, в этом же направлении указывает и отсутствие знака **ѱ**. В языке памятника отсутствует аффриката **ѕ**, ср.: **кнѧземъ** 75,13; **стъѕѧ** 76,20 (соответствующая буква употребляется лишь с числовым значением), и в то же время в тексте наличествует знак для согласного **ф** – **иосифовы** 76,16. Для нашего текста, в отличие от текста Синайской псалтыри, характерно написание нейотированных букв после шипящих, например **чюдеса** 76,12; 76,15 и **шюма** 76,18; ср. также форму **июдеи** 75,2 без йотированного **ю**. Любопытны два написания без титла – **имни** 67,5 и **окрстъ** 75,12.

Морфология

Твердый подтип *а*-склонения имен существительных в исследуемом тексте представлен стандартными старославянскими формами nom. sg. **измѣна** 76,11; acc. sg. **силѫ** 76,15; instr. sg. **рѫкоѭ** 76,20; instr. du. **рѫкама** 76,3; nom. pl. **бездъны** 76,17; **воды** 76,17[2]; **стопы** 76,20; **стрѣлы** 76,18; gen. pl. **водъ** 76,17; **горъ** 75,5; acc. pl. **стражъбы** 76,5; **щедроты** 76,10; instr. pl. **рѫками** 75,6; loc. pl. **водахъ** 76,20. Следует особо отметить употребление плюральных, а не дуальных форм nom. **стопы** и instr. **рѫками**, что во втором случае не обязательно должно трактоваться как свидетельство о начале процесса утраты двойственного числа как морфологической категории, а может быть объяснено плюральной семантической базой формы (см. [Белић 2000: 290–291; Жолобов 1998: 21–53]).

В мягком подтипе за исключением древнерусской орфографической инновации – использования буквы **ѧ** для обозначения флексии в nom. sg. (что отражает древнерусский фонетический переход *ѧ > *ă*) – также отмечены стандартные морфологические формы: nom. sg. **д҃ша** 76,3; **землѧ** 75,9; 75,19; gen. sg. **десницѧ** 76,11; **сѫдиѧ** (masc.) 67,6; dat. sg. **земли** 75,10; instr. sg. **мышъцеѭ** 76,16; loc. sg. **июдеи** 75,2; nom. pl. **млъниѧ** 76,19; **стъѕѧ** 76,20; gen. pl. **въдовицъ** 67,6; acc. pl. **овъцѧ** 76,21.

Твердый подтип *о*-склонения существительных мужского рода в языке Новгородской псалтыри документирован достаточно большим числом стандартных старославянских форм: nom. sg. **б҃ъ** 75,2[31]; **гласъ** 76,19; **гнѣвъ** 75,8; **д҃хъ** 76,4; 76,7; **отълѣкъ** 75,11; **пъсалъмъ** 75,1; 76,1; gen. sg. **грома** 76,19; **рода** 76,9; **шюма** 76,18; dat. sg. **бо҃ю** 67,5; 76,2; **б҃ѫ** 75,12; acc. sg. (одуш.) **б҃а** 76,3; 76,4; (неодуш.) **вѣкъ** 76,8; **гласъ** 76,18; **гнѣвъ** 76,10; **родъ** 76,9; **сънъ** 75,6; **сѫдъ** 75,9; 75,10; **щитъ** 75,4; voc. sg. **б҃же** 75,7; 76,14; **б҃е**[32] 76,17; instr. sg. гласомъ 76,2[2]; loc. sg. **мирѣ** 75,3; **сионѣ** 75,3; nom. pl. **облаци** 76,18; gen. pl. **лѫкъ** 75,4; **глаголы** 76,9; **дары** 75,12; **д҃хы** 75,13; **запады** 67,5. Данный подтип характеризуется тем, что в acc. sg. различаются одушевленная и неодушевленная подпарадигмы, отражены результаты первой палатализации в форме voc. sg. **б҃же** и второй палатализации в форме nom. pl. **облаци**, а в instr. sg. отмечается собственно южнославянская флексия **-омъ**. Древнерусской орфографической инновацией является использование буквы **ѫ** для обозначения флексии в dat. sg., что отражает древнерусский фонетический переход *ѫ > *и*. Незначительность материала не позволяет однозначно говорить об отсутствии следов проникновения в эту парадигму форм *й*-склонения (типа gen. sg. **гласоу**), что удаляло бы наш памятник в языковом отношении от Супрасльской рукописи, Синайской псалтыри и Синайского евхология (см. [Панић 1991: 178]). Из мягкого подтипа имеем стандартные формы gen. sg.

---

[31] Также 75,10; 76,10; 76,14[2]; 76,15.

[32] Форма находится на конце строки.

конъца 76,9; **о҃ца** 67,6; loc. sg. **изл҃и** 75,2; nom. pl. **мѫжи** 75,6; gen. pl. **ц҃ръ** 75,13; dat. pl. **княземъ** 75,13; acc. pl. **коня** 75,7.

Твердый подтип *o*-склонения существительных среднего рода представлен стандартными старославянскими формами nom. sg. **мѣсто** 75,3; gen. sg. **богатъства** 75,6; **зачала** 76,12; **множъства** 76,17; nom. pl. **дѣла** 76,12; acc. pl. **лѣта** 76,6; loc. pl. **дѣлѣхъ** 76,13, в то время как мягкому подтипу принадлежат формы nom. sg. **жилище** 75,3; **помышление** 75,11; gen. sg. **запрѣщенига** 75,7; **лица** 67,6; **помышленига** 75,11; acc. sg. **оружие** 75,4; instr. sg. **ср҃цемъ** 75,6; **ср҃дцемъ** 76,7; loc. sg. **веселиї** 67,4; **мори** 76,20; loc. pl. **начинанніїхъ** 76,13. Как видим, и здесь в instr. sg. отмечена собственно южнославянская флексия **-емъ**. И в этом случае материала недостаточно для того, чтобы утверждать, что для подтипа в целом характерно отсутствие следов проникновения флексий из *s*-деклинации (ср. отсутствие форм типа **дѣлесе** и **личесе**, встречающихся, например, в Супрасльской рукописи).

В тексте отмечено лишь одно существительное *й*-склонения муж. рода **сынъ** в форме acc. pl. **с҃ны** 76,16.

Существительные жен. рода, изменяющиеся по образцу *i*-склонения, представляют следующие формы: gen. sg. **печали** 76,3; acc. sg. **бранъ** 75,4; **милостъ** 76,9; instr. sg. **ноцию** 76,3; 76,7; acc. pl. **крѣпости** 75,4. Duale tantum *i*-склонения представляет собой форма nom. **очи** 76,5. В мужском роде этот тип представлен прежде всего nom. и acc. sg. **пѫтъ** 76,14; 76,20; 67,5; acc. pl. **люди** 76,16; 76,21; loc. pl. **людъхъ** 76,15, в то время как **господь** демонстрирует наряду с nom. sg. **г҃ь** 67,5; 76,8 также особую форму dat. sg. **г҃ви** 75,12, возникшую под аналогическим влиянием *й*-склонения [Панић 1991: 185]; возможно, именно эту форму следует предполагать и за записью **г҃**-- 76,2 (о склонении данного существительного см. [Граматика 1991: 158–159]). Предполагается, что dat. sg. **господеви** относится к древнейшему слою перевода псалтыри и евангелия [von Arnim 1930: 251].

Консонантное *n*-склонение в муж. роде представлено формами acc. sg. **д҃нъ** 76,3 и acc. pl. **дни** 76,6. Для средн. рода отмечены nom. sg. **имѧ** 67,5[2] и dat. sg. **имни** 67,5. Имена существительные средн. рода *s*-склонения представлены всего тремя стандартными формами: gen. sg. **н҃бсе** 75,9; loc. sg. **колеси** 76,19; acc. pl. **чюдеса** 76,12; 76,15.

В тексте встретились лишь стандартные формы личных местоимений 1–2 sg. (энклитические dat. sg. **ми** 76,2; acc. sg. **тѧ** 76,17[2] и полноударные – nom. sg. **ты** 75,5; 75,8; 76,15; dat. sg. **тебѣ** 75,8; 75,11[2]). Указательное местоимение **и**, функционирующее в качестве личного, представлено gen. sg. **его** 67,5[33]; dat. sg. **емоу** 67,5; instr. sg. **нимъ** 67,5; 76,3. В качестве показателя пассива и возвратности глаголов используется энклитическая форма acc. sg. возвратного местоимения **сѧ**. Интересно отсутствие эпентетического **н** в форме 3 sg. masc. gen. **его** в предложной конструкции **окрестъ его** 75,12. Вопросительные местоимения представлены лишь формой nom. sg. **кто** 75,8; 76,14; отрицательные – формой acc. sg. **ничто же** 75,6.

Имеющиеся в тексте притяжательные местоимения предоставляют следующую информацию о состоянии мягкой разновидности местоименного склонения: в мужском роде nom. sg. **мои** 76,4; 76,7; **нашъ** 76,14; **твои** 75,8; 76,14; 76,20; gen. sg. **твоего** 76,19; dat. sg. **нашемоу** 75,12; acc. sg. **свои** 75,6 (неодуш.); 76,10; instr. sg. **моимъ** 76,2[2]; 76,7; acc. pl. **твоѧ** 76,16; **твоа** 76,21; в женском роде nom. sg. **моа** 76,3; gen. sg. **моеѧ** 76,3; acc. sg. (**тв**)**оюѫ** 76,15; **своюѫ** 76,9; instr. du. **моима** 76,3; nom. pl. **твоѧ** 76,18; 76,19; **твоа** 76,20[2]; acc. pl. **своѧ** 76,10; instr. pl. **своими** 75,6[34]; в среднем роде gen. sg. **твоего** 75,7; nom. du. **мои** 76,5; acc. pl. **твоа** 76,12; loc. pl. neutr. **твоихъ** 76,13[2]. И в этой парадигме единственной инновацией является орфографическая – использование буквы **а** для обозначения флексии nom. pl. жен. рода и acc. pl. муж. рода.

---

[33] Также 67.6; 75,2; 75,3[2]; 75,12.

[34] Вместо du.

Указательное **сь** засвидетельствовано лишь в nom. sg. fem. **си** 76,11. Немногочисленны и засвидетельствованные формы склонения слова **вьсь**: nom. pl. masc. **вси** 75,6[2]; 75,12; acc. pl. masc. **всѧ** 75,10; loc. pl. neutr. **въсѣхъ** 76,13.

Субстантивное склонение имен прилагательных представлено в памятнике преимущественно формами прилагательных притяжательных, демонстрирующих как мягкую, так и твердую разновидности словоизменения: в мужском роде nom. sg **страшънъ** 75,8; **иꙗковлъ** 75,7[35]; **велии** 76,14; acc. pl. **иосифовы** 76,16; **иꙗковьѧ** 76,16; в женском роде nom. sg. **трепетъна** 76,19; instr. sg. **аранеѭ** 76,20; **мосеовоѭ** 76,20; gen. pl. **вѣчънъ** 75,5; loc. pl. **многахъ** 76,20; в среднем роде nom. sg. **чл҃чско** 75,11; **велие** 75,2; acc. pl. **г҃нѣ** 76,12. Уже упоминавшимся орфографическим архаизмом, имеющим источник в глаголической письменности и указывающим на, возможно, глаголический протограф нашего текста, является употребление буквы **ѣ** для обозначения флексии acc. pl. neutr. в последнем примере.

Адъективное склонение представляет небольшой ряд имен прилагательных и имя существительное **въселенаꙗ**: в мужском роде gen. sg. **вышънꙗго** 76,11; dat. sg. **страшъноумоу** 75,13[2]; nom. pl. **неразоумънии** 75,6; gen. pl. **земъныхъ** 75,13; **сиръихъ** 67,6; acc. pl. **кротъкыѧ** 75,10; **пръвыѧ** 76,6; в женском роде acc. sg. **въселенѫѭ** 76,19[36]; в среднем роде loc. sg. **с҃втѣмъ** 76,14[37]; acc. pl. **вѣчънаꙗ** 76,6. Внимания заслуживает наличие только стяженных форм **вышънꙗго**, **страшъноумоу** и **с҃втѣмъ** в ед.числе и **земъныхъ**, **сиръихъ** во мн. числе.

Действительное причастие настоящего времени представлено только членными формами только муж. рода: nom. sg. **творѧи** 76,15; dat. sg. **отъемлѫщоумоу** 75,13; nom. pl. **сѫщиї** 75,12. Трудно локализуемыми морфологическими инновациями текста, возможно, восходящими к языку антиграфа, являются а) наличие только флексии -**и**- в nom. pl. masc. (наряду со старой флексией -**е**- она часта и в Синайской псалтыри) и б) наличие стяженной формы dat. sg. masc. В тексте наличествует лишь одно страдательное причастие настоящего времени в форме nom. sg. masc. именного склонения – **знаемъ** 75,2.

Действительное причастие прошедшего времени представлено только двумя формами местоименного склонения муж. рода. Однозначной морфологической инновацией текста является наличие стяженной формы dat. sg. masc. **въшъдъшоумоу** 67,5. Загадочная форма nom. pl. masc. **всѣд'шои** 75,7 (с учетом указания издателей текста о том, что "буква **о**, возможно, переправлена из полузатертого **и**"[38]) может быть интерпретирована как инновационный nom. pl. masc. (***въсѣдъшии**), параллельный форме действительного причастия настоящего времени **сѫщиї**. Написание **о**, вероятно, появилось в результате исправления писцом ошибки антиграфа "по памяти". Против интерпретации этого написания как несознательного отражения фонетического перехода [е] > ['о], как кажется, говорит как более поздняя датировка последнего XII в. и отсутствие необходимых фонетических условий (ср. [Зализняк 1995: 56]), так и то, что писец, отличающийся высоким уровнем владения старославянской нормой, предпринял это исправление целенаправленно. Страдательное причастие прошедшего времени представлено только двумя формами именного склонения в прямых падежах муж. рода: nom. sg. **прѣлъщенъ** 76,3 и acc. sg. **оуслышанъ** 75,9.

---

[35] В вокативной синтагме.

[36] Subst. fem.

[37] Субстантивировано.

[38] Неясно, почему издатели текста возводят написание с **о** к южнославянскому протографу (т. е. антиграфу) Новгородской псалтыри (см. [Зализняк, Янин 2001: 10]); как кажется, антиграфу должно было быть свойственно написание с **и**.

Презенс I-го спряжения[39] тематических глаголов представляют: 3 sg. **забѫдетъ** 76,10; **отъсѣчетъ** 76,9; **спсетъ** 75,10 и 3 pl. **принесѫтъ** 75,12; **съматѫтъ сѧ** 67,6. II спряжение репрезентируют формы 1 sg. **поманѭ** 76,12; 3 sg. **въскръснетъ** 75,10; 3 sg. praes. **отърънетъ** 76,8; графической особенностью текста является употребление буквы **ѭ** для обозначения флексии 1 sg. (менее вероятно, с учетом общей вариантности написаний с **ѫ** и **ѭ**, что речь идет об изменении этого глагола по типу IV спряжения, с инфинитивом **поманити**). По III-му спряжению изменяются глаголы **познати** и **просвѣщати**: 2 sg. **просвѣщаеси** 75,5 и 3 pl. **познаѭтъ сѧ** 76,20. Любопытно, что в исследуемом памятнике глагольные формы 2 sg. представлены исключительно либо 2 sg. praes. **еси** в презенсном значении, либо той же формой в составе формы перфекта, либо ошибочным написанием 2 sg. praes. **просвѣщаеси** 75,5, содержащим то же **еси**. Возможно, это окказиональный случай аналогического влияния форм атематического спряжения на тематическое. IV спряжение представлено формами 1 sg. **поглоумлѫ сѧ** 76,13; 3 sg. **приложитъ** 76,8; **протиивитъ сѧ** 75,8; **оупразнитъ сѧ** 75,11; **оудръжитъ** 76,10; 3 pl. **наслади̑тъ сѧ** 67,4; **прѣходѧтъ** 76,18. Из атематических глаголов презенсные формы 2 sg. **еси** 75,8; 76,15 и 3 sg. **исповѣстъ сѧ** 75,11. Императив тематических глаголов представлен формами 2 pl. **въспонте** 67,5; **обѣщанте сѧ** 75,12; **понте** 67,5; **радоуите сѧ** 67,5; **сътворите** 67,5. Из форм атематических глаголов находим также 2 pl. **въздадите** 75,12; это единственные глагольные формы 2 pl. в исследуемом тексте.

Наиболее интересны в памятнике формы аориста.

Глаголы I класса[40] представляют в тексте интересное сочетание форм простого и обоих сигматических аористов. Так, морфологическим архаизмом является простой аорист 3 pl. **обрѣтоу**[41] 75,6 (ср. 3 pl. **възматошѧ сѧ** 75,6), а относительным архаизмом – форма древнего сигматического аориста 1 sg. **рѣхъ** 76,11. Напротив, инновацией является форма нового сигматического аориста 1 sg. **съматохъ сѧ** 76,5 и отсутствие образований типа **съмасъ сѧ** (каковые представлены, например, в Синайской псалтыри). Таким образом, именно с Новгородской, а не с Синайско-Бычковской псалтыри "в псалтырных текстах начинается и замена старых форм аориста, засвидетельствованных в Синайской, Погодинской, Софийской и Хорватской глаголической псалтыри, новыми" [Карачорова 1989: 188]. Наблюдения над формами аориста, с одной стороны, подкрепляют нашу относительную датировку протографа Новгородской псалтыри как текста более позднего по сравнению с псалтырью Синайской, а с другой стороны, удаляют наш текст от старославянских памятников македонского происхождения. Формы 3 sg. **изнеможе** 76,4; **w̃връже сѧ** 76,3 обычны. II класс представлен формами аориста 1 sg. **начѧхъ** 76,11 и 3 sg. **вънѧт** 76,2; при этом у первого глагола особенно показательно наличие не древнего форманта сигматического аориста (тип **начасъ**), а нового, перенесенного сюда по аналогии.

Из глаголов III-го класса в аористе зафиксированы лишь 1 sg. **поманѭхъ** 76,4; 76,6; 76,12 и 3 pl. **оусняша** 75,6, причем орфографической инновацией текста является использование буквы **а** во флексии 3 pl. (однако по замечанию издателей текста это **а**, возможно, переправлено из **ѧ**). Глаголы IV класса с основой инфинитива на -**ѣ**- представлены в аористе 1 sg. **въскрѣсѣхъ** 76,4 и 3 pl. **видѣша** 76,17[2]. Глаголы с основой инфинитива на -**и**- демонстрируют наряду со стандартным набором флексий в аористе (1 sg. **възвеселихъ сѧ** 76,4; **помыслихъ** 76,6; **поучихъ сѧ** 76,6; 76,13; 3. sg. **съкроуши** 75,4; 3. pl. **освѣтиша** 76,19; **съмоутиша сѧ** 76,17) также морфологическую инновацию – флексию **а** в форме 3 du.: **варита** 76,5. Глаголы с основой инфи-

---

[39] В настоящей работе принимается классификация основ старославянского глагола И. Добрева [Граматика 1991. 271–288].

[40] Граматика 1991: 270, 288–299.

[41] Древнерусскую фонетическую инновацию отражает написание -**оу** на месте *ǫ* во флексии 3 pl.

нитива на -а- морфологических инноваций или архаизмов не демонстрируют (1. sg. **възискахъ** 76,3; **възъваахъ** 76,2; **гл҃ахъ** 76,5; 3. sg. **подвижа сѧ** 76,19; **съконъча** 76,9; **оубоа сѧ** 75,9; **оумлъча** 75,9; **въздрѣмаша сѧ** 75,.7; **оубомша сѧ** 76,17). Орфографический характер носит инновационное древнерусское написание **ѧ** вместо **ꙗ** в последней форме. Аорист атематических глаголов представлен формами 1 sg. **бых҄ъ** 76,3; 3 sg. **бысть** 75,3; 76,19; 3 pl. **даша** 76,18.

В тексте встретились формы имперфекта лишь двух глаголов; здесь показательно отсутствие стяжения гласных -аа- > -а-: 1 sg. **глѫмлаахъ сѧ** 76,7; 3 sg. **клъцаашє** 76,7. Формы перфекта зафиксированы в тексте четырежды и только во 2 sg. masc.: **избавилъ єси** 76,16; **извелъ єси** 76,21; **съказалъ єси** 76,15; **створилъ єси** 75,9. Инфинитив представлен лишь тремя формами **бл(а)говолити** 76,8; **помиловати** 76,10 и **оутѣшити (сѧ)** 76,3.

НОВГОРОДСКАЯ ПСАЛТЫРЬ И ПАМЯТНИКИ СТАРОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА

Согласно новейшей хронологии и классификации канонических памятников старославянского языка, предложенной Й. Схакеном и Х. Бирнбаумом, в истории этого языка (называемого авторами древнецерковнославянским) следует различать следующие периоды: моравско-паннонский (с единственным сохранившимся текстом этого периода – Киевскими листками), болгаро-македонский (вторая половина X в. или XI в., и в особенности время правления Симеона) и, наконец, поздний старославянский (рубеж XI и XII веков) [Schaeken, Birnbaum 1999: 15–18]. Основным дифференциальным признаком новейших канонических текстов, т. е. текстов позднего периода, является использование лишь одного графического знака для обоих редуцированных, т. е. так называемая "одноеровая" орфография. "Другие особенности – это относительно ограниченное употребление йотированных букв (среди них и для носовых) и большое число смешений первоначальных носовых". Авторы полагают даже возможными и обратные заключения – "языковые памятники с одним ером, вероятно, происходят из позднедревнецерковнославянской эпохи" [Schaeken, Birnbaum 1999: 23, 24]. Глаголическое или кириллическое письмо не может служить ни единственным, ни даже основным признаком для размещения старославянских памятников в хронологической последовательности. Памятники двух последних эпох могут быть глаголическими, и тогда они обычно демонстрируют западные (западноболгарские, македонские) черты (основная из которых – это вокализация *ъ в *о*[42]), или кириллическими, и тогда они часто характеризуются восточноболгарскими признаками.

Среди одноеровых (ъ) памятников позднего старославянского периода находим глаголический Боянский евангельский палимпсест (БП) и два кириллических текста – Листки Ундольского (отрывок евангелия, ЛУ) и Енинский апостол (ЕА)[43]. Кажется привлекательным причислить антиграф Новгородской псалтыри (НП) к этой группе памятников на основании ее главной орфографической характеристики, однако ряд других орфографических и собственно языковых признаков этих старославянских текстов, а также проблемы абсолютной хронологии заставляют подойти к данному вопросу очень взвешенно. Кроме одноеровой орфографии лишь один признак проходит по всем четырем памятникам: в БП как в глаголическом памятнике нет особого знака для

---

[42] Общепринято, что отсутствие примеров "прояснения" редуцированного заднего ряда в сильной позиции в о является достаточным основанием для локализации языка старославянского памятника послеморавского периода в восточной Болгарии (см., например [Мирчев, Кодов 1965: 201, 225; Тот 1978: 251; Минчева 1978]).

[43] К неканоническим одноеровым старославянским памятникам относится Житие Кондрата XI в., протограф которого "был восточноболгарской рукописью с одноеровой орфографией, как и Енинский апостол" ([Тот 1978: 249–251]; см. также [Бояджиев 1995: 48–50]).

йотированного ѥ, нет его и в кириллических ЛУ и ЕА и, очевидно, в антиграфе НП. Остальные совпадения распределяются следующим образом: антиграф Новгородской псалтыри был написан кириллицей как ЛУ и ЕА, имел четыре знака для носовых как БП, употреблял их этимологически верно как ЛУ, как и БП редко имел графему ъі для "еры", как ЛУ и БП имел и на месте напряженного еря; непоследовательно сохранял l-epentheticum как БП и ЕА; последовательно имел оу после ч как изредка БП.

Существенны, однако, различия между тремя старославянскими текстами и предполагаемым антиграфом Новгородской псалтыри. Так, в БП и ЕА имеет место, хоть и редко, мена юсов; в ЛУ и ЕА нет йотированных юсов; во всех трех старославянских памятниках отмечаются следы вокализации редуцированных, на месте напряженных редуцированных в ЕА изредка пишется ъ; йотированное ѧ в ЛУ отсутствует, а на его месте пишется ѣ; в ЕА ѫ редко, а на его месте также обычно пишется ѣ; в ЛУ последовательно сохраняется l-epentheticum; во всех трех старославянских памятниках имеется графема для ѕ; наконец, во всех трех старославянских текстах после шипящих (например ч) пишутся йотированные буквы (например ю), с редкими отступлениями в БП. Таким образом, как данные абсолютной хронологии, так и орфографические и языковые особенности поздних старославянских памятников не позволяют причислить к ним антиграф Новгородской псалтыри. Бросается в глаза особенно большое число расхождений именно с характеристиками кириллических текстов, очевидно писанных в восточной Болгарии, и, напротив, относительно частое присутствие черт глаголического Боянского палимпсеста в списке сходств с орфографией и языком антиграфа Новгородской псалтыри при его относительно меньшем участии в списке отличий. Создается впечатление, что наш антиграф мог иметь в свою очередь в качестве антиграфа памятник, близкий по характеристикам к Боянскому палимпсесту. Однако последний, по убедительному заключению И. Добрева, "возник в западноболгарской языковой среде", что устанавливается прежде всего на основании характера вокализации редуцированных [Добрев 1972: 82]. Из морфологических особенностей БП интерес представляют флексия -омоу в dat. sg. masc. и neutr. местоименного склонения прилагательных, отсутствие нестяженных форм имперфекта, напротив, наличие стяжения в gen. sg. masc. прилагательных, наличие форм древнего сигматического аориста [Добрев 1972: 85–86]; первая и последняя особенность отличают язык БП от языка Новгородской псалтыри. "Одноеровый" характер орфографии глаголического Боянского палимпсеста есть, по мнению И. Добрева, "доказательство того, что в преддверии XII в. делались определенные попытки орфографических изменений, вызванные развитием живой речи. В условиях византийского рабства эти попытки имели локальный характер и ограничивались механическим устранением одного из редуцированных гласных" [Добрев 1972: 82]. По мнению Б. Велчевой, "одноеровые" глаголические тексты подтверждают общее положение о продолжении глаголической традиции в болгарских центрах письменности [Velčeva 1988: 705]. Показательно, что и в глаголической Синайской псалтыри имеются части, писцы которых преимущественно употребляли ъ, а в так называемой части IV "достигнута не всего лишь начальная стадия среднеболгарской графики, а конечная стадия исключительного использования знака ъ для *ь и *ъ" [von Arnim 1930: 7, см. также 10].

Серьезное хронологическое расхождение между датировкой Новгородской псалтыри (сохраняющей различение носовых заднего и переднего ряда и не представляющей примеров вокализации редуцированных) как минимум первой третью XI в. и отнесением "одноеровых" старославянских рукописей (с их хотя бы частичным смешением носовых и вокализацией редуцированных) к рубежу XI и XII веков[44] может

[44] В истории среднеболгарской письменности, т. е. с XII в. одноеровая (ъ) орфографическая школа локализуется на юго-западе Македонии и обычно носит название охридской; напротив, в северной Македонии возникает кратовская или злетовская школа с предпочтением ь [Цонев 1905; 1984: 167–168; Гълъбов 1968].

быть удовлетворительно объяснено, если обратить внимание на такие памятники старославянского языка, как "одноеровые" надписи. Кстати, сам факт их существования служит основанием для призывов к корректуре датировки одноеровой орфографии кириллических памятников в сторону ее удревнения [Velčeva 1988: 706]. Причины появления "одноеровой системы" неизвестны. О. Недельковић увязывала ее с депалатализацией согласных [Недељковић 1967: 10], но это вряд ли приемлемо с учетом тех фактов, что древнейшие надписи такого рода появляются на территории восточной Болгарии и Румынии и что противопоставление согласных по палатализованности / непалатализованности до сегодняшнего дня сохраняется как раз в восточноболгарских диалектах. С другой стороны, появление такой орфографии можно было бы увязать с утратой различения редуцированных на западноюжнославянской языковой территории или в области распространения болгарского родопского наречия, но это противоречит исторически первичной локализации таких памятников на северо-востоке, где рефлексы редуцированных не совпадали.

Одноеровую (ь) кириллическую орфографию, впервые отмечаемую в Добруджанской надписи 943 г. из Мирча Воды [Popkonstantinov, Kronsteiner 1994: 108–109], Б. Велчева, вслед за И. Гылыбовым, связывает с преславской кириллицей (см. [Velčeva 1988: 706]; см. также [Popkonstantinov 1988]). Для "одноеровой" (ъ) кириллической орфографии Б. Велчева локализации не дает, указывая лишь на ее наличие в уже известных нам относительно поздних Листках Ундольского и в Енинском апостоле [Velčeva 1988: 707]. Известна, однако, именно одноеровая (ъ) кириллическая надпись **ѣнъ грѣшънъ писалъ въ тъмъници сѣдѧ** X в. в том же Преславе; к концу IX – началу X в. относится одноеровая (ъ) кириллическая надпись в Теке Козлуджа (Плиска) [Popkonstantinov, Kronsteiner 1994: 196–197, 156–157]. На наличие этого, очень показательного отличия от общей тенденции к употреблению ь в преславской школе обратила внимание еще В. Иванова [Иванова 1933: 321]. Один знак ъ употребляется, далее, в сербских кириллических надписях XII в. (плита из Хумаца, надпись Грда и др.; все эти памятники "из западного, боснийско-хумского региона") [Чигоја 1998: 61–63], причем О. Недельковић допускает возможность датирования плиты из Хумаца концом X – началом XI в. [Недељковић 1967: 16], а Б. Чигоя увязывает рассмотренные ею надписи с глаголической орфографической традицией, отразившейся в зетско-хумском правописании. Как утверждает О. Недельковић, таким образом оказывается, с одной стороны, что уже в середине X в. "существовала утвердившаяся одноеровая система", а с другой, что употребление знаков для редуцированных иррелевантно для определения территориальной принадлежности памятника, поскольку одноеровые системы, отмечающиеся уже с X в., представлены и на западе, и на востоке Балкан [Недељковић 1967: 34, 25], т. е., добавлю, как в сербохорватской, так и в болгаро-македонской языковой области. Однако это обобщение О. Недельковић не может быть распространено на географическую территорию Македонии, откуда мы располагаем лишь двуеровыми надписями X–XI вв. (см. [Popkonstantinov, Kronsteiner 1994: 14–16, 36–38]; см. также [Гошев 1961; Попконстантинов 1985]). Мы не можем, следовательно, утверждать, что одноеровая кириллическая школа с ъ была известна в Македонии уже в X–XI вв. (хотя мы и располагаем, по всей видимости, "одноеровой" (ъ) частью глаголической Синайской псалтыри XI в.). Как подчеркивает А. Бояджиев, наиболее ранние памятники ъ-типа встречаются именно в восточной части древней Болгарии, а "их проникновение на запад, по всей видимости, можно считать более поздним" [Бояджиев 1995: 59]. В любом случае, особенности антиграфа Новгородской псалтыри невозможно рассматривать без учета сведений об "одноеровой" (ъ) кириллической орфографии надписей X–XI вв. и прежде всего, если учесть общеисторические, текстологические, лингвистические аргументы и его кириллическое письмо, – сведений о надписях восточноболгарских.

Кроме того, необходимо поставить вопрос о его отношении к известной "преславской" или "симеоновской" редакции. Считается, например, что среди сохранившихся

и описанных рукописей псалтыри характеристики этой редакции лучше всего представлены в Чудовской псалтыри с толкованиями Феодорита Киррского XI в. [Славова 1989: 17], хотя обычно и признают, что ни одна из сохранившихся старославянских рукописей X в. не отражает полностью следов преславской обработки.

В центре внимания при рассмотрении характеристик преславских текстов находятся лексические замены, произведенные относительно первоначальной редакции старославянских текстов[45]. Наиболее подробно они описаны для рукописей евангелия Т. Славовой, а для текста Новгородской псалтыри релевантными парами оказываются следующие [Славова 1989]: 6. **брань** ὁ πόλεμος – **рать**; 14. **въздати** ἀποδίδωμι – **отъдати**; 16. **възъвати** καλέω – **въскричати**; 17. **въскрьснѫти** ἀνίστημι – **въстати**; 29. **древьнъ** ἀρχαῖος – **прьвъ**; 38. **и** καί – **ти**; 50. **коньчина** τό τέλος – **коньць** (первой следует "кирилло-мефодиевская лексема" с ее номером по списку, затем греческое соответствие и, наконец, "преславская лексема"). Как видим, в Новгородской псалтыри в подавляющем числе случаев представлена однозначно кирилло-мефодиевская лексика (**брань, въздати, възъвати, въскрьснѫти, и**), в то время как однозначный "преславизм" всего лишь один – **прьвъ**. Лексема **коньць** представлена в качестве соответствия греческому τό τέλος уже в древнейших списках славянского перевода евангелий [Люсен 1995: 223; ср. также СтслСл: 290] и поэтому вряд ли может служить в качестве примера лексической редакции текста преславского типа.

Итак, лексические особенности Новгородской псалтыри позволяют связать текст ее антиграфа с преславской редакцией не в большей степени, чем текст других сохранившихся восточноболгарских рукописей X в. В лучшем случае наш текст свидетельствует о сосуществовании лексики древнейшей редакции с минимальными новыми вкраплениями. Возникает вопрос о том, является ли это свидетельством постепенности накапливания "преславских" черт в древнеболгарской письменности, особенно в памятниках, представлявших длительную кирилло-мефодиевскую традицию, или же свидетельством существования школы, отличной от преславской, к которой и следует относить антиграф нашего текста?

Не так давно А.А. Алексеевым были вскрыты и грамматические признаки преславской редакции (см. [Алексеев 1999: 167]), которые, как оказалось, тоже не характерны для текста Новгородской псалтыри. Так, например, в преславской редакции "аорист 2-го лица переводится аористом же, а не перфектом, как в кирилло-мефодиевских текстах"; выше мы, однако, видели, что по этому параметру Новгородская псалтырь указывает на кирилло-мефодиевский перевод. Правилу "Греческий пассив всегда переводится глагольными формами с возвратной частицей **сѧ**" не отвечает пример из Новгородской псалтыри в 76,3 οὐκ ἠπατήθην – **не прѣлъщенъ быхъ / не прѣльщенъ бъіхъ**. Наконец, в отличие от текстов преславской редакции, Новгородская псалтырь не представляет примеров перевода "греческого целевого инфинитива с артиклем <...> инфинитивом с частицами **ꙗко, ꙗкоже**" (ср. 75,10 ἐν τῷ ἀναστῆναι εἰς κρίσιν τὸν θεὸν τοῦ σῶσαι πάντας τοὺς πραεῖς τῆς γῆς – **вънегда въскръснетъ на сждъ бъ да спсетъ вся кротъкыѧ земли / вънегда воскръснетъ на сждъ бъ да оупасетъ вьсѣ кротъкъіѣ земли**). Кроме того, актуальные исследования К. Костовой показали, что "преславские книжники систематически включали не только лексические, но и фонетические явления своего родного (северо-восточноболгарского – *А.С.*) диалекта при переписывании переводных и оригинальных сочинений на древнеболгарский язык" ([Костова 1992: 22]; см. подробное изложение в [Костова 2000]). Отсутствие каких бы то ни было ярких южнославянских диалектных черт в Новгородской псалтыри может, таким образом, также служить косвенным основанием для сомнений в том, что ее антиграф относится к кругу преславских текстов.

---

[45] Лексические преславизмы иногда рассматриваются и как свидетельства северо-восточноболгарского происхождения языка памятника [Костова 2000: 25].

Можно сказать, что хотя наш текст и мог быть переписан в восточной Болгарии с протографа кирилло-мефодиевской книжной школы, но, по всей видимости, нельзя вести речь о его редактировании ни целиком, ни хотя бы частично в духе преславской редакции. Скорее всего, мы имеем дело именно с памятником, представляющим какую-то иную книжную школу[46].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Значение факта обнаружения и публикации текстов Новгородского кодекса для славянской филологии трудно переоценить. Очевидно, что комплексное филологическое изучение этого памятика приведет к уточнению, а в ряде случаев и к пересмотру ряда устоявшихся общих положений в самых различных сферах палеославистики, что на данном этапе работы, а тем более в рамках настоящей статьи было бы пока еще явно преждевременно.

Анализ текста и языка Новгородской псалтыри, несмотря на скудость материала, который можно извлечь из основного текста церы, позволяет осторожно предположить, что ее антиграф был создан в русле традиции копирования кирилло-мефодиевского славянского текста, сопровождавшегося постоянным, сознательным и целенаправленным исправлением его (в том числе, возможно, устранением "западных" и Оригеновских чтений) для приближения к греческому оригиналу, по всей видимости, Лукиановской рецензии.

Невозможно однозначно утверждать, был ли протографом Новгородской псалтыри глаголический текст (ср. написания **гⷭ҃ⷭ҃ѣ**, **сиѻъиⷯъ**, форму **гⷭ҃и**, отсутствие графем **ѯ** и **ѱ**; ср. также некоторую общую близость орфографии с орфографией глаголического Боянского палимпсеста), но этот текст отражал основные принципы и приемы переводческой техники Кирилла и Мефодия, будучи в то же время текстологически независимым от Синайской псалтыри, традиционно возводимой к первоначальному кирилло-мефодиевскому переводу.

Текстологические особенности Новгородской псалтыри отличают ее от старославянских памятников моравского периода, а также от текстов, относимых к письменной традиции славян побережья Адриатики, но не совпадают и с текстологическими характеристиками древнеболгарской преславской редакции старославянских текстов. Возможно, новых интересных результатов следует ожидать от сопоставления нашего текста с памятниками "русской" редакции славянского текста псалтыри.

Особенности антиграфа отражают результаты целенаправленной стандартизаторской деятельности в области орфографии (возможно, связанной с южнославянской традицией одноеровых кириллических надписей), характеризующейся строго регламентированными написаниями только с **ъ** (в том числе и **ѻъ**, **лъ**), но допускающей некоторую вариативность употребления графем **ѫ** // **ѭ** // **оу**, **ѧ** // **ѩ** // **а** // **ꙗ** и написаний с сохранением и опущением слабых редуцированных. Недавнее обнаружение в с. Одырци, р-н Добрича оловянной пластинки с одноеровой надписью X в., отражающей восточнославянские языковые особенности в рефлексации носовых и явно писанной восточным славянином, позволяет ожидать новых интерпретаций в вопросах о месте, времени и характере языковых и культурных контактов между древними Болгарией и Русью (см. [Бояджиев 1995: 66]). Пока открыт вопрос о времени и месте появления орфографической системы с безысключительным написа-

[46] Возможно, наш предполагаемый антиграф следует сопоставить с той традицией, которую представляет известная Саввина книга, кстати, включающая в свой состав и лист 165, писанный "одноеровой" орфографией в XI в., причем "переписчик его той же школы и из той же области, что и переписчик Саввиной книги" [Дограмаджиева 1993: 16, 21]. Текст этого листа, правда, относят к преславской редакции.

нием ъ, ръ, лъ, но с удивительными для такой высокостандартизованной системы колебаниями в употреблении йотированных и нейотированных букв для носовых и толерированием написаний, отражающих восточнославянские рефлексы тех же носовых. В настоящий момент еще преждевременно было бы утверждать, что уже в Болгарии X в. могла сложиться практика "русского письма", которая могла быть освящена некоторым авторитетом и которой воспользовался наш новгородский писец[47].

Язык памятника старославянский, восточноюжнославянский. Несмотря на то, что в тексте не отражены инновационные черты диалекта древнеболгарского писца антиграфа, которые можно было бы однозначно локализовать в пространстве, язык антиграфа Новгородской псалтыри может быть охарактеризован апофатически. С одной стороны, такие "отрицательные характеристики", как отсутствие следов смешения носовых, отсутствие следов вокализации редуцированного заднего ряда и отсутствие форм сигматического аориста, а также ряд более мелких расхождений с языком Синайской псалтыри (например, написание нейотированных букв после шипящих, отсутствие напряженных еров, отсутствие флексии -є- в формах мн.ч. причастий м.р., инновационная флексия а в форме 3 л. дв.ч. аориста) и, наконец, кириллическое письмо, по всей вероятности, исключают Македонию как возможное место написания нашего антиграфа. С другой стороны, практически полное отсутствие лексических и полное отсутствие текстологических особенностей преславской школы, по всей видимости, исключает также и отнесение антиграфа к узкому кругу северо-восточноболгарских преславских текстов, оставляя лишь возможность характеристики его как древнеболгарского текста, написанного не позднее начала XI в. и, скорее всего, в X в. в рамках деятельности неизвестной пока книжной школы. Расхождения нашего текста с характеристиками кириллических текстов позднего старославянского периода, очевидно писанных на рубеже XI и XII веков в восточной Болгарии, вероятно, объясняются неавторитетностью этой неизвестной школы X– начала XI в. для хронологически более поздней древневосточноболгарской книжной традиции.

ИСТОЧНИКИ

Бычковская псалтырь – Saint Catherine's Monastery. An Early Slavonic Psalter from Rus'. V. One: Photoreproduction / Ed. by M. Altbauer. With the collaboration of H.G. Lunt. Cambridge. Mass., 1978.

Новгородская псалтырь – *А.А. Зализняк, В.Л. Янин.* Новгородский кодекс первой четверти XI в. – древнейшая книга Руси // ВЯ. 2001. № 5.

Норовская псалтырь – *Е.В. Чешко, И.К. Бунина, А.В. Дыбо, О.А. Князевская, Л.А. Науменко.* Норовская псалтырь. Среднеболгарская рукопись XIV века. Ч. I, II. София, 1989.

Синайская псалтырь – *С. Северьянов.* Синайская псалтырь. Глаголический памятник XI века / Приготовил к печати С. Северьянов. Graz, 1954 (фототип. с изд. 1922 г.).

Чудовская псалтырь – *В. Погорелов.* Чудовская Псалтырь XI века. Отрывок Толкования Феодорита Киррского на Псалтырь в древнеболгарском переводе. СПб., 1910.

Psalterium Sinaiticum – *M. Altbauer ed.* Psalterium Sinaiticum. An 11th century manuscript from St. Catherine's Monastery, Mt. Sinai. Skopje, 1971.

Psalterium Sinaiticum p. n. – *F.V. Mareš ed.* Psalterii Sinaitici pars nova. Wien, 1997.

Psalterium Vindobonense – *J. Hamm (Hrsg.).* Psalterum Vindobonense. Der kommentierte glagolitische Psalter der Österreichischen Nationalbibliothek. Wien, 1967.

Rahlfs 1931 – *A. Rahlfs (Hrsg.).* Septuaginta. X. Psalmi cum Odis. Göttingen, 1931.

Vulgata 1969 – Biblia sacra iuxta Vulgatam versionem. T. I. Genesis – Psalmi. Stuttgart, 1969.

---

[47] Возможно, дальнейшее изучение не только Новгородской псалтыри, но и "скрытых" текстов Новгородского кодекса внесет определенные корректировки в распространенное мнение о том, что русская письменность "появляется при Ярославле, когда начинается переписывание книг и возникает переводная литература <...>, т. е. появляются книги не привезенные, а здесь созданные" [Успенский 1987: 30].

СЛОВАРИ И КОНКОРДАНСЫ

БЕР – Български етимологичен речник София, 1973–

Люсен 1995 – *И Люсен* Греческо-старославянский конкорданс к древнейшим спискам славянского перевода евангелий Uppsala, 1995

СтслСл – Старославянский словарь (по рукописям X – XI веков) / Под ред Р М Цейтлин Р Вечерки, Э Благовой М , 1994

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков Праславянский лексический фонд / Под ред О Н Трубачева М , 1974–

Aitzetmuller 1977 – *R Aitzetmuller* Belegstellenverzeichnis der altkirchenslavischen Verbalformen Wurzburg, 1977

Bodoh 1970 – *J J Bodoh* An index of Greek verb forms Hildesheim, New York, 1970

ESJS – Etymologický slovník jazyka staroslověnského Praha, 1989–

GEL – A Greek-English lexicon of the Septuagint / Compil by J Lust, E Synikel, K Hauspie Stuttgart P I 1992, P II 1996

Hatch, Redpath 1897 – *E Hatch, H.A Redpath* A Concordance to the Septuagint V I, II Oxford, 1897

Koch 2000 – *Chr Koch* Wort- und Formenverzeichnis des altkirchenslavischen Codex Assemanianus Freiburg, 2000

Lampe 1961 – *G W Lampe* A patristic Greek lexicon Oxford, 1961

LBG – Lexikon zur byzantinischen Grazitat, besonders des 9 –12 Jahrhunderts / Erstellt von E Trapp unter Mitarb von W Horandner Fasz 1 1994, Fasz 2. 1996, Fasz 3 1999 Wien

Liddell, Scott 1996 – A Greek-English lexicon with a revised supplement 1996 / Compil by H G Liddell, R Scott / Rev and augm throughout by H S Jones Oxford, 1996

Miklosich 1862–1865 – *F Miklosich* Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum Wien, 1862–1865

Morrish 1976 – A concordance of the Septuagint Grand Rapids (Michigan), 1976

SPsl – Slownik prasłowiański Wrocław etc , 1974–

SJS – Slovník jazyka staroslověnského Praha, 1958–1997

Sophocles 1893 – *E A Sophocles* Greek lexicon of the Roman and Byzantine periods (from B C 146 to A D 1100) New York Leipzig 1893

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев 1999 – *А А Алексеев* Текстология славянской Библии СПб , 1999

Белић 2000 – *А Белић* О двојини у словенским језицима // Белић А Изабрана дела Упоредна словенска лингвистика Т 2 Нови Сад, 2000

Бояджиев 1995 – *А Бояджиев* Житието на св Кондрат – първоначалната история на неговия славянски текст и развитието на старобългарската правописна система с голям ер // Кирило-Методиевски студии Кн 10 София, 1995

Верещагин 1978 – *Е М Верещагин* Выявление смысловых связей между словами первого литературного языка славян с помощью методики "цепочки ' // Советское славяноведение 1978 № 1

Верещагин 1997 – *Е М Верещагин* История возникновения древнего общеславянского литературного языка Переводческая деятельность Кирилла и Мефодия и их учеников М 1997

Гиндин 1988 – *Л А Гиндин* К переводческой технике кирилло-мефодиевской школы две старославянские кальки в Супрасльской рукописи // Советское славяноведение 1988 №3

Гошев 1961 – *Ив Гошев* Старобългарски глаголически и кирилски надписи от IX и X век София, 1961

Граматика 1991 – Граматика на старобългарския език / Гл ред И Дуриданов София, 1991

Гълъбов 1968 – *И Гълъбов* Ранни школи на стария български книжовен език // Български език 1968 Кн 2–3

Дмитриев 1992 – *Д Вл Дмитриев* Где искать греческую Vorlage древнеславянских переводов // Palaeobulgarica XVI (1992) 1.

Добрев 1972 – *И Добрев* Глаголическият текст на Боянския палимпсест Старобългарски паметник от края на XI век София, 1972

Дограмаджиева 1993 – *Е Дограмаджиева* Ролята на л 165 в състава на Савина книга // Palaeobulgarica XVII (1993) 4

Дурново 1924 (1925–1926) – *Н Н Дурново* Русские рукописи XI и XII вв , как памятники старославянского языка // Јужнословенски филолог Књ IV Београд, 1924, Књ V Београд, 1925–1926

Дурново 1959 – *Н Н Дурново* Очерк истории русского языка 's-Gravenhage, 1959 (фототип с изд 1924 г)

Жолобов 1998 – *О Ф Жолобов* Символика и историческая динамика славянского двойственного числа Frankfurt am Main, 1998

Жуковская 1976 – *Л П Жуковская* Текстология и язык древнейших славянских памятников М 1976

Зализняк 1995 – *А А Зализняк* Древненовгородский диалект М , 1995

Зализняк, Янин 2001 – *А А Зализняк, В Л Янин* Новгородский кодекс первой четверти XI в – древнейшая книга Руси // ВЯ 2001 № 5

Иванова 1933 – *В Иванова* Старобългарски надпис от с Теке Козлуджа // Известия на Българския археологически институт Кн 7 София, 1933

Карачорова 1989 – *И Карачорова* Към въпроса за Кирило-Методиевия старобългарски превод на Псалтира // Кирило-Методиевски студии Кн 6 София, 1989

КМЕ – Кирило-Методиевска енциклопедия / Ред П Динеков Т 1 А–З (1985), Т 2 И–О (1995) София

Костова 1992 – *К Костова* Преславските текстове и проблемите на българската историчес ка диалектология // Palaeobulgarica. XVI (1992), 3

Костова 2000 – *К Костова* Правопис и фонетиката на преславските текстове Велико Търново, София, 2000

Крысько 1996 – *В Б Крысько* Маргиналии к "Старославянскому словарю" // ВЯ 1996 № 5

Куев 1986 – *К М Куев* Съдбата на старобългарската ръкописна книга през вековете София 1986

Кульбакин 1924 – *Ст Кульбакин* Psalterium Sinaiticum у новом издању // Јужнословенски филолог Књ IV Београд, 1924

Кульбакин 1925–1926 – *Ст Кульбакин* Полугласници у Синајском Псалтиру // Јужнословенски филолог Књ V Београд, 1925–1926

Макеева 1991 – *И И Макеева* Древнерусское *глумиться* традиция и своеобразие // Традиция древнейшей славянской письменности и языковая культура восточных славян / Ред В П Вомперский и др. М., 1991

Мещерский 1988 – *Н А Мещерский* Семантика корнеслова *глум-* в памятниках древней славяно-русской письменности // Русская историческая лексикология и лексикография Вып 4 Л , 1988

Минчева 1978 – *А Минчева* Старобългарски кирилски откъслеци София, 1978

Мирчев, Кодов 1965 – *К Мирчев, Хр Кодов* Енински апостол Старобългарски паметник от XI век София, 1965

Недељковић 1967 – *О Недељковић* Полугласови у старословенским споменицима // Slovo Br 17 Zageb, 1967

Огрен 1991 – *И Огрен* К проблеме использования печатных изданий греческих текстов при исследовании древних славянских переводов Uppsala, 1991

Панић 1991 – *М Панић* Прасловенске *й*-основе у старословенској именичкој деклинацији // Јужнословенски филолог Књ XLVII Београд, 1991

Погорелов 1901 – *В А Погорелов* О редакциях славянского перевода Псалтыри // В А Погорелов Псалтыри (Библиотка Московской синодальной типографии Ч I Вып 3) М , 1901

Попконстантинов 1985 – *К Попконстантинов* Разпространение на старобългарската писменост през IX–XI век (по епиграфски данни) // Старобългарска литература Кн 17 София 1985

Скупский 1977 – *Б И Скупский* К вопросу о греческом оригинале древнейших славянских переводов // ВЯ 1977 № 2

Славова 1989 – *Т Славова* Преславска редакция на Кирило-Методиевия старобългарски евангелски превод // Кирило-Методиевски студии Кн 6 София, 1989

Сперанский 1928–1929 – *М Н Сперанский* Откуда идут старейшие памятники русской письменности и литературы? // Slavia Т 7

Тодоров 1990 – *А Тодоров* Псалмы новой части Бычковской псалтыри // Palaeobulgarica XIV (1990) 1

Тот 1978 – *И Х Тот* К изучению одноеровых памятников XI в // Studia slavica hungarica Т 24

Успенский 1987 – *Б А Успенскии* История русского литературного языка (XI–XVII вв) Munchen 1987
Хамм 1976 – *Й Хамм* К истории древнеславянского перевода псалтыри // Культурное насле дие Древней Руси Истоки Становление традиции М , 1976
Цейтлин 1986 – *Р М Цейтлин* Лексика древнеболгарских рукописей X–XI вв София, 1986
Цонев 1905 – *Б Цонев* Класификация на българските книжовни паметници от найстаро време до края на XVI век // Годишник на Софийския университет за 1904 / 5 год София, 1905 (отд отп)
Цонев 1984 – *Б Цонев* История на българския език Том първи А Обща част Изд 2-е София, 1984
Чигоја 1998 – *Б Чигоја* Најстарији српски ћирилски натписи (графија, ортографија и језик) Изд 3-е Београд, 1998
Чешко и др 1989 – *Е В Чешко И К Бунина А В Дыбо, О А Князевская Л А Науменко* Норовская псалтырь Среднеболгарская рукопись XIV века Ч I, II София, 1989
von Arnim 1930 – *von B Arnim* Studien zum altbulgarischen Psalterium Sinaiticum Leipzig, 1930
Camuglia 1996 – *M Camuglia* The Psalter, its tradition and the computer a new method of textual analysis // Palaeobulgarica XX (1996) 1
Diels 1932 – *P Diels* Altkirchenslavische Grammatik I Teil Grammatik Heidelberg, 1932
Jagic 1913 – *V Jagic* Entstehungsgeschichte der kirchenslawischen Sprache Berlin, 1913
Laurenčík 1948 – *J Laurenčík* Nelukianovská čtení v Sinajském žaltáři // Slovanske studie Praha, 1948
Lepissier 1964 – *J Lepissier* La traduction vieux-slave du Psautier // RESl T XLIII Fasc 1–4 Paris, 1964
Leskien 1962 – *A Leskien* Handbuch der altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache 8 Aufl Heidelberg, 1962
Lunt 1976 – *H Lunt* The Byčkov Psalter // Slovo Br 25–26 Zageb, 1976
MacRobert 1990 – *M MacRobert* The Greek textological basis of the early redactions of the Church Slavonic Psalter // Palaeobulgarica XIV (1990) 2
MacRobert 1993a – *M MacRobert* Translation is interpretation lexical variation in the translation of the Psalter from Greek into Church Slavonic up to the 15th century // ZSLPL Bd LIII Heidelberg, 1993
MacRobert 1993b – *M MacRobert* A missing link in the early tradition of the Church Slavonic Psalter (the Tolstoy, Sluck, Eugenius and Vienna Psalters and MS 34 of the Moscow Synodal Typography) // Wiener Slavistisches Jahrbuch Wien, 1993
Koch 1990 – *Chr Koch* Das morphologische System des altkirchenslavischen Verbums I Text, II Anmerkungen Munchen, 1990
Popkonstantinov 1988 – *K Popkonstantinov* Traditionen von Kyrill und Methodius im altbulgarischen Literatur- und Ausbildungszentrum des 9 und 10 Jahrhunderts beim Dorf Ravna, Bezirk Varna // Symposium Methodianum Beitrage der Internationalen tagung in Regensburg (17 bis 24 April 1985) / Kl Trost u a (hrsg) Neuried, 1988
Popkonstantinov, Kronsteiner 1994 – *K Popkonstantinov O Kronsteiner* Altbulgarische Inschriften // Die slawischen Sprachen Bd 36 Salzburg, 1994
Rothe 2000 – *H Rothe* Was ist "altrussische Literatur"? Wiesbaden, 2000
Schaeken, Birnbaum 1999 – *J Schaeken, H Birnbaum* Die altkirchenslavische Schriftkultur Altkirchenslavischen Studien II Munchen, 1999
Szulc 1999 – *A Szulc* On some lexical innovations in Russian Church Slavonic Psalters // Slovo Br 47–49 Zageb, 1999
Vajs 1939–1946 – *J Vajs* Které recense byla řecká předloha staroslověnského překladu žaltáře // Byzantinoslavica Roč VIII Praha, 1939–1946
Večerka 1989–1996 – *R Večerka* Altkirchenslavische (altbulgarische) Syntax Bd I, 1989, Bd II, 1993, Bd III, 1996 Freiburg im Breisgau
Velčeva 1988 – *B Velčeva* Glagolica, Kyrillica, Orthographie und Sprache // Symposium Methodianum Beitrage der Internationalen Tagung in Regensburg (17 bis 24 April 1985) / Kl Trost u a hrsg Neuried, 1988
Vlašek 1969 – *J Vlašek* O vztahu překladove techniky a poetiky staroslověnskeho žaltáře // Slavia Roč XXXVIII Praha, 1969

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 3 2003

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

M L. Greenberg. **A Historical phonology of the Slovene language.** Universitatsverlag Carl Winter Heidelberg 2000 199 p

Книга М Гринберга "Историческая фонология словенского языка" посвящена исследованию проблем исторической фонологии восстановлению основных этапов развития фонологической системы словенского языка, начиная с эпохи расселения славян и освоения славянами Альп и Балканского региона В небольшой по объему работе в очень сжатой, лаконичной форме представлены в систематизированном виде накопленные наукой знания об исторической фонологии славянских и собственно словенского языков В реконструкцию исторических процессов автор вносит поправки, уточнения, с новых позиций подходит к объяснению механизма некоторых преобразований, во многих случаях предлагаются новые решения, вносятся коррективы в датировки исследуемых явлений В работе сочетается строго системный подход к анализу языкового материала с характеристикой изучаемых явлений в плане относительной и абсолютной хронологии Глубокие различия в вокалических системах многочисленных словенских диалектов предстают как результат последовательного преобразования предшествующих во времени протосистем За каждым элементом этих систем стоит длинный ряд последовательно сменяющих друг друга фонематических изменений, хронологически привязанных к определенному этапу развития праславянского или собственно словенского языков

В истории словенского языка автор выделяет несколько хронологических срезов, соотносимых с 1) эпохой славянских миграций и расселения славян в Восточных Альпах, 2) эпохой позднепраславянского и общего южнославянского развития, 3) эпохой самостоятельного развития словенского языка и 4) эпохой диалектной дезинтеграции на словенской языковой территории Разработка поставленной проблемы сопряжена с большими трудностями Одна из трудностей связана с отсутствием непрерывной письменной традиции на словенском языке Самый ранний текст, определяемый как словенский, датируется IX–X вв , период XI–XIV вв не представлен текстами, возрождение письменной традиции и начало словенского литературного языка относится к эпохе Реформации и связано с появлением первой печатной книги на словенском языке П Трубара (XV в) Не меньшие трудности в интерпретации материала связаны с диалектной дифференциацией словенского языка На небольшой территории Словении насчитывается 48 диалектов В своих построениях автор опирается на труды словенских ученых и в первую очередь на фундаментальные исследования Ф Рамовша ("Краткая история словенского языка" Любляна, 1936, "Диалектная карта словенского языка" *Любляна, 1931* и др), а также на последние работы по словенской диалектологии и на собственные исследования При решении лингвоэтнических проблем привлекаются материалы этимологических словарей Ф Безлая, М Сноя П Скока На современном этапе развития науки некоторые идеи Рамовша требуют пересмотра, уточнения с учетом последних достижений в изучении славянской просодии и акцентологии Автор обобщает и критически оценивает изложенные в трудах Риглера Станга, Кортланда решения некоторых узловых проблем словенистики В исследовании ориентированном на восстановление механизма фонологических преобразований в истории словенского языка, особое значение приобретает анализ диалектного материала с использованием сравнительно-исторического метода, приемов лингвистической географии

Монография состоит из пяти глав, трех приложений, 10 карт, индекса слов, словоформ и фраз, словоуказателя топонимов и гидронимов Главы делятся на разделы и подразделы, к каждому из которых приложена подробная библиография Подобранная автором литература по всем обсуждаемым вопросам воссоздает общий научный контекст и потому имеет самостоятельное значение

Первая глава вводит в круг обсуждаемых проблем, определяет задачи и цели исследования. В этой же главе приводится классификация и характеристика словенских диалектов. На словенской территории выделяется 7 диалектных групп (верхнекраньская, нижнекраньская, штирийская, паннонская, каринтийская, приморская, ровтарская), особое место занимают диалекты смешанного типа в районе Белой Краины, Кочевья, Костела. Наглядное представление о географическом распределении диалектов дает карта, на которой показаны границы диалектных групп по Й. Риглеру ("Обзор основных этапов в развитии словенского вокализма" // Slavistična revija. № 14. 1963) и границы составляющих их диалектов и говоров по Й. Риглеру и Т. Логару ("Карта словенских наречий". Любляна, 1983). К этому разделу приложены библиография и список населенных пунктов с указанием литературы, посвященной их описанию.

В первой главе затрагиваются также вопросы происхождения словенского языка. По Ф. Безлаю, истоки словенского языка кроются в эпохе появления славянских поселений в восточных Альпах, хотя основания для такого заключения, как полагает М. Гринберг, остаются не вполне ясными. Лишь с некоторой определенностью можно говорить о том, что по данным археологии славяне появились в VI–VII вв. в Каринтии, нижней Австрии, северо-восточной Словении, но начало славянских миграций, вероятно, относится к более раннему времени. По мысли автора, освоение славянами Альп не было одноразовым гомогенным процессом, который можно точно определить во времени и локализовать в пределах четко проведенных границ. В совокупности славянских изоглосс автор выделяет те, которые существенны для характеристики словенского языкового развития. К важным показателям хронологического и географического выделения словенского языка относится изоглосса **je-* ~ **o-* в начальной позиции (ср. словен. *jélša* 'alnus' ~ словен. диал. (венец.) *ò u̯ ša/ùša* < **elixā/*alixa*), отражающая, по мысли автора, диалектное разделение праславянского языка еще до того, как славяне покинули прародину, которую Гринберг, вслед за другими исследователями, помещает к северу от Карпат. В распределении изоглосс отмечена одна примечательная особенность: архаичные явления оттеснены на север, их граница проходит по Саве и заходит на территорию кайкавских говоров. И хотя не всегда удается разграничить архаизмы и инновации, тем не менее нельзя не отметить, что с таким распределением изоглосс совпадают в плане относительной хронологии более поздние преобразования, обусловившие диалектное членение словенской территории: ср. **-nǫ* ~ **ny-* < **nū-* (последнее объединяет западные и центральные диалекты, литературный словенский язык, верхнелужицкий, полабский), сохранение групп *tl*, *dl*. Как полагает автор, эти инновационные процессы идут из центра словенской языковой территории на север. Оказавшиеся на периферии западные и восточные ареалы в большей степени удерживают архаизмы. Другая группа изоглосс (ср. *vy-* // *iz-*, *tl/dl* // *l*), отражающая противопоставление север – юг, относится ко времени, когда словенские племена еще не утратили связи с западными славянами, до венгерского вторжения. К отражениям гетерогенности славянских миграций, которые осуществлялись волнообразно и перекрестно, автор относит и названия племен **Krivit'i* (Каринтия, Белоруссия), **Du(d)lěbi* (северо-западная Украина, Чехия, Хорватия, Сербия и Каринтия, Штирия). Эволюция словенского языка поднимает целый комплекс вопросов, связанных с освоением восточных Альп, взаимодействием с автохтонами, соседними племенами, племенами, проникавшими на территорию словенских поселений (романы, кельты, венгры и т. д.), но, как полагает автор, в детальном виде социальная и собственно лингвистическая картина этих процессов не поддается восстановлению.

В плане лингвогенеза особое значение придается проблеме отношений словенского и западных диалектов южнославянского ареала. В совокупности явлений, связывающих южных и западных славян, М. Гринберг разграничивает архаизмы и инновации, и на этом основании восстанавливает для позднепраславянской эпохи диалектный ареал, называемый "Паннонская Славия". Проблема генетических отношений словенского языка и хорватско-кайкавских диалектов и в целом понимание истоков западно-южнославянского диалекта, начиная с Й. Добровского, поразному освещается в науке, и, по мысли автора, во многом несет политическую окраску, отражает национальные интересы исследователя. Касаясь проблемы словенско-кайкавских отношений, Гринберг приводит краткий обзор основных идей и тем самым показывает, в каком направлении шло развитие научной мысли. Так, А. Белич, серб по происхождению, основываясь на изоглоссе *tj*, *dj*, рассматривал кайкавский диалект как результат конвергенции чакавского, штокавского и словенских диалектов. Такое понимание согласуется с идеями Вука Караджича, отрицавшего существование отдельного хор-

ватского локуса и соответственно этноса. Словенец Ф. Рамовш характеризует кайкавский как часть протословенского диалекта, лишь позднее включившегося в сферу действия чакавских и штокавских инноваций. По теории Ф. Рамовша, диалектную структуру определяло противопоставление протоштокавского диалекта и северо-западной периферии южного ареала, включающей протословенский, проточакавский и протокайкавский диалекты. Тюркское вторжение, миграции народов, политические события и т. п. не могли не повлиять на усиление противопоставления словенского (= альпийские славяне) и сербохорватского (= балканские славяне). На современном этапе развития науки составленный Ф. Рамовшем список словенско-кайкавских изоглосс во многом требует корректив. Хорватский исследователь С. Ившич на основе реконструкции базовой системы кайкавской акцентуации допускает существование протокайкавского диалекта, отличного от штокавского и чакавского. Однако более детальный и всесторонний анализ признаков, относимых С. Ившичем к кайкавскому акцентному типу, показывает, что основные различия объясняются не столько общими генетическими процессами, сколько типологическим сходством. И это обстоятельство делает теорию Ившича несостоятельной. Тезисно останавливается автор на теории П. Ивича, рассматривающего проблему словенско-кайкавских отношений в контексте генетических и типологических взимосвязей сербохорватских и словенских диалектов. По наблюдениям П. Ивича, консонантная система чакавского и кайкавского диалектов отлична от штокавской и ближе к словенской (особенно это касается кайкавского диалекта), а вокальная система содержит много инноваций, появившихся уже в период самостоятельного кайкавского развития в XI–XIV вв. П. Ивич полагает, что в плане акцентологии кайкавский диалект обнаруживает общую линию развития со словенским языком. В новой теории З. Юнковича вопросы генетических отношений кайкавско-сербохорватско-словенских отношений интегрированы в модель распада западно-южнославянского протодиалекта. По З. Юнковичу "альпийский" диалект (= протословенский) отделяется первым, за ним "паннонский" (= протокайкавский), "приморский" (= проточакавский) и "Рашка" (= протоштокавский) диалекты. Оценивая эту теорию, Гринберг отмечает, что основная идея Юнковича о раннем самостоятельном развитии кайкавского диалекта основана на методологических и фактических ошибках, особенно это касается словенского материала, и отсылает к детальному критическому анализу этой теории в работах Риглера. Кратко касается автор теории В. Р. Вермеера, по которой разделяются явления, общие для словенского и сербохорватского, и свойственные только кайкавскому, и на этом основании строится гипотеза об общем кайкавско-словенском развитии вокалической системы.

Весьма ценные попутные комментарии автора, краткие оценки основных положений обозреваемых теорий помогают понять разные подходы в более широком контексте научных поисков. Останавливаясь на основных идеях, автор отсылает читателя к литературе, в которой эти идеи получили развернутое обоснование. При обсуждении этой сложной лингвоэтнической проблемы Гринберг отмечает допущенные исследователями некоторые методологические просчеты. Один из его важных выводов состоит в том, что национальная идентичность может не совпадать с языковой идентичностью, а потому выявляемые инновации не обязательно ведут к национальному выравниванию. При этом особо подчеркивается, что не менее важно изучать общие линии развития за пределами границ словенского и кайкавско-хорватского языкового развития, поскольку общие инновации могут быть результатом генетического тождества, параллельного развития или конвергентных процессов. Все теории, в основе которых лежит модель родословного дерева, не учитывают в полной мере моменты хронологии. Автору представляется оптимальной модель, учитывающая в равной степени процессы дифференциации и выравнивания, поскольку распад праславянского языка сопровождался выравниванием или утратой локальных различий, что приводило к образованию относительно небольшого числа инновационных ареалов.

В первой главе намечены также основные аспекты языковых контактов в эпоху освоения Восточных Альп. М. Гринберг полагает, что на раннем этапе освоения Восточных Альп взаимодействие с автохтонными языками – иллирийским, венетским, кельтским – получает адекватное отображение в теории Р. Катичича, согласно которой в плане языкового развития значимы следующие зоны: северная Адриатика, включая венетский, как часть комплекса, простиравшегося до Восточных Альп и Истрии; Паннония в районе Савы, которая может быть идентифицирована с иллирийским; Норик, кельтский стратум; ареал вокруг деревни Иг (южнее Любляны), несущий признаки адриатического ти-

па, подвергшегося кельтскому влиянию. На конкретных примерах показано, как проявляется доминирующее на всем протяжении развития романское влияние: в заимствованиях (лат. *Carnium* > *Kranj*), в разного рода инновациях (ср. ретороманская палатализация велярных перед *a*: ром. **k'amọrkio-* > словен. *ćamùrča*; интервокальное озвончение взрывных в лат. *cœpula* > *čebúla* 'лук') и т. п. На уровне живой разговорной речи влияние шло со стороны фриульского, далматинского, истророманского диалектов, позднее прямо от итальянского языка и особенно со стороны венецианского диалекта итальянского языка в силу особого положения Венеции в Средние века. Другой уровень романского влияния связан с эпохой христианизации славян, с влиянием латинского на протословенский язык. Этот уровень романского влияния диалектно окрашен, хотя затруднительно определить непосредственный источник заимствования для отдельных слов. Автор оценивает попытки О. Кронштейнера выявить признаки, по которым можно идентифицировать ретороманские заимствования (ср. словен. *máša* < лат. *missa*), как возрождение и как модификацию теории Миклошича о паннонской основе церковнославянского языка. Автор различает три уровня взаимодействия словенского и латинского языков: 1) влияние классического латинского языка без различения специфических диалектных черт с исходными количественными отношениями в системе вокализма; 2) влияние вариантов разговорной латыни без возможности локальной аттрибуции; 3) влияние отдельных диалектов: ретороманского, фриульского и др.

В силу особенностей географического положения и исторических условий, начиная с VII в., важное место занимают контакты с германскими языками. Вслед за другими исследователями Гринберг выделяет два хронологически различных слоя заимствований из германских языков: 1) старые заимствования, в которых, в частности, слав. *b* соответствует др.-в.-нем. *p* (**baltin* > *Palten*, топ.), слав. **č*, **š*, **ž* ~ герм. *s* (*črnika* > герм. *Sierling*); 2) более поздние заимствования, в которых появляется фонема *f*: ср. ср.-в.-нем. *vlaetic* 'приятный, хороший' сначала проникает в словенский в форме *bleten*, позднее та же лексема заимствуется в форме *fléten*.

Автор отмечает, что при решении сложной многогранной проблемы славяно-венгерских отношений не всегда просто определить, какие явления обязаны языковым контактам, а какие явления можно признать отражением славянской диалектной дифференциации. Так, качество слав. **t'*, **d'* определяется на основании отражения в венгерских заимствованиях в виде ⟨*ty*⟩, ⟨*gy*⟩ и ⟨*st*⟩,⟨*zsd*⟩. Наиболее определенно общие структурные явления наблюдаются в венгерском и пограничных восточно-словенских и кайкавских диалектах (тенденция к сужению гласных с развитием оппозиции в системе гласных нижнего подъема аналогичной венгерской). В книге подчеркивается возможность независимого параллельного развития в венгерском и славянских диалектах и возможность влияния со стороны славянских диалектов. Так, славянскому влиянию приписывается краткий лабиализованный гласный *ą̊* в системе венгерского языка. Опираясь на результаты исследований П. Ивича, В.Р. Вермеера, автор допускает возможность развития в словенских диалектах гласного переднего ряда *ö* из *o* в результате перестройки системы гласных заднего ряда после утраты назальных и развития слогового *l̥*. Результатом параллельного развития может быть переход *u* > *ü*, наблюдаемый в широком ареале, включающем юго-восточные и кайкавские диалекты. Таким образом, впечатляющий параллелизм с венгерским частично объясним на основе самостоятельного развития славянских процессов.

Во второй главе освещаются фонологические процессы самой ранней эпохи освоения славянами Восточных Альп. При характеристике этой главы особых замечаний требует используемый в работе термин "общеславянский язык" (= Common Slavic) для обозначения исходной ступени в развитии славянских языков. В практике современной науки в этом значении принято употреблять другой термин – "праславянский язык", с ним связано представление о хронологической глубине восстанавливаемой системы (ср. ранний праславянский, поздний праславянский язык), тогда как за принятым в классической компаративистике термином "общеславянский язык" (ср. название книги А. Мейе "Общеславянский язык") закрепилась другая функция – ареальная, этим термином обозначаются явления, получившие распространение на всей славянской территории. Во избежание двусмысленности мы используем эти термины в значении, принятом в современной науке.

В задачи М. Гринберга входит восстановление унаследованной словенским языком исходной системы позднепраславянского языка. Обращает на себя внимание тот факт, что характеристики, выявляемые на основе анализа словенских диалектов, распространяются на всю систему позднепраславянского языка. Как известно, праславянский язык не был изначально монолитом, его диалектная структура менялась в процессе развития. Славянским

миграциям сопутствовала перестройка диалектных отношений. При ближайшем рассмотрении многие явления, определяемые автором как общеславянские, диалектно ограничены на уровне позднепраславянского языка. Следует отметить, что в отдельных случаях встречается термин протословенский (с. 69), но этот термин не определен. Из рассуждений автора следует, что современному словенскому языку соответствует некая исходная точка на карте праславянского языка. Вопрос о диалектных истоках словенского языка остается дискуссионным, как это было показано самим автором в первой главе. Одна из особенностей восстанавливаемой картины состоит в том, что основные фонетические процессы приближены во времени к исторической эпохе.

В фонологической системе эпохи освоения славянами Восточных Альп к архаичным явлениям, унаследованным из позднепраславянского, отнесена фонема **ū*, позднее совпавшая с фонемой **ī*, произносившейся как лабиализованный гласный заднего ряда высокого подъема (ср. ст.-словен. *mȋr* < лат. *mūrus* 'стена'). К особенностям системы праславянского языка автор относит противопоставление лабиализованного *ą̄* и нелабиализованного *a* с последующей утратой лабиализации гласным *ą̄* и развитием количественного противопоставления *ā* и *ă* > *a* и *o* (середина IX в.). На восточно-словенской и кайкавской территории делабиализация не произошла, здесь сохранился лабиализованный гласный *ā*, по этой причине в этом ареале редуцированные гласные не совпали с *ā*. С сохранением или утратой лабиализации связывается явление а к а н ь е, характерное для русского, белорусского, болгарского (родопские говоры), словенского языков (ср. *govȏrit* < **govorĭt* < **govorīti*, ст.-словен. *govorí-ti*). Гипотеза В. Георгиева о развитии аканья в эпоху постепенного нарастания диалектных различий, начиная с VII в., как подчеркивает автор, не подтверждается словенским материалом. Исследования Я. Риглера показали, что редукция безударного *o*, имевшая место в словенском после перетягивания ударения с конечного краткого слога, является относительно поздней словенской инновацией.

К особенностям вокальной системы праславянского языка рассматриваемой эпохи Гринберг относит отсутствие гласного *o* среднего подъема, что доказывается фактами идентификации гласных заднего ряда среднего подъема в заимствованиях с гласными высокого подъема в словенском: ср. роман. *o̩* < (лат. *ō*) > словен. *i*; субстратное *bren-* > словен. *brînje* 'juniper'.

Касаясь преобразования дифтонгов **ei* – **au̯*, **eu̯* > *ī* – *ū*), автор допускает существование промежуточной ступени. В частности, для дифтонга **eu̯* возможно изменение через ступень **iǫ*, ср. словен. *pljúča* < **pljǫtia* < и.-е. **pleu-*. Промежуточной могла быть ступень перехода дифтонгов в напряженные монофтонги, ср. гидр. *Mura*, передаваемый в латинских средневековых документах как <*Můra*> (890, 1043), <*Muora*> (1057) < субстратное **marus*, заимствованное в бавар.-герм. *Muora*, *Muoriza*. Тот факт, что изменение дифтонгов осуществлялось через монофтонгизацию, а не через метатезу дифтонгических элементов, позволяет автору предполагать, что третья (прогрессивная) палатализация не проходила после **i* дифтонгического происхождения (ср. и.-е. **leik*ʷ- > **lēxu* > *lixъ* 'surplus' и **u̯ixu-* > **vis'i* > **vьsь*).

В консонантной системе эпохи миграций, по мысли автора, различение tenues *p*, *t*, *k*, *s*, *š*, *x*, *č* и mediae *b*, *d*, *g*, *z*, *ž* еще базировалось на различительном признаке напряженность (tense) / ненапряженность (lax). Появление звонкости как различительного признака датируется эпохой до падения слабых редуцированных для юго-восточной Словении и после падения редуцированных для северо-западной Словении. По мысли Гринберга, признак напряженность/ненапряженность реализуется в лексикализованных примерах, отражающих прогрессивную ассимиляцию не только в протословенском, но и спорадически в других частях славянского мира: ср. др.-русск. *сторовъ*, словен. диал. *strȃwa* 'здоровый' (< **sъdorvaia*).

К характерным особенностям праславянского языка периода миграций автор относит развитие протетических гласных *i* и *u* по правилам сандхи. Отсутствие или наличие протезы находится в прямой зависимости от того, какая из двух конкурирующих форм обобщается (ср. словен. *jájce* 'яйцо' с начальным *j-* и *árpo* 'известь' без протезы *v-*).

Известное всем славянским языкам изменение сочетания *s* + взрывной > *s* или *š* + + взрывной датируется автором VII–VIII вв. Сочетание с рефлексом *š* признается наиболее характерным для западнославянских языков и западной части южнославянского ареала. Автор связывает с этим изменением форму типично словенского суф. *-šk-* (< **-ьskъ*), ср. *nebéški* < *nebesьskъjь*.

Датировки основных процессов приближены к исторической эпохе. Так, к VI–VII вв. относится палатализация велярных, так называемые 2-я и 3-я палатализации. Вслед за

другими исследователями Гринберг допускает преобразование *tj*, *dj* через промежуточную ступень *t'*, *d'*. Основываясь на исторических свидетельствах, он полагает, что определенно можно говорить о метатезе плавных применительно к IX в. Учитывая сохранение группы *tl*, *dl* в северо-западных словенских диалектах, он относит упрощение группы **tl*, **dl* > **l* к периоду, предшествующему разрыву связей западных и южных славян, и с этой эпохой связывает также развитие нового акута, образование слоговых плавных, изменение *g* > γ в северных и западных словенских диалектах. Особое внимание уделяется результатам развития праславянской акцентной системы. Автор определяет условия развития нового акута, датируя этот процесс IX в. Особо останавливается автор на характере двух домиграционных акцентных архаизмов: 1) *râg*, *rogȃ* // *râg*, *rogâ*; 2) *stóri* // *storí*.

В третьей главе характеризуются словенские особенности, унаследованные из позднепраславянского языка или обязанные процессам общего южнославянского развития. К явлениям этой эпохи относятся стяжение гласных, сокращение старого акута, сокращение нисходящего ударения, ретракция неначальной нисходящей интонации (закон Станга-Ившича), ретракция ударения с конечных слабых еров, изменение **r'* > *rj* в интервокальной позиции, развитие палатализованного *n'*, совпадение **ь*, **ъ* > *ə* и **i*, **y* > *i*, утрата слабых еров, вокализация сильных еров и компенсаторное удлинение, развитие ротацизма.

Предметом исследования четвертой главы стали словенские инновации. К ним отнесены передвижение нисходящей интонации на следующий слог с образованием долгого нисходящего слога независимо от унаследованного количества гласного, получившего ударение (ср. **mę̑so* > *mesô*), ретракция новоциркумфлекса (диал. *póəroka* < ст.-словен. *poróka*), делабиализация *ą̊*, развитие *u* > *ü*, утрата назализации, ретракция краткого конечного ударения на долгий предпоследний гласный.

Пятая глава посвящена явлениям, определившим развитие дальнейшей диалектной дифференциации словенской языковой территории, начиная с XV в. К таким явлениям относится удлинение краткоударенных неконечных слогов (ср. **brã̀ta* > *bràta* > **bráta*). Изоглосса, ставшая результатом этого процесса, разделили словенскую территорию с северо-запада на юго-восток. Появление ее относится к более позднему времени, чем удлинение унаследованной из праславянского нисходящей интонации и развитие нового циркумфлекса. Согласно Я. Риглеру удлинение краткого неконечного ударного гласного является первой важной изоглоссой, изменившей направление более ранних словенских изоглосс, восходящих ко времени освоения южнославянской территории. К собственно словенским инновациям отнесены: развитие глоттализованного *k* в каринтийских диалектах; образование новых дифтонгов *ie*, *uo* на месте долгих гласных *e* и *o* и *ai*, *u* < **ě*, **ō* (ср. *nuòsəm* < **nòsi-*, *pïeč* при литер *pêc*); диспалатализация *l'*, *n'*; перетяжка краткого конечного ударения на краткий претонический гласный (ср. *jęlen* ~ *jeléna*); вторичная палатализация согласных (ср. диал. *šîša* при литер. *híša*); развитие новой протезы (ср. *vũtro*, *d'ũg*); упрощение групп *čr*, *žr* > *ć*, *ź*; развитие в некоторых диалектах (долина Бачи) так называемого слеканья, т. е. *s*, *š* > *ś*, *z*, *ž* > *ź*, *c*, *č* > *ć* и т. д. Системный анализ фактов подводит автора к выявлению механизма лениции, которая началась еще в праславянскую эпоху: изменение **b*, **d* > β, *đ* характерно для северо-западных и части ровтарских диалектов, обратное явление (бетацизм) – ослабление лениции там, где не произошла фонологизация щелевых, что подтверждается спорадическим слиянием в топонимах *v* и *b* > *b*.

В конце работы читатель найдет три приложения: 1) обзоры диалектных различий, проявляющихся в системе словенских вокалических систем, 2) таблицы, демонстрирующие все виды передвижения ударения с конечных слогов, 3) две карты с указанием населенных пунктов, упоминаемых в работе в связи с анализом тех или иных диалектных явлений и 4) словоуказатель.

Автор сводит воедино знания о словенских диалектах и вместе с тем обобщает и углубляет результаты исследований системным подходом, выявлением механизма фонологических преобразований на всем протяжении развития словенских диалектов во времени и пространстве. Книга М.Л. Гринберга принадлежит к числу фундаментальных исследований, которые выводят изучение исторической фонологии словенского языка на качественно новый уровень. Отдельные диалектные явления и частные диалектные системы осмысляются в глубокой исторической ретроспективе как результат многократной перестройки исходной системы в процессе формирования словенского языка. Восстанавливаемые автором механизмы исторических преобразований позволяют во всей полноте проследить истоки, основные этапы формирования и развития словенского языка. Сложная организация диалектных вокалических систем получает развернутую характеристику во времени.

на каждом этапе выявлены механизмы преобразований. Исследование М.Л. Гринберга существенно обогащает наши представления о лингвогенезе одного из самых диалектно расчлененных южнославянских языков. Работа выходит за рамки собственно словенской проблематики. Механизм многих преобразований был заложен еще в системе праславянского языка, в работе прослеживается многоступенчатая, градуированная реализация тенденций, восходящих к праславянской эпохе. Своими идеями книга способствует более детальной, более углубленной разработке проблем праславянской фонологии.

Л.В. Куркина

Ю. Л. Мосенкіс. **Мова трипільської культури. Джерела. Методи. Результати реконструкції.** Київ: НДІТІАМ, 2001. 163 с.

Современная диахронная лингвистика в значительной степени основывается на солидном количестве работ, посвященных изучению реликтовых (мертвых) языков. За последние сто лет в этой области сделано многое, однако существует еще множество вопросов, которые требуют отдельного внимания. Поэтому любая попытка освещения проблем структуры, ареала древних языков заслуживает внимания и оценки независимо от результатов исследования.

Автор рецензируемой книги поставил цель реконструировать "язык" носителей трипольской культуры, изучить ее связи с культурами и языками народов Кавказа и Европы, выделить "трипольский субстрат" в украинском языке. Монография состоит из трех разделов, введения, основных выводов, списков использованной литературы (840 позиций), источников (40 позиций). В первых двух разделах автором реферируется литература по вопросам археологии и лингвистики, которая знакомит читателей с основными достижениями мировой науки в области дешифровки письменности исчезнувших языков, конспектируются некоторые положения теории субстрата, сформулированные в работах отечественных и зарубежных специалистов. Тут же освещается история вопроса толкования мифа, предлагается метод этимологической интерпретации искусства. Третий раздел посвящен реконструкции фрагментов языка трипольской культуры. Рассматриваемая работа является подробным библиографическим справочником по вопросам лингвистики, археологии, этнографии, семиотики, поскольку содержит описание важнейших достижений этих наук.

Оригинальная часть работы Ю.Л. Мосенкиса имеет главный серьезный недостаток: сформулированные в ней положения трипольского субстрата украинского языка ни в какой степени не подкреплены приводимым автором материалом. Остановимся на конкретных примерах.

Фактической базой, на которую опирается автор, обосновывая свою точку зрения, является украинская ономастика, которую он считает трипольской на основании того, что в других уголках Европы и даже Кавказа, где засвидетельствованы следы близких к трипольской археологических культур, функционируют онимы, которые, на первый взгляд, отдаленно напоминают украинские. Однако изучение этого типа лексики требует применения принципов относительной хронологии, метода внутренней и внешней реконструкции, чего нет в книге, иначе бы автор не сравнивал гидроним *Хорол с Q'orolis-cq'ali* 'хорольская вода' – речка в Аджарии (с. 64), игнорируя фонетически первоначальный вариант этого названия *Korol* [ЕСЛГНПР 1985: 71]. Гидроним *Хорол* демонстрирует обычную и достаточно древнюю для восточнославянского ареала субституцию анлаутного *к-* > *х-*, ср., например, еще укр. диал. *корошáти* '*хорошать*, кастрировать' [Верхратський 1899: 228] и *хорошáти* 'кастрировать' (фиксируется на территории Компанеевского района Кировоградской области. – *Запись наша*), распространенное в нижнеподнепровских говорах. Базовое *Korol* – гидроним праславянского уровня, сформированный в рамках этимологического гнезда с основой **kor-l-* 'крутить, гнуть; резать' (праслав. **Korlъ* – 'речка с искривленной береговой полосой, извивистый водный объект'), всесторонне и исчерпывающе исследованного в работах Р.М. Козловой [Козлова 1986: 93; 1997: 277–286]. Это касается и гидронимов *Скаронинка* и *Скоропинка*, которые продолжают праслав. **skor-n-/*skor-p-* (варианты с s-mobile и *n-* и *p*-детерминативами), то есть **skornina* и **skorpina* (через стадию деминутивов к укр. диал. *скоропина* 'крутой берег' [ОАИУЯ], **скоронина*), и которые Ю.Л. Мосенкис без каких-либо комментариев соотносит с гипотетичным занским **c'q'or-* 'вода' (с. 63). Подобное невозможно как с точки зрения фонетического

оформления украинских слов, так и с учетом морфемной структуры *c'q'or-, которое к тому же реально не зафиксировано.

В работе полностью нарушена процедура этимологического анализа собственных имен, который предполагает сначала соотнесение их с апеллятивами-мотиваторами, и только в случае, когда их не находят в языке, в котором функционирует оним или в родственных языках, правомерно искать подобные структуры в отдаленно родственных или неродственных языках. Так, Ю.Л. Мосенкис гидроним *Уманка* вводит в категорию "украинско-балканско-пиренейских параллелей" (подобные "параллели" сами по себе сомнительны уже потому, что выводятся на основе произвольных, собранных от случая к случаю фактов разных языков и хронологических уровней), сравнивая с формально несовместимыми греческим *Минией*, гидронимом *Миний* на Пиренейском полуострове (с. 61), хотя логично было бы определить производящее для *Уманка* слово – контактный ойконим *Умань*, мотивированный географическим термином типа укр. диал. *у́мань* 'большой участок поля' [Онишкевич 1984, II: 317]. Так же гидроним *Згар* автор связывает с груз. *cq'aro* 'источник', безосновательно отрицая постулированную А.С. Стрижаком [Стрижак 1963: 85–86] и Л.Т. Масенко [Масенко 1979: 43] связь с *горіти* 'гореть' (Ю.Л. Мосенкис вообще игнорирует весь спектр ономастической мотивации, кроме "водной") (с. 63), не упоминая даже укр. диал. *згарь* 'склон горы; пригоревшая, сожженная трава' [Онишкевич 1984, I: 302] (речь может идти о гидрообъекте, смежном с участком, на котором выгорела растительность) и др.

Автор не ориентируется в славянском словообразовании. Например, регулярное причастие на *-l-* **merlъ(jь)* (< **merti* 'умирать', ср., например, русск. диал. *ме́рлый* 'изнуренный (о животном)' [Элиасов 1980: 202]), отображенное в гидрониме *Мерло/Мерля* (в плане мотивации – эта параллель к так называемым *Мертвым* рекам, озерам, то есть непригодным к использованию, высохшим; ср. еще русск. *Мерлица* – речка в районе Пскова), Ю.Л. Мосенкисом безапелляционно сравнивается с груз. диал. *marsklavi* 'звезда', пралезг. **марлъв* 'дождь' (с. 77); онимизированное причастие **pripętъ* (> **Pripętь*, оформленное как *ĭ*-основа) от глагола **pripęti* 'припять', сохраненное в украинском названии реки *Прип'ять* (версия В.П. Шульгача), безосновательно квалифицируется среди "украинско-средиземноморских параллелей", так же, как и (непонятно, по каким показателям) краткое прилагательное на *-ьn-* **počajьna/*Počajьna* ~ **počajati* 'ждать, подстерегать' (версия О.Н. Трубачева), законсервированное в *Почайна* – название реки в бассейне Днепра (с. 62). Дериват на *-unъ-* **perunъ* 'тот, кто бьет, поражает' (от **perti*, **pьrǫ* 'бить'), отраженный в теониме *Перун* [Трубачев 1991: 180], автор считает доиндоевропейским и сравнивает с названием *Пиренеи*, а также с укр. *Ірпінь* (с. 95). К подобным казусам относится и выделение автором суфикса *-l-* в праслав. **krěslo* вследствие сопоставления его с аккадским *kursu* (с. 121) при полном отсутствии объяснений фонетико-словообразовательной стороны этих этимологически несовместимых слов. В специальной, не упомянутой автором литературе, **krěslo* толкуется как производное с формантом *-slo* от основы **kre-/*krě-*, вариантной к **kro-* в **kro-sno* [ЭССЯ 1986, XII: 129].

Абсурдным является выделение Ю.Л. Мосенкисом суффикса *-os-* в слове *голос* 'голос' (с. 124): оно принадлежит к категории лексем, построенных по формуле *tolt*, то есть восходит к праслав. **golsъ* (ср. ст.-сл. **гласъ**, пол. *głos* 'голос') [ЭССЯ 1979, VI: 219]. Необходимый минимум сведений относительно фонетического развития слов подобной структуры дает вузовский курс "Введение в славянскую филологию", учебники по исторической грамматике славянских, и в частности украинского языка.

Ю.Л. Мосенкис необоснованно отрицает или вообще не упоминает профессиональные, научно взвешенные этимологии, построенные на солидном материале, подставляя взамен совокупности фонетически (а значит, и генетически) несовместимых слов и обходя ключевой для этимологии принцип звуковых соответствий. Например, название реки *Буг* автор считает параллелью к индоевропейскому слову *paga/pege/byge* 'источник' (существование такой структуры в общеиндоевропейском вообще невозможно с фонетико-грамматической точки зрения), добавляя при этом, что в этот круг названий входят и гидронимы типа *Пуцавка*, *Бушинка*, *Поха* (с. 57). Наконец, он предлагает учитывать при анализе подобных слов еще "праавстронезийское" **buk'u(l)* 'течь', груз. *Богила* – название речки (с. 58). Но автор путает разные гидрообъекты – *Південний* (*Южный*) *Буг*, который действительно упоминается в форме *Boh* в средневековых памятниках (XV в.) и имеет иранское происхождение, и *Західний* (*Западный*) *Буг* < праслав. **Bugъ* (эта версия, сформулированная В.П. Шульгачем, не фигурирует в книге Ю.Л. Мосенкиса, что удивительно: он неоднократно ссылается на монографию В.П. Шульгача) < и.-е. **boug-* 'согнутый', ср. среди его

рефлексов: лтш. *bauga* 'топкое место возле речки; крутая дорога', русск. диал. *бу́га* 'речные берега, поросшие верболозом и другими кустами', болг. диал. *бу́га* 'мочар, млака' и др. Реконструкция первоначальной семантики **Bugъ* 'согнутый' гарантируется латинским названием *Западного Буга – Armilla* (XII в.) < *armilla* 'браслет' [Шульгач 1998: 51]. Гидроним Ингул, который демонстрирует тюркскую фонетическую адаптацию праслав. **ǫgъlъ* 'угол' (подробный обзор всех версий относительно происхождения названия *Ингул* с принятием его славянского генезиса см. [Лучик 1996: 132–135]), почему-то при полном игнорировании других версий относительно этимологизации этого названия в книге сравнивается с *Inguri/Enguri* (речка в Грузии) и объясняется на основе чередования суффиксов *-ur-/-ul-* в грузинском языке (с. 64), при том, что грузинское название с *-ul-* не упоминается, в чем проявляется нарушение автором собственной логики.

Оним *Русь* у Ю.Л. Мосенкиса фигурирует как следствие упрощения названия этрусков с корнем *turs* (с. 47). Такую версию можно квалифицировать только как пример кабинетной народной этимологии: автор не знает специальных исследований, посвященных толкованию слова *Русь* (иран. **ru(s)sa* 'светлый, белый') [Трубачев 1993: 36], в которых устанавливается его иранское происхождение. Антропоним *Кий* автор сравнивает с абхазо-абазинским *а-хь, а-хьы* и т.п. – княжеский титул (с. 89), не упоминая при этом об основной, построенной на исчерпывающем материале, версии О.Н. Трубачева, отображенной еще в ЭССЯ [ЭССЯ 1987, XIII: 256–258], согласно которой это имя – онимизированный апеллятив **kyjь* 'кий, палка' (с закономерным *y* < *ŏ* перед *j*, то есть **kъjь*). О.Н. Трубачев приводит карту, демонстрирующую весь ареал ойконимов типа **Kyjevъ*, который охватывает практически все славянские земли, за исключением Словении. Территория Украины – всего лишь периферия функционирования этого названия. Анализируя этот антропоним, Ю.Л. Мосенкис допускает основную методологическую ошибку, исходя не из его структурных (фонетических, словообразовательных) характеристик, ареала, а из социального статуса человека (лингвистический подход, логичный при этимологическом анализе, подменяется нелингвистическим), которого он обозначал, переключая внимание на другие, структурно неадекватные княжеские титулы. Однако не следует забывать, что социальная маркированность слова (закрепленность его как названия должности или титула) всегда вторична по отношению к генетической конкретной семантике, что и было другими словами отмечено О.Н. Трубачевым, охарактеризовавшим **Kyjь* как первоначально додинастический, некняжеский [Трубачев 1991: 136]. Все это необходимо учитывать: этимологизация лексики – кропотливая и длительная работа с многочисленным сложным материалом этимологических гнезд и фонетическими формулами, которая не терпит жонглирования просто похожими словами и произвольных сопоставлений даже под прикрытием выхода на "доиндоевропейский" уровень, где появляется пространство для фантазий автора.

Очень часто Ю.Л. Мосенкис неточно или извращенно подает информацию, содержащуюся в использованных им источниках. Так, он приписывает В.П. Шульгачу тезис Е.М. Катоновой [Катонова 1981: 180–181] о сомнительности "свиной" мотивации названий славянских рек типа *Свинка* (с. 75). Кроме того, он замалчивает основательные славянские данные, на базе которых В.П. Шульгачем этимологизируется гидроним *Свинь*, и приведенные им аргументы (приставочные варианты от **vinǫti* 'вить, извиваться'). Без какой-либо аргументации своей точки зрения Ю.Л. Мосенкис постулирует как более вероятное "субстратное" происхождение этого названия (с. 75). Автор книги позволяет себе нарушение этики научного диалога. Отрицая, например, тезис академика О.Н. Трубачева о невозможности языковой и культурной связи между славянами и этрусками, Ю.Л. Мосенкис не противопоставляет ему своих надежных контраргументов, считая достаточным сравнение праслав. **kobьcь*, русск. *филин/хилин* с этрусскими "соответствиями" *capys* 'сокол', *hiuls* 'сова' (с. 46–47), чтобы просто отмахнуться от всей практики реконструкции праславянского языка, которая, насколько позволяет судить его лексический состав, отображенный в 28 выпусках "Этимологического словаря славянских языков" и 7 "Słownika prasłowiańskiego", не знает этрусских параллелей. Сравнения, приведенные в книге, представляются невозможными, учитывая фонетику сопоставляемых слов: праслав. *b* в **kobьcь* не может быть соответствием этрусск. *p*, так же, как суффикс *-ьс-*, сформированный как таковой собственно в праславянском языке, не может соответствовать этрусскому сегменту *-ys* (*capys* вообще может члениться иначе). Аналогичная ситуация с этрусск. *hiuls*, корневой вокализм которого не имеет ничего общего с русск. *и* в *филин/хилин* (до сих пор не определено, какая из форм является первоначальной), не говоря уже о разном генезисе эт-

русск *h-* и русск *ф-/х-* (вообще, автору не помешало бы ознакомиться с литературой о происхождении славянских *х-* и *г* (русск *и*), перед которым *х* не претерпевает качественных изменений) Кроме всего сказанного, сравнение русских слов непосредственно с этрусскими методологично ошибочно сопоставлять можно только материал языков приблизительно одного хронологического среза, то есть праславянского и этрусского Так же заранее обречена на провал попытка Ю Л Мосенкиса объяснить "милозвучные чередования в предлогах-приставках типа *в-/у-/ув-/увг-*, *з-/из-* и т д как доиндоевропейский (трипольский) субстрат (с 130–131) Это – поздние (что засвидетельствовано памятниками) фонетические преобразования первоначальных предлогов-приставок **vъ-*, **jьz-*, **sъ-* и др в украинском языке, искусственно введенные в литературный язык на правах эвфонических чередований академическими структурами с целью упорядочения правописания

Автор рецензированной книги с легкостью говорит о морфологии доиндоевропейского субстрата, вообще злоупотребляя термином доиндоевропейский ' и используя его по собственному усмотрению, как только хочет что-нибудь вписать в свою систему взглядов, хотя до сих пор окончательно и однозначно не реконструирован грамматический строй собственно общеиндоевропейских диалектов Поэтому причины того, что Ю Л Мосенкис квалифицирует без надлежащей аргументации как доиндоевропейское, следует искать в исторической грамматике именно индоевропейских языков, с которой он, судя по содержанию книги, не знаком Прибегая к реферированию литературы, посвященной теории субстрата (доиндоевропейского, кельтского), Ю Л Мосенкис далеко отходит от проблематики трипольской культуры и вдруг, без логичной привязки к контексту, делает вывод 'видим, что время налаживания трипольско-западноевропейских контактов совпадает со временем выделения славянских языков из других индоевропейских (с 29) Непонятно, на какие доказательства опирается автор, говоря о выделении славянских языков из других индоевропейских, ведь праславянский был совокупностью самобытных диалектов в границах общеиндоевропейского языкового континуума, так же, как и прагерманский или прабалтийский (см работы Г А Ильинского, А Мейе, О Н Трубачева, Х Шустера-Шевца и др)

В книге делается ничем не подтвержденный вывод об индоевропеизации языка трипольской культуры (III–II тыс до н э), вследствие чего образовался праславянский язык (с 29) Подобное утверждение требует опровержения всех достижений палеославистики на колоссальном фактическом материале, чего, конечно, не наблюдается в рецензированной работе Это принципиальное нарушение логики исследования во-первых автору так и не удалось ничего сказать о так называемом языке трипольской культуры чтобы доказать факт его индоевропеизации, во-вторых, он, к сожалению просто не знает истории и основных, уже аксиоматичных среди специалистов, результатов разработки палеославистики, индоевропеистики, то есть теории диалектного членения праславянского языка и общеиндоевропейского, вопроса локализации прародины славян (по О Н Трубачеву) на Среднем Дунае (не на Украине, возле трипольцев[1]) и др

Ограниченный объем рецензии не позволяет нам остановиться на деталях книги Ю Л Мосенкиса, однако сформулированные в ее заключении положения относительно трипольского субстрата в украинском языке новой версии происхождения праславянского языка вследствие индоевропеизации трипольцев, как показывают изложенные выше аргументы, ничем не обоснованы, более того – искусственны, как искусственна и сама проблематика книги Не последнюю роль в провале всех начинаний автора сыграло игнорирование им одной простои истины, высказанной еще Ф П Филиным не следует отождествлять лингвистическую культуру с археологической, на территории которои первая функционирует Для доказательства же своей точки зрения Ю Л Мосенкис не предложил ни материала, ни методики

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Верхратський 1899 – *І Верхратський* Знадоби для пізнання угро-руських говорів Словарець // Записки Наукового товариства імені Шевченка Львів 1899 Т XXX

ЕСЛГНПР 1985 – Етимологічний словник літописних географічних назв Південної Русі Київ, 1985

Катонова 1981 – *Е М Катонова* Данные гидронимии о балто-славянских контактах на севере Белоруссии // Балто-славянские исследования 1980 М , 1981

Козлова 1986 – *Р М Козлова* Реконструкция и этимологизация праславянской лексики и проблема структуры праславянского слова // Этимология 1984 М , 1986

Козлова 1997 – *Р М Козлова* Структура праславянского слова (праславянское слово в генетическом гнезде) Гомель, 1997

Лучик 1996 – *В В Лучик* Автохтонні гідроніми Середнього Дніпро-Бузького межиріччя Кіровоград, 1996
Масенко 1979 – *Л Т Масенко* Гідронімія Східного Поділля Київ, 1979
ОАИУЯ – Ономастический архив Института украинского языка НАН Украины
Онишкевич 1984 – *М И Онишкевич* Словник боківських говірок Київ, 1984 Ч I–II
Стрижак 1963 – *О С Стрижак* Назви річок Полтавщини Київ, 1963
Трубачев 1991 – *О Н Трубачев* Этногенез и культура древнейших славян Лингвистические исследования М , 1991
Трубачев 1993 – *О Н Трубачев* К истокам Руси (наблюдения лингвиста) М , 1993
Шульгач 1998 – *В П Шульгач* Праслов'янський гідронімний фонд (фрагмент реконструкції) Київ, 1998
Элиасов 1980 – *Л Е Элиасов* Словарь русских говоров Забайкалья М , 1980
ЭССЯ 1979, 1986, 1987 – Этимологический словарь славянских языков Праславянский лексический фонд / Под ред О Н Трубачева М , 1979, 1986, 1987 Вып 6, 12, 13

А И Илиади

№ 3 2003

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

20–21 июня 2002 года на филологическом факультете МГУ прошел XI Коллоквиум Европейского общества кавказоведов Коллоквиум проводился Московским государственным университетом им. М В Ломоносова в сотрудничестве с Институтом языкознания РАН Финансовую помощь при проведении коллоквиума оказал Российский фонд фундаментальных исследований.

Прошедший коллоквиум являлся своего рода юбилейным, поскольку ровно 20 лет назад (в 1982 г.) возникла сама идея о проведении встреч европейских кавказоведов. Первый (тогда еще неформальный) коллоквиум прошел в 1983 г в Англии, а на третьей встрече в Осло в 1986 г было официально основано Европейское общество кавказоведов (Societas Caucasologica Europaea)[1] С тех пор коллоквиумы проводятся каждые два года, причем на двухгодичный срок избирается правление Общества, которое и готовит проведение следующего коллоквиума На период 2000–2002 гг президентом Общества был избран А Е Кибрик (МГУ им М В Ломоносова), а вице-президентом М Е Алексеев (Институт языкознания РАН) В Москве коллоквиум, который ранее обычно устраивался в Западной Европе, проходил впервые

В работе коллоквиума приняли участие российские и зарубежные лингвисты, работающие в области кавказского языкознания Всего на приглашение принять участие в коллоквиуме откликнулось около 100 человек – представителей кавказоведения из различных городов и регионов России, в том числе ряда северокавказских республик (Дагестан, Чечня, Кабардино-Балкария, Адыгея), а также зарубежных стран – Грузии, Германии, США, Великобритании, Испании, Швеции, Франции. К конференции был издан сборник материалов, включающий 90 тезисов докладов (XI Коллоквиум Европейского общества кавказоведов. Москва, МГУ им. М В Ломоносова, 20–22 июня 2002 г. Тезисы докладов М., 2002)

К сожалению, многие участники коллоквиума не смогли приехать на конференцию, поэтому заслушано было в общей сложности 42 доклада При этом тематика докладов конференции была широкой: в рамках коллоквиума прошли секционные заседания по темам "Лексикология и семантика", "Фонетика и компаративистика", "Морфология", "Синтаксис", "Дискурс", "Типология" и "Социолингвистика" (ниже перечисление докладов идет по тематическому принципу, а не в соответствии с их последовательностью в ходе заседаний) Хотя основная часть сообщений была посвящена собственно лингвистической проблематике, в ряде докладов затрагивались и вопросы истории и литературы народов Кавказа

На открывающем пленарном заседании был заслушан доклад А.Е Кибрика (Москва) "Синтаксис аффективной конструкции в арчинском языке", в котором докладчик показал, что синтаксическое поведение основных актантов аффективной конструкции (экспериенцера и стимула) не является идентичным поведению канонических актантов эргативной конструкции (агенса и пациенса): тем самым, строго выдерживается ориентация на ролевые характеристики актантов, свойства которых на синтаксическом уровне не нейтрализуются, как в европейских языках

Заседание секции 'Лексикология и семантика" началось с доклада Д Рейфилда (Лондон), посвященного проблемам описания морфологии и семантики грузинского языка, возникающим при работе над большим грузинско-английским словарем В докладе А Н Абрегова (Майкоп) была рассмотрена этимология названия ивы в адыгских языках З Ю Кумахова, М А Кумахов (Москва) и Р Ю Намитокова (Майкоп) продемонстрировали важ-

[1] Подробнее об истории Европейского общества кавказоведов можно прочитать на странице в интернете немецкого кавказоведа, проф Вольфганга Шульце (президента Общества в 1992–94, 1998–2000 гг) http //www lrz-muenchen de/~wschulze/

ность составления "Сводного словаря личных имен народов Северного Кавказа" и предложили рекомендации по работе над ним. В продолжение данной темы Р.Ю. Намитокова и Н.А. Нефляшева (Майкоп) остановились на различных группах адыгских личных имен, которые являются своеобразным зеркалом языковой картины мира этих народов Доклад З Х. Бижевой (Нальчик) был посвящен эстетике мироощущения адыгов, отражению эстетических идеалов в адыгской языковой картине мира В докладе Т.М. Шомаховой (Нальчик) была рассмотрена структурно-семантическая парадигма имен существительных со значением 'время' в кабардино-черкесском языке А.Ч. Абазов и Т.М. Танашева (Нальчик) остановились в своем докладе на метафорической природе ряда кабардино-черкесских слов. В докладе Л.Р. Хагба (Сухум) рассматривалось отражение концептов 'мир' и 'миролюбие' в абхазской лингвокультурной традиции. О.П. Дзидзария (Сухум) привел подробный обзор абхазизмов, представленных в картвельских языках Т Б. Сосенская (Москва) охарактеризовала широкий спектр функций цахурского показателя *me* , который в ряде контекстов выступает как служебное имя.

В секции "Фонетика и компаративистика" было прочитано три доклада. С.В. Кодзасов (Москва) продемонстрировал, как реализуется в различных дагестанских языках фонетический контраст согласных по силе (напряженности) и какова роль данных фактов для фонетической теории. В докладе М.Е Алексеева (Москва) было показано, что явление аблаута достаточно широко распространено в глагольной системе различных групп дагестанских языков, а не является отличительным свойством одних лишь нахских языков, как считалось ранее. Я.А. Яралиев и НО Османов (Махачкала) предложили в своем докладе оригинальную дешифровку текста знаменитого "Фестского диска": по мнению докладчиков, этот текст был написан на лезгинском языке, который и является языком упоминаемых в древнейших источниках "пелазгов".

Секция "Морфология" открылась сообщением М А. Кумахова (Москва) "Распределение морфем в убыхском глаголе", в котором была продемонстрирована сложность морфологического строения убыхской глагольной словоформы. В трех следующих докладах ряд морфологических явлений рассматривался на материале агульского языка (лезгинская группа, Дагестан) В.А Плунгян (Москва) и С.Р. Мерданова (Махачкала) охарактеризовали происхождение и свойства агульского комитатива, показав, что он может считаться полноценным падежом в парадигме существительного. Доклад Т А. Майсака (Москва) и С.Р. Мердановой был посвящен семантике формы результатива в агульском языке, одной из основных функций которой является выражение эвиденциального значения (косвенной засвидетельствованности). В докладе Д.С. Ганенкова (Москва) и С.Р. Мердановой были сформулированы принципы нового подхода к описанию семантики локативных падежей в дагестанских языках: на материале агульского языка было показано, что для характеристики значения локализаций часто необходимо опираться на иные параметры, нежели чисто пространственные. К.Р Керимов (Махачкала) рассмотрел в своем докладе видовую оппозицию в лезгинском языке, которая носит чисто словоизменительный характер и вследствие этого проявляет важные отличия от русского видового противопоставления (подробнее см. недавно вышедшую монографию: К.Р. Керимов Контрастивная аспектология лезгинского и русского языков. Махачкала, 2002). В докладе М.Э. Чумакиной (Саррей), посвященном супплетивным формам в арчинском и других дагестанских языках, было показано, каким образом данные этих языков вносят определенные коррективы в представления о типологии супплетивизма. В докладе Т.М. Вагаповой (Грозный) обсуждались спорные вопросы в изучении числительных чеченского языка, в первую очередь особенности их склонения.

Секция "Синтаксис" открылась докладом К. Вамлинг (Лунд) и М.А. Кумахова (Москва), посвященным антипассивной конструкции в черкесских языках и ее отличию от эргативной конструкции Ф.А. Муратчаева (Махачкала) затронула в своем сообщении проблему современного системного исследования синтаксиса в разноструктурных языках Дагестана (в частности, в кумыкском языке). В докладе Р.Ш. Халидовой (Махачкала) были рассмотрены способы образования и функции масдара (отглагольного имени) в каратинском языке на фоне родственных языков андийской группы. Н.Р. Сумбатова (Москва) в своем докладе показала, что морфологическое маркирование "переходных" и "непереходных" форм глагола в ицаринском диалекте даргинского языка может быть описано как особая грамматическая категория инверсива, тесно связанная с предикативной категорией лица. Доклад С.М. Махму-

довой (Махачкала) носил характер обсуждения и был посвящен синтаксическим преобразованиям в рутульском языке, близким к залоговым противопоставлениям

В рамках секции Дискурс' были представлены три доклада, основанные на адыгском материале В докладе М Хелиг (Берлин) были рассмотрены языковые особенности основных жанров текстов на адыгейском языке, в первую очередь описаний традиционных обычаев Доклад А М Гадагатля (Майкоп) был посвящен языку адыгского народного эпоса Нартхэр' и, в частности, структуре входящих в него текстов Ф С Кебекова (Нальчик) провела ряд параллелей в творчестве трех выдающихся народных поэтов Северного Кавказа XIX века – Коста Хетагурова, Кязима Мечиева и Бекмурзы Пачева

Заседание секции "Типология' началось с доклада К И Казенина (Москва), в котором обсуждалась проблема синтаксических свойств местоимений 1-го, 2-го и 3-го лица в контексте рефлексивизации (на материале лакского языка) Е А Лютикова (Москва) представила типологические наблюдения по каузативной и декаузативной деривации и лабильным глаголам в дагестанских языках В докладе С Ю Толдовой (Москва) были рассмотрены синтаксические особенности дативных и аффективных глаголов в дагестанских языках по сравнению с агентивными глаголами Доклад С Р Мердановой (Махачкала) и Е Ю Калининой (Москва) был посвящен характеристике свойств причастия в агульском языке, которое способно использоваться в широком круге контекстов В сообщении В Д Соловьева (Казань) на примере восточнокавказских языков была продемонстрирована предлагаемая модель эволюции личного согласования Доклад Л С Ермолаевой (Москва) был посвящен характеристике древнегрузинского языка с точки зрения контенсивной типологии

Секция 'Социолингвистика открылась докладом В В Лазарева и Л Правиковой (Пятигорск), в котором была обрисована языковая ситуация на Северном Кавказе, особое внимание было уделено угрозе исчезновения 50% языков региона в случае, если не будут предприняты меры по их сохранению В А Чирикба (Лейден) прочел доклад на тему Кавказский языковой союз миф или реальность? Доклад Р Гусмана Тирадо (Гранада) и З М Габуния (Нальчик) был посвящен проблеме малочисленных ('миноритарных) языков в лингвистике XXI века и содержал призыв к лингвистам и общественным организациям по принятию неотложных мер для сохранения языкового богатства в мире, в том числе и в России (подробнее о данной проблеме см недавно вышедшую книгу авторов З Габуниа, Р Гусман Тирадо Миноритарные языки в современном мире Кавказские языки М , 2002) В докладе Г Х Ибрагимова (Махачкала) было охарактеризовано современное состояние новописьменных дагестанских языков (агульского, рутульского, цахурского), официально получивших письменность в 1990 г

На заключительном пленарном заседании состоялось три доклада Доклад Б Комри (Лейпциг) и М Полинской (Сан-Диего) был посвящен порядку слов в цезском языке, где продемонстрированы возможные случаи вынесения зависимых составляющих располагаемых обычно перед глаголом-сказуемым, на правую периферию" предложения (т е в позицию после сказуемого), а также представлена анкета для типологического изучения такого рода синтаксических явлений Я Г Тестелец (Москва) и М Ш Халилов (Махачкала) проанализировали в своем докладе средства выражения эвиденциальности (косвенной засвидетельствованности) и адмиратива в бежтинском языке, а также взаимосвязь результативной и эвиденциальной семантики регулярно совмещаемых в дагестанских языках в одной форме В заключительном докладе Некоторые контуры кавказоведения XXI века Р Гусман Тирадо и З М Габуниа суммировали те идеи (возникшие при работе над кавказским материалом), которые сыграли значительную роль в формировании общелингвистической проблематики XX века, а также наметили основные направления, в которых скорее всего будет работать кавказоведение XXI века это и изучение социолингвистических проблем, и комплексное исследование языковой картины мира, и типологические и сравнительно-сопоставительные работы с применением новых усовершенствованных методов анализа, и изучение генеалогии и ареальных контактов кавказских языков, а также вопросов межкультурной коммуникации Доклад вызвал наиболее оживленную дискуссию

На закрытии конференции президент Европейского общества кавказоведов А Е Кибрик подвел ее итоги и выразил благодарность всем, кто нашел возможность приехать в Москву, а также надежду на то, что плодотворное общение между кавказоведами разных стран и разных регионов России будет продолжаться

В связи с недостаточным представительством членов Общества на коллоквиуме (в первую очередь из за отсутствия большеи части зарубежных коллег) не было избрано новое правление (президент и вице-президент) на следующии двухгодичный срок Поэтому пока перспективы будущих общеевропейских встреч кавказоведов остаются неопределенными Работа же по исследованию кавказских языков продолжает успешно проводиться как в нашей стране, так и за рубежом

Т А Маисак (Москва)

35 лет назад впервые была проведена конференция, получившая название Ономастика Поволжья Это было время начала интенсивного развития ономастических исследовании, появления крупных советских школ ономастики, время ономастического романтизма Ономастика заявила о себе как о самостоятельной интердисциплинарной науке, но ее лингвистические основания просматривались при этом все более ощутимо Вдохновителем Поволжских ономастических конференции стал Владимир Андреевич Никонов, на родине которого в г Ульяновске и была проведена первая встреча ономатологов Поволжья

В последующем конференция проводилась с различнои степенью регулярности в разных городах, расположенных на Волге и ее притоках (Горькии, Уфа, Пенза, Саранск), пока в 1988 г В А Никонов не предложил провести шестую встречу специалистов по ономастике в г Волгограде Спустя год она состоялась в Волгоградском педагогическом институте (ныне университете), однако сам инициатор и организатор конференции уже не смог участвовать в ее работе VI Поволжская ономастическая конференция была посвящена памяти В А Никонова (1904–1988)

VII и VIII конференции также были проведены в Волгограде Несмотря на стремление оргкомитета продолжить традицию первых поволжских ономастических форумов и проводить их в разных городах на берегу великой русскои реки, передвинуть и IX конференцию в другое место не удалось, она снова прошла в сентябре 2002 г на базе Волгоградского педагогического университета (ВГПУ)

На торжественном открытии IX Международнои конференции Ономастика Поволжья ее участников приветствовал первый проректор ВГПУ Н К Сергеев В адрес конференции поступили приветствия от председателя Волгоградской областной думы Р Г Гребенникова, президента Российского фонда культуры Н С Михалкова, митрополита Волгоградского и Камышинского Германа С приветственным словом к участникам обратились председатель комитета по делам национальностеи и казачества областнои администрации А А Бирюков, руководитель делегации Украины В М Калинкин Выступление фольклорного ансамбля Покров заверши ло торжественную часть

На первом пленарном заседании было заслушано четыре доклада Сопредседатель оргкомитета конференции Р Ш Джарылгасинова (Институт этнологии и антропологии РАН, Москва) рассказала о роли В А Никонова в организации и проведении поволжских конференции по ономастике В Д Бондалетов (Пенза) выступил с докладом о программе спецкурса по ономастике для студентов филологических факультетов В докладах В М Калинкина (Донецк, Украина) Поэтонимосфера поиски новых путеи в теории литературнои ономастики и Г Ф Ковалева (Воронеж) Писательское небо астронимы в творчестве русских писателеи рассматривались актуальные проблемы литературнои ономастики

На втором пленарном заседании были заслушаны доклады Л А Сараджевой (Волгоград) Семантические модели образования древнеевропейских гидронимов в славянской и балтиискои языковых традициях , Л Ш Арсланова (Елабуга) Словообразовательная структура топонимов Татарстана , И В Крюковои (Волгоград) Рекламное имя рождение, узуализация, функционирование и В И Супруна (Волгоград) Ономастическое пространство Интернета Б -Р Логашова (Москва) выступила с сообщением о проблемах современной этнонимии в связи с предстоящеи переписью населения России

Состоялись заседания шести секции на которых анализировались важные аспекты современных ономастических исследований На заседании секции теории ономастики были заслушаны доклады Н К Итченко и Н Ц Джунгуровои (Элиста) о сопоставимости онимоцентрическои синтагматики в английском и калмыцком языках, С Н Рубинои (Волгоград) о

страноведческом потенциале и национальном колорите фразеологических единиц русского и китайского языков с ономастической лексикой, Л.В. Жаравиной (Волгоград) "Имя писателя в религиозно-философских трудах И.А. Ильина", Л.А. Батуриной (Волгоград) о прагмасемантических аспектах употребления имен собственных в газетном тексте, М.В. Майорова (Тула) о топонимической адаптации населения. С.А. Попов (Воронеж) сообщил об отражении русской ментальности в российской топонимии, Т.А. Сироткина (Пермь) проанализировала функционирование диалектных этнонимов Прикамья.

На заседании секции топонимики, микротопонимики и урбанонимики выступили с докладами: О.П. Воронцова (Йошкар-Ола) "Религиозные названия в топонимах республики Марий-Эл", Р.И. Кудряшова (Волгоград) "Причины переименования населенных пунктов Волгоградской области", Т.В. Майорова (Тула) "Тюльпа: об одном старом тульском микротопониме". В.С. Картавенко (Смоленск) рассмотрела употребление этнонима "татары" в смоленской топонимии. В.В. Синельникова (Киев, Украина) сообщила об украинизмах в топонимике Волгоградской области. Доклад Б.-Р. Логашовой (Москва) касался проблемы Ирана-Турана. Е.В. Махиня (Волгоград) проанализировала русские топонимы, выражающие идею поворота. Работа секции прошла весьма оживленно, докладчики ответили на многочисленные вопросы.

На заседании секции литературной ономастики были определены три направления работы: теоретические проблемы литературной ономастики, ономастический анализ произведения литературы, проблемы перевода имен собственных в художественном тексте. Были заслушаны и обсуждены доклады Н.С. Ковалева (Волгоград) "Концептуализация антропонимов в художественном тексте как метод их лингвистического исследования", Т.А. Фоминой (Волгоград) "Стилистические функции литературных имен (на материале русской и английской авторской сказки)". Э.А. Кравченко (Донецк, Украина) сообщила о подтексте имени и образа месье Пьера в романе В. Набокова "Приглашение на казнь". В докладе Н.В. Мудровой (Горловка, Украина) рассматривалась поэтика онимов повести Н.С. Лескова "Леди Макбет Мценского уезда". А.В. Правдикова (Волгоград) проанализировала антропонимы в прозе П.Г. Вудхауса в аспекте перевода. Т.В. Чуб (Сумы, Украина) провела сопоставительный анализ семантики и поэтики ойкодомонимов в "Завещаниях" Франсуа Вийона и их переводах на русский язык. На заседании секции выступила С. Рожкова (Йошкар-Ола), которая остановилась на проблемах изучения ономастикона романа-антиутопии В. Войновича "Москва-2042". И.А. Петрова (Михайловка) посвятила свое выступление именованиям героинь русских сказок. В ходе обсуждения участниками было высказано пожелание об организации на следующих поволжских конференциях отдельной секции по проблемам фольклорной ономастики.

На секции антропонимики вниманию участников были представлены доклады Е.В. Брысиной (Волгоград) о специфике имен собственных в составе диалектных фразеологических единиц, Т.Н. Весова (Волгоград) об имянаречении у русских и китайцев. С.К. Удеева (Элиста) сообщила о неофициальных и официальных личных именах у калмыков. Е.В. Филатова (Донецк, Украина) на материале имени Наполеон рассмотрела интерлингвальные коннотации исторической онимии. С докладом об именовании детей в конце XX века и методике антропонимических исследований выступил В.Д. Бондалетов.

На заседании секции периферийных разделов ономастики заслушаны доклады Е.А. Бурмистровой (Волгоград) "Отглагольные существительные в структуре названий произведений живописи", А.М. Емельяновой (Уфа) "Названия коммерческих предприятий в многонациональном городе" и В.В. Носковой (Владимир) "Место СМИонимов и их основные характеристики в региональной ономастике". Т.П. Романова (Самара) рассмотрела самарские рекламные урбанонимы, а Е.В. Трифонова (Волгоград) – проблему семантики в эргономике.

Секция мифонимики, теонимики и апеллятивно-ономастического пограничья отличалась тематическим разнообразием. На заседании выступил В.М. Викторин (Астрахань) с сообщением об именах мусульманских святых и названиях их захоронений у ногайских татар в окрестностях Астрахани. Е.В. Кузнецова-Тарабанова (Волгоград) рассказала об особенностях мотивации некоторых названий ветра в донских говорах. В.П. Рукомойникова (Йошкар-Ола) представила языковую картину мира, выраженную посредством мифонимов в произведениях Даниила Андреева. Р.Ш. Джарылгасинова представи-

ла подготовленный совместно с А.Р. Садоковой (Москва) доклад о японском божестве Досодзин.

Впервые был проведен круглый стол "*Волга* в русском языке и культуре". А.Л. Шилов (Москва) предложил критический обзор этимологии названия Волга, Н.В. Лекомцева (Ижевск) в докладе, подготовленном совместно с Т.Н. Кожиной, представила топоним *Волга* как прецедентный знак русской культуры. В дискуссии выступили И.В. Крюкова, Т.П. Романова, Т.В. Майорова, Б.-Р. Логашова, В.М. Викторин, Л.Ш. Арсланов. В.И. Супрун предложил проводить обмен мнениями по этой теме на каждой ономастической конференции. На этом же заседании был рассмотрен доклад Л.М. Дмитриевой и Н.Д. Голева (Барнаул) "Единство онтологического и ментального бытия топонимической системы (к проблеме когнитивной топонимики)".

На заключительном заседании были заслушаны отчеты председателей секций, обсуждена и принята резолюция IX Международной конференции по ономастике Поволжья, в которой отмечено, что на торжественном открытии конференции и первом пленарном заседании присутствовало около 300 слушателей. В ходе работы конференции было заслушано 53 доклада ономатологов из 21 города России (Москва, Волгоград, Уфа, Пенза, Астрахань, Елабуга, Тула, Самара, Владимир, Пермь, Воронеж, Элиста, Йошкар-Ола, Ижевск, Барнаул, Михайловка) и Украины (Киев, Донецк, Сумы, Горловка, Славянск). В издательстве "Перемена" был издан сборник тезисов, включающий более 100 заявленных докладов и сообщений (общий объем 13,3 п.л.).

Благодаря согласию руководства Башкирского госпедуниверситета появилась надежда, что наконец поволжская ономастическая конференция снова обретет свой прежний статус, будет проходить в разных городах на берегах Волги и ее притоков. Было объявлено, что X конференция "Ономастика Поволжья" пройдет в 2005 году в Уфе. В заключительном слове сопредседатель оргкомитета IX Международной конференции "Ономастика Поволжья" Р.Ш. Джарылгасинова поблагодарила участников за активность, а руководство ВГПУ – за создание условий для плодотворной работы.

В.В. Бардакова, В.И. Супрун (Волгоград)

CONTENTS

V.A. Vinogradov, A.I. Novikov, E.I. Jaroslavceva (Moscow). Data-base "Languages of the world" as a means of linguistic research; V.L. Tsymburskij (Moscow). Ethnic and linguistic genesis of the Troy: some Indo-European problems; M.A. Shapir (Moscow). Three reforms of the Russian verse syntax; E.M. Beregovskaja (Smolensk). A system of syntactic figures: the problem of gradation; T.S. Sorokina (Moscow). Functional principals of the theory of grammatical synonymy; A.I. Sobolev (St.-Petersburg). The Novgorod Psalter of the XI century and its antigraph; **Reviews**: L.V. Kurkina (Moscow). *M.L. Greenberg*. A historical phonology of the Slovene language; A.I. Iliadi (Kiev). *J.L. Mosenkis*. The language of the Tripolic culture; **Chronicle features**.

Технический редактор *О Н. Никитина*

Сдано в набор 21.02.2003 Подписано к печати 21.04.2003 Формат 70 × 100¹/₁₆
Офсетная печать. Усл. печ.л. 13,0 Усл. кр.-отт. 20,0 тыс. Уч.-изд.л. 15,6 Бум. л. 5,0
Тираж 1510 экз. Зак. 7256

Свидетельство о регистрации № 0110167 от 4 февраля 1993 г.
в Министерстве печати и информации Российской Федерации
Учредитель: Российская академия наук

Адрес издателя: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 121019, Москва, Г-19, ул. Волхонка, 18/2. Институт русского языка,
телефон 201-25-16
Отпечатано в ППП "Типография "Наука", 119099, Москва, Шубинский пер., 6